

<https://www.facebook.com/groups/concept.moscow/permalink/1746730095464283>

<https://www.uni-dubna.ru/LK/Index/d31af581-eaaa-416e-bd26-67e7fa4ec032>

Основания интеллектуальной культуры человечества: А.И. Малахов История зарождения натуралистического мышления

ВСТУПЛЕНИЕ: СУЩЕСТВО ОТКРЫТИЯ

Итак, автор заявляет о чем-то решительно новом, до сих пор никем прямо не выявленном и не описанном — обнаружена, описана и объяснена первая модель Бытия. Читатель, уставший от назойливых «сенсаций» нашего изверившегося и пустого времени, имеет право на скепсис: «Ну и что? Мало ли кто напридумает: новых слов или словосочетаний! Нас-то как это касается?» Поэтому существо заявления, которое автор после долгих колебаний все же решился именовать не иначе, как открытием, следует уточнить: речь идёт о чем-то предельно массовом и «обычном», но обычном в том смысле, что эта модель Бытия используется всеми людьми и всегда, когда они что-то видят, слышат, читают, одним словом, «воспринимают» окружающий мир, ну а необычность состоит в том, что при этом люди наивно так полагают, что они как-то так прямо, напрямую с самим Бытием уже и имеют дело! А на самом деле, между ними и Бытием стоит ими не замечаемая модель Бытия. Еще грубее: каждый одиночка носит с собой «инструмент» или «прибор», не будем говорить о микроскопе, телескопе, а проще — «розовые очки», и все видит через них, но наивно не признает того, что он в очках и потому настойчиво розовый цвет приписывает всему окружающему его, в том числе и себе — ровно настолько, насколько себя ему удастся увидеть через те же очки. Но очки-то можно снять и посмотреть без них! А вот с первой моделью Бытия так поступить не получится — отказываясь от нее, мы откажемся от восприятия специфически по-человечески и вернемся к примитивизму восприятия Бытия животными, а главное — откажемся от всего того, что составляет специфически человеческое интеллектуальное богатство! «Авгиевы конюшни» сугубо научных заблуждений и грандиознейший веер грубо ошибочных практических выводов и устремлений в человечестве имеют начало в том, что мы, не различая Бытие и модель Бытия и того не осознавая, свойства первой модели Бытия переносим на само Бытие, мы прямо вменяем их Бытию. Хотя «не факт», что они ему свойственны! А точнее, не во всех задачах и случаях терпима такая замена. И фактически отказываясь от контроля за используемыми моделями, мы и на всю нашу «практику» переносим проблему незавершенности нашего «познания» Бытия, ибо не замечаем указанные «модельные наводки». И данной монографией автор заявляет о своем конкретном открытии — все якобы многообразие интеллектуальной культуры человечества стоит на общем для всех и при этом никем неосознаваемом акте замещения Бытия его весьма конкретной моделью или схемой. Каждая персона всякий раз, когда она якобы просто видит объекты якобы внешнего ему мира, на самом деле, видит их как представитель рода человеческого, то есть (до всякого «видения»!) мысленно их конструирует из показаний органов чувств и мысленно же выносит и ставит перед собой, то есть представляет, полагая их за «само Бытие». Ну а главное — не осознает

этой операции модельного замещения «самого Бытия» собственной, «принесенной с собой» интеллектуальной конструкцией, не знает о нем ничего. Да и не может знать, ибо специфически человеческий способ восприятия, то есть «видения» и понимания Бытия через первую модель Бытия — не персональное достижение одиночки, а продукт развития интеллектуальной культуры всего человечества и сложился он стихийно, «сам собой», до всякого осознания. Одиночка же, родившись от своих родителей телесно, тем самым только воплощается, а потом он в очеловечивается, то есть усваивает ту развитую человеческую культуру, которую застаёт уже готовой и которая «вручает» ему тайно (тайно от него самого, от его осознания) интеллектуальный инструмент — модель Бытия. В результате и складывается такая ситуация, когда человек якобы «просто видит» объекты, то есть не осознаёт сам акт модельного замещения, не осознаёт, что использует модель, а потому и не различает «само Бытие» и модель Бытия. Содержательно это означает, что в фактическом употреблении он их как бы «склеивает» в одно. Эта неразличенность и составляет самую суть наивного натурализма. Автор напирает на слово «открытие», чтобы резко подчеркнуть: он не предлагает что-то «от себя», первая модель Бытия не сочинена им, но именно обнаружена внутри уже сложившейся интеллектуальной культуры, найдена так, как находят свои черепки археологи. Словосочетание «первая модель Бытия» — не более, чем название, имя: ведь нужно же было как-то назвать выявленное. Человечество имеет единую и единственную историю, которая наложила самый прямой и грубый отпечаток на восприятие Бытия человеком персоной, а значит — и на все его возможности понимания и действия. Человечество ещё не знает, оно ещё не рефлексировало. За себя. Или кто-нибудь за него — ведь до сих пор даже и не обсуждается ещё более первичный вопрос: а способен ли на самоосознание собирательный субъект, например такой, как «историческое человечество»? Читатель нетерпеливый (требующий «сути дела»), как и читатель, не желающий вникать в построения автора, отсюда может перейти к разделу «Итоги». Излагаемое не есть научное построение в узком смысле объективно научного метода, но и не есть философия как очередная философская система. На языке того научного направления, которое сложилось как один из итогов системного движения в науке вообще и к которому автор относит и себя, метод называется концептуальной расчисткой — работой в основаниях, в исходных посылках, аксиомах, постулатах, онтологиях и прочих «очевидностях». Так вот излагаемое и есть шаг концептуальной расчистки оснований интеллектуальной культуры, исторически и стихийно (то есть до всякого осознания!) сложившихся и до сих пор в явном виде не выявленных и не изученных. Если не сглаживать остроту постановки вопроса, то речь идёт о претензиях Канта, но возобновлённых на нынешнем уровне развития науки и доведённых до чёткого и в высшей степени «практического» результата — до окончательного выделения в явном и конкретном виде того априорного знания, которым изначально вооружён каждый носитель специфически человеческой интеллектуальной культуры. То есть, в некотором смысле, данная работа есть восполнение и завершение «дела Канта», но, правда, совсем не так и не в том виде, в каком искал решение этой проблемы сам Кант.

ВВЕДЕНИЕ

Введение в научном издании должно быть введением в предмет исследования. И вот уже здесь мы сталкиваемся с некоторой трудностью в последовательности изложения, ибо в данной работе есть как бы «само-вложенность» — нам придется существенно пересмотреть (точнее, впервые выстроить правильное) **основание самой гносеологии** вообще и, в частности, объяснить: **как конкретно «возникают» предметы исследования**. Поэтому и предмет данного исследования придется и уточнять, и даже обосновывать (!) по мере развития метода и наращивания выразительных возможностей. А начнем с оправдания и обоснования названия работы — ведь оно настолько общее, что даже искушенному читателю ничего не говорит и не может сказать. Более того, он вправе насторожиться — ведь под такими названиями предлагают рассуждения «обо всем сразу», а значит ни о чем (об «успехах науки и техники»), грубо выражаясь, банальности (а то и вовсе заблуждения), которые интересны лишь самому автору, да и то как ступени развития его собственного мышления. Как раз одно из тех новых резких различий, которые будут введены в данной работе, заключено в решительном разграничении науки как сугубо социального феномена и персональных «философских исканий»: несмотря на то, что мы будем проводить линию на тотальную «психологизацию», то есть на поиск тех механизмов в «устройстве» психики персоны, которые вмещались в историю интеллекта, **речь идет об истории именно всей интеллектуальной культуры** — о всех плодах человеческого мышления, а не об одной только науке. Но как об этом можно рассуждать — ведь мы одно понимаем через другое, а как можно оценивать всю интеллектуальную культуру, по отношению к чему и чем?! Грубо говоря, нам нужно указать **место интеллекта**, но в чем, **в какой окружающей его среде, в чем участвует интеллект? Во всей человеческой культуре** понимаемой предельно широко, философски — как специфически человеческий способ бытия, «реальной жизни реальных людей». Но проблема в том, что о самом этом бытии нужно прежде что-то сказать (а прежде — и помыслить), то есть мы опять возвращаемся в интеллектуальную культуру! И это все, что у нас есть! Но только это — не тот круг изолировавшегося от жизни мышления, который оно делает в построениях Гегеля, а исторически необратимый шаг развития всей человеческой культуры. Именно проведение действительного **исторического подхода и будет доказательством того, что нам недопустимо брать в качестве предмета исследования что-то меньшее**, что название книги — «по существу» и что иное невозможно. Ну а претенциозным или просто нескромным название монографии может показаться именно потому, что в настоящее время практически безраздельно господствует наивно натуралистическое, неисторическое понимание мышления («деятельности» мысли), а продуктов мышления (интеллектуальной культуры человечества) — как простой суммы наук, развития мышления — как простого и прямого накопления результатов многочисленных отдельных наук. Потому и у читателя невольно возникает два связанных между собой вопроса — а разве не известен состав интеллектуальной культуры, разве перечисление всех ее наук уже и не составляет ее исчерпывающую характеристику и второй вопрос, намертво увязанный с первым, — по силам ли одиночке такой титанический труд современного «энциклопедиста»? Ключевым

словом, за которое мы зацепимся в ответе сразу на оба вопроса, является слово «состав», составленность. И будем настаивать на необходимости **радикально нового подхода к изучению интеллектуальной культуры — как некоего органичного целого**. Но если мы и заявим о необходимости понимать интеллектуальную культуру как некое органичное целое, то, как раз с этим-то вряд ли кто-то станет спорить. Можно даже утверждать гораздо большее: «лучшая», наиболее упорядоченная ее часть — наука — и понимается как целое, по крайней мере, слабо осознаваемое, но устойчивое стремление ученых в том и состоит, чтобы свести ее в логическое целое — в некую гипертеорию, «единую теорию всего», единое поле у физиков. Ну, и, конечно же, история философских систем (как подлинная история философии) и надуманная история философских «идей» с этой точки зрения предстает и как борьба разных монизмов между собой, и как дружная борьба всех с любым дуализмом! Но тот монизм, та цельность, которая даже и не обсуждается — это ведь именно логическое, а не историческое целое! А в действительной истории разрывы и «незавершенности» если и не норма, то, по крайней мере, «факт» («покой нам только снится», завершение интеллектуальной культуры — тоже). Более того, сами разрывы-то и несостыковки в мыслях и есть ближайший побудительный стимул к мыслительной активности. Тогда какую цельность надеется отыскать автор, чем же связана интеллектуальная культура? Реальной, однажды фактически «случившейся» историей, в ходе которой были заложены некие способы восприятия реальности, они стали чем-то само-собой разумеющимся, более не поддаваемым изучению и даже не замечаемым, а просто используемым! Автор выступает против не исторического понимания интеллекта и его «плодов», против ложных и невозможных попыток свести в логическое целое и выдавать это наивно желаемое и за идеал, и за не достигнутое пока, но присущее якобы миру мыслимого его собственное свойство! Так понимать мир мыслимого можно только через фактическое вынесение мира мыслей и мыслимого за рамки реальной истории — в мир чистых идей Платона. Ведь если мышление как деятельность или «процесс» понимается как усилия по достройке некоего логического монолита, то тем самым оно само выносится за скобки исторического движения! Тогда, фактически, развитие подменяется накоплением продуктов мышления. В среде действительных философов протест против такого понимания в той или иной мере всегда сохранялся (и важнейшие достижения на этот счет мы и будем дальше со вниманием изучать и представлять в нужном для нас виде), но это противостояние подлинной философской культуры всегда было мало понятым, всегда в радикальном меньшинстве, полупризнанным, а, главное, реально оно никак не вмешивалось в стихийное развитие интеллектуальной культуры. Ибо все-таки безраздельно до сих пор господствует убогое понимание человеческого мышления в его работе, как чего-то наподобие зерноуборочного комбайна постоянной ширины захвата. Ходит себе этот комбайн по «фронту науки» и собирает в бункер одну науку за другой. При таком понимании «развития» интеллекта позиция автора кажется в высшей степени уязвимой — всякий желающий разрушить его построения может заявить: а вот вы не прочитали такую-то книгу, а в ней есть нечто существенное! Но **претензии автора — вовсе не на энциклопедизм, а именно на его отрицание**, на доказательство нелепости и неуместности метода расстановки наук «по полочкам»: к интеллектуальной культуре подходить следует с иными мерками и с радикально иным методом, который один только и может помочь вскрыть ее собственное «устройство», — с методом

исторической реконструкции («исторического материализма») тех обстоятельств, в которых зародилась и стихийно, подобно снежному кому развивается интеллектуальная культура человечества и ее лучшая, в значительной мере упорядоченная и давно уже целенаправленно развиваемая часть — наука. Начинать придется с выработки очень серьезного **отношения к слову «история»**, с постепенного формирования понимания того, что как персона (психической своей стороной), так и общество живут в истории, а не в природе: история как необратимое, неостановимое, «разовое», без повторов и возвратов историческое движение, в которое «втянуто» все и вся, есть единственно возможный способ их бытия. Речь идет ни много ни мало, о полном онтологическом перевороте, об отказе от наивно натуралистической схемы «существование мира объективной реальности», в которую якобы все включено! Но в данной работе этот переворот предстает не как догадка или персональное достижение (всегда были и остаются одиночки, удерживающие за словом «история» смысл, который был вложен в него Гегелем и Марксом), а как сугубо научный шаг и результат — обоснованно и доказательно, с изучением сопутствующих моментов и деталей. Как ни печально, но убогая редукция развития интеллектуальной культуры до простого накопительства господствует не только в обывательском мнении, но и в среде ученых. Мы решительно противопоставим этому заблуждению свойства теоретико-системного класса «развитие», наработанные к настоящему времени и будем исходить из подлинно научного, единственно возможного понимания всей сферы мышления и мыслимого — как исторически развивающегося. Ведь интеллектуальная культура человечества исторически стихийно сложилась, а не выстраивалась из ума, по умыслу, по проекту, а потому может быть только историческим, а не логическим целым! Что означает стихийность развития? А то, что специально-то никто, конечно же, интеллектуальную культуру не развивал: люди «просто жили», занимаясь своими делами, но ведь «просто думая» о них, они невольно развивали свое мышление и продвигали всю интеллектуальную культуру. И «формы мышления» развивались вместе со всей культурой, ибо применение мышления «на практике» изменяет и его само! **Применение мышления необратимо изменяет его!** И раз мы вознамерились мышление понимать как исторически развивающееся, то образ «работы мысли» должен быть совершенно иной — это уже не комбайн с постоянными характеристиками работы, а скорее — это снежный ком, который ребенок катит по снегу, а он не просто растет, но еще и «фронт науки», то есть ширина следа (собранного на ком снега) нарастает! А началось все с маленького снежка, который ребенок слепил «вручную» и начал катать. Вот это-то «начало» интеллектуальной культуры человечества мы и будем разыскивать в глубине еще полуживотной жизни. Иначе говоря, идея цельности и связности всей интеллектуальной культуры, сама по себе идея рассмотрения ее как некоего исторического целого, является для нас ключевой, что и объясняет название книги: ибо дело не в непомерных претензиях автора, а в том, что эту монографию просто нельзя называть иначе, любое иное название будет уклонением от сути дела — либо вся без изъятий интеллектуальная культура, либо мы ничего про нее не поймем. Грубо говоря, действительная структура интеллектуальной культуры, внутренне ей присущее ее собственное структурное «устройство» может быть выявлено только одним способом — изучением действительной истории стихийного складывания мысли и ее продуктов. Поэтому мы вообще не будем заниматься инвентаризацией, а попытаемся сделать то, что не

удалось пока никому — понять «устройство» интеллектуальной культуры человечества как некоего исторически стихийно выросшего целого. Именно эта задача требует от нас брать в качестве предмета исследования сразу всю сферу мышления вместе с поставщиком ее действительных предметов — с реальной деятельностью по «намысленному» проекту, круговерть поочередной (условно поочередной) «работы головой» и «работы руками», их взаимное как бы под давливание по части изменчивости и возможностей. Иначе мы неправильно «вырежем» изучаемую целостность, неполно и не выполним главное требование системного анализа и синтеза. Вот для удержания этой целостности мы и будем проводить исторический подход: будем буквально восстанавливать и условия, и преемственность мысли — сложная мысль в историческом (и онтогенетическом, и филогенетическом) прошлом восходит к простым формам мышления, которые сложились в простых формах бытия - поведения животных. Ключевая идея автора в том, что интеллектуальная культура человечества не есть эклектичное сборище частных наук, бытового и иных видов знания, а есть нечто единое и целое в самой своей сути. Но выявить это структурированное целое и его фактические и исторически сами собой сложившиеся внутренние связи можно, только посмотрев на дело исторически! **«Структура» есть, но она должна быть выявлена как итог истории**, а вовсе не пожеланий того или иного «энциклопедиста» (отрицателя исторического движения!). Нисколько не принижая ценность и важность отдельных научных дисциплин, далеко ушедших в своем обособленном развитии, займемся чем-то решительно иным: попытаемся совершенно иначе посмотреть на дело, а именно — с точки зрения исторического движения всей человеческой культуры (меньше нам нельзя!) и, исходя из него, попытаемся понять — когда, почему, как конкретно и из чего (!) был «вылеплен» «первый снежок», с которого все и закрутилось. И это ответ на вопрос: почему действительное «состояние» интеллектуальной культуры до сих пор никем прямо и внятно не описано? Потому, что не было вскрыто действительной ее истории, а действительная история интеллекта может быть только стороной, неотторжимой частью единого и единственного исторического становления человечества: развитием «форм деятельности» вместе с мыслями о них, с «формами мышления». Развитие мира мыслимого в отличие от последовательно идеалистической позиции будем понимать как вынужденное — сопровождающее переход от поведения животных к деятельности человека. Иначе говоря, мы будем исповедовать точку зрения на мышление как на сторону исторически развивающегося под прессом жизненных обстоятельств «оптимального поведения» живого существа. Это позволит нам обнаружить в основаниях именно всей интеллектуальной культуры нечто до сих пор никем не замечаемое и всеми дружно игнорируемое, но реально всегда присутствующее, всеми и всегда фактически используемое, а именно — стихийно исторически сложившуюся, на каждом шагу восприятия нами окружающего мира «прилагаемую», первую и по истории, и по логике (по «сложности») модель Бытия. Почему же при такой ее вездесущести, ее никому до сих пор не удалось вот так прямо выявить и представить на всеобщее обозрение? А потому, что ее никто не отличал от «самого Бытия»: первая и всеобщая модель Бытия и «само» Бытие до сих пор пребывают в «срощенном» состоянии, ибо не осознается прямо как таковой самый акт постулирования Бытия как акт задания и «состава» Бытия, и, главное, самого «способа» бытия!

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В этом разделе необходимо воздать должное тем предшественникам, чьи усилия в решении данной проблемы привели к существенному продвижению самого ее понимания и к уточнению постановки. Заявленный предмет исследования до такой степени неспециальный, что почти каждый читатель сможет подыскать на роль прародителей данной монографии дюжину известных ему авторов. Столетие назад «теории познания» плодились роями, что было выражением «отработки импульса» или, точнее, внешним выражением освоения идей кантианства, хотя в большинстве своем авторы их вообще и не поднимались до философии как рефлексии. Поэтому кантовы «Критики...» и выберем в качестве минимального уровня философской культуры вообще, ниже которого ни «идеи», ни «критику» просто не будем принимать в расчет [1]. Какие же новые обстоятельства, связанные с действительным развитием науки, привели к новому, в сравнении с кантовым, пониманию проблемы, да и вообще, почему мы начинаем с него? Потому, что по формулировке В. Соловьева, только на Иммануиле Канте философия поднялась до критической философии, то есть добралась, наконец, до своего собственного предмета в явном виде, ибо он прямо поставил вопрос о возможностях ума и «развернул работы» по изучению предпосылок мышления ([1], стр. 49). И в целом, Иммануил Кант в своей глубинной интуитивной догадке был прав — человечество (выражаясь современно) заложило в основания своей культуры мышления некие «предположения» и «допущения», которые оно до сих пор не осознало в явном и открытом (их собственном!) виде. У Канта они предстают в виде разрозненных и, главное, неизвестно откуда и как возникающих категорий. Хотя В. Соловьев и вменяет Канту свою собственную четкую формулировку — мы изучаем мир, который прежде того сами же и выстроили [2], стр. 63], но эта линия у самого Канта затерялась во второстепенных и схоластических построениях, а обнажил ее в качестве важнейшего кантова наследия не менее великий, но гораздо менее известный мыслитель — [В. И. Несмелов](#). Его книга «[Наука о человеке](#)» [4], должна стоять следующей в ряду вслед за знаменитыми «Критиками...» Канта. Кант, по мнению Несмелова, «был могучий анатом и плохой историк ума» [4, стр. 26]. Эта двойственная оценка наиболее точно определяет научный вклад самого Несмелова как действительного продолжателя дела Канта: Несмелов не просто развил его «анатомию ума», но правильно поставил проблему познания — исторически, ибо ввел в оборот «историю» и решительно повернул понимание гносеологической проблемы за счет ее объединения с проблемой онтологии [4, стр. 35-36]! А начинает свои построения Несмелов с того, что мысль — феномен психически переживаемый, а потому, для того, чтобы попасть «в мышление» чему-то, оно должно прежде стать мыслью! В этом внятном понимании того обстоятельства, что так называемые внешние (физически-телесно «внешние») предметы могут быть «даны» нам только внутренним образом, под форму сугубо внутренних (точнее, психических) феноменов — без сомнения сильная сторона идеализма, если его понимать правильно, то есть исторически — как закономерную реакцию на наивный натурализм как первую естественную ступень развития психики «субъекта» познавательного отношения. Ибо только в идеализме центр интереса смещается прямо в собственно психическую

действительность, в мышление и в его развитие: нам все дано психически, ибо мы — существа психические [4/, стр. 33]! Но в начале развития (точнее, с этого только и может развиваться мир психики) мир психических феноменов является радикально безотносительным, ведь его феномены не относятся ни к миру внешнему, ни к миру внутреннему, вульгарно (и вообще-то говоря, просто неправильно, но «понятно») выражаясь нет деления на «я» и «не-я» [4/, стр. 31]. Ибо просто нет еще ни объекта, ни субъекта [4/, стр. 30]. То есть младенец в его первоначальном восприятии не делит мир на внешний и внутренний, а потому, чтобы он ни получал, какие бы психические феномены, как-то, например, ощущения, ни возникали, младенец действительно не может их связать с чем-то определенным — он их не может отнести ни к внутреннему, ни к внешнему миру. Тем самым Несмелов две проблемы — гносеологии и онтологии — сводит в один вопрос: как возможен объект для субъекта? Мысль должна его породить! Ну а субъектом еще нужно стать [4/, стр. 27-29].

Потому в качестве важнейшего шага в развитии психической жизни живого организма (младенца) Несмелов выделяет этот акт деления первоначально синкретичной и без относительной психической тотальности на объективную реальность и субъективную действительность ([4], стр. 43-44). Несмелов показал — как конкретно мысль конструирует свои объекты! Мысленным совмещением в пространстве и времени показаний разных органов чувств. Эта величайшая и гениальнейшая догадка игнорируется до сих пор философами, а психологи в интерпретации результатов экспериментов вообще обходятся без исторической «координаты». Но это именно догадка, озарение, ибо Несмелов остался на идеалистической позиции в том смысле, что рассматривал развитие мысли в изоляции от реального бытия всего живого существа: как от поведения животного в природе, так и от деятельности человека над природой, а потому никакие научные построения и не могли его подталкивать к этому выводу, а он просто догадался. И эта, ключевая для нас, догадка остается до сих пор без объяснения. Несмелов прямо использует показания органов чувств как исходный материал для первичного зарождения, но у него это именно разовая акция, а, зародившись, мысль переходит на свои собственные основания и проводит свои дальнейшие построения, не обращая внимания на жизнь всего остального организма! Потому и к нему вполне приложима критика Марксом младогегельянцев в «Немецкой идеологии» — критика вполне конкретная и понятная: нельзя мышление отрывать от всех других сторон жизни живого существа [2]. Потому Несмелов просто догадался, но он объяснить и доказать и не мог — для этого нужно ведь соотнести динамику «форм мышления» с динамикой «форм деятельности». То есть В.И. Несмелов ввел в фактический оборот идею развития мышления, но только для персоны — как онтогенез персонального мышления. Причем тоже идеалистически: по умолчанию о какой бы то ни было связи мысли с действием, получается, что мысль развивается в отрыве от поведения и деятельности, никак их не обслуживая, а преследуя какие-то свои собственные цели! Потому, хотя Несмелов и критиковал Канта за неисторизм, но сам ввел не историю, а только идеалистически трактуемый онтогенез. Ведь и для Несмелова вообще не было вопроса о субъекте разума — он подменял его субъектом процесса мышления, процесса «проворачивания» мысли.

Вся данная работа — продолжение и завершение «дела Канта» по исчислению до опытного знания за счет радикального развития подхода и метода Несмелова, но не как философской системы, а как дела всей современной науки! Как мы совершим

такой переход? Замечательный вопрос Канта «Что я могу знать?» уточним самым решительным образом: **какой это такой «я»?** «Я» — с двумя руками и ногами, с глазами и ушами, с центробежным и центростремительным «древообразными» нервными путями, с центральной нервной системой, а значит с ощущениями, эмоциями, рефлексам и инстинктами! Кратко говоря, из психологии нужно «потребить» по максимуму полученные ею к настоящему времени результаты. Но пусть нас не обманывает местоимение «я» и в другом отношении — ведь человек-персона только физически-телесно живет в природе, а психической своей стороной он погружен в духовную жизнь общества, которая бытийствует по-другому, нежели природа. Поэтому важнейшее, «итоговое» понятие современной культурологии **«антропо-социо-культурогенез»** нам тоже нужно суметь включить, переведя на язык исторического развития. И догадки Несмелова мы не просто обоснуем, но за счет расширения поля исследования до исторического движения всей культуры доказательно объясним, что, на самом деле, у Несмелова положено начало (пусть, фактически, и не историческому!) описанию «филогенеза» мышления по-человечески, а нам остается только «ухватить» связь изменений в поведении и деятельности живого существа со структурным усложнением всей его психической организации и части ее — сферы мышления. Другими словами, уже с этого пункта рассуждений и построений мы вынуждены отказаться от слабой стороны последовательного идеализма — от забвения об объекте-материи и о телесно-силовых отношениях с ним «руками-ногами», а также «боками» и «нутром», ведь объекты мы не только познаем, но обрабатываем, таскаем, поедаем и т.п. И лишь в меру этого еще и «познаем»! Совсем кратко и конкретно выражаясь, **с данного момента нам просто нельзя не использовать два термина вместо одного вместо слова «объект»** мы вынуждены во всем дальнейшем изложении использовать два разных термина, обозначая ими две совершенно разные сущности: деятельное (и силовое, и осязательно перцептивное, грубо говоря, «руками» и «глазами») наше отношение с объектом-материей — это одно, но в психике, в уме («в голове») — другое, **его психический двойник — объект-представление.**

Хотя Несмелов изначально исходил из этого различения и правильно указал происхождение объекта-представления, но затем напрочь смазал это различие в дальнейших построениях идеей «объекта в подлинном смысле слова». А вот для нас удержание этого различения «сквозь» все дальнейшие построения является важнейшим моментом. Очень интересно привести мнение Эрнста Маха, которого принято насильно записывать в философы, хотя сам себя он заявлял как последовательного физика, а все философские соображения объяснял необходимостью отказаться от лишних слов или предрассудков. И **говоря об идее материи, которая попала на роль сущности (то есть, в нашей терминологии, об объекте материи), Э. Мах говорит о ней как об излишней и ненужной сущности, ничего нового для науки не дающей** ([6], стр. 43)]. И в этом смысле он прав! Но прав только как физик, то есть как представитель позитивной науки. Ведь в философском построении эта якобы «пустая сущность» играет роль «опорной точки» и потому для философии она как раз крайне необходима именно в этом качестве — в качестве некоего «маячка» для различения! А для наших дальнейших рассуждений и построений — тем более: подчеркнем еще раз, что мы проводим линию на «тотальную рефлексивность», на постоянное различение и противопоставление, на двойную

бухгалтерию, чтобы выяснить внятно и во всех деталях — как же нам дан предмет исследования. Ведь после критической философии Канта, после Гегеля, на котором философия добралась до собственного метода, Марксом четко высвечена главная слабость идеализма—«устройство» мира мыслимого нельзя объяснять как итог мышления неких бестелесных духов, а только как обычных людей во плоти, то есть людей с руками и ногами, которыми они не просто крутят гайки и педали, но ведь при этом (и по поводу этого) что-то там себе «думают». Потому объект идеалистов он и требовал взять как чувственно-сверхчувственный ([5], стр. 22-24). Но как конкретно можно «взять объект как чувственно—сверхчувственный»? Как правильно угаданное Несмеловым интеллектуальное конструирование объекта-представления умом обосновать, увязать с теми действиями, которые персона проделывает «руками» над объектом материей? Как, за счет чего можно было бы попытаться «вернуть» мышление и его условно изолированное «саморазвитие» в полноту исторического движения? А прежде того, еще вернуть мышление — в психику, а психику — в полноту жизни персоны? Если идти со стороны психологической, то статьей Выготского «Исторический смысл кризиса в психологии» он не просто описан, но указан сам выход из этого кризиса, которым никто так и не сумел воспользоваться! ([7], стр. 77-79 и стр. 101). Кроме того, Выготский прямо пишет об онтогенезе — прижизненном развитии высших функций психики (то есть они от рождения не развиты!?), но он пишет и о биологическом значении эмоций (в их первоначальном, природном виде) и об их последующем преображении человеческой культурой и о фактическом приспособлении для новых нужд [7/], стр.158-160]. А это уже не онтогенез, а филогенез! Кратко говоря, в работах Л.С. Выготского латентно заложена идея исторического подхода уже и в психологии. Но это лишь малые крупинки правильного понимания проблемы, которые нам еще только предстоит собрать в единой концепции. Пока же ситуация безрадостная — исторический материализм, «о необходимости которого так много говорили большевики» не только так и не был создан, но и «говорить» о нем перестали. Сегодня мало найдется мыслителей, понимающих настоятельную в нем потребность — да и зачем: у нас книжек с названием «История чего-нибудь» — полно, на любой вкус. Заболтали: «плюрализм»! Идея же о том, что история есть нечто единое и единственное, все и вся в себя включающее (когда все со всем «связано»), без возможности возврата и повтора, чужда рассеянному мышлению натуралиста: многое и несвязное — вот его мир. Поэтому, когда появилась работа Освальда Шпенглера «Закат Европы» [8/], то ее поняли «частично» — про «закат», про «Европу», но никто не понял главное сугубо научное заявление Шпенглера — наше мышление антиисторично! Вульгарно выражаясь, мы мыслим так, что история проваливается сквозь «дыры» в нашем мышлении! Термин «история» до такой степени «закатан» слоями употребления в антиисторическом смысле, что как ни настаивал Шпенглер на необходимости понимать его решительно по новому (или хорошо забытому старому), но так и не смог породить в уме читателя четкого различия. Заявленная проблема столь всеобъемлюща и столь глубоко задевает коренные основания самой интеллектуальной культуры, что для корректного и грамотного введения в нее потребна целая книга. И такая (постановочная для нас) книга есть — это критический обзор состояния дел с разработкой рефлексивных теорий в работе Ф.Т. Михайлова «Общественное сознание и самосознание индивида» [3/]. И если идеи школы Выготского мы будем использовать со стороны психологии как

экспериментальной науки, то выводы Михайлова о необходимости подхода исторического — это философская сторона единой проблемы гносеологии. Которая «неразрешима» только потому, что была искусственно и некорректно оторвана от проблемы онтологии, от вопроса о составе Бытия и о «способе» бытия. Несмеловское объединение гносеологической проблемы с проблемой онтологической за счет понимания психики персоны как развивающейся, которая сама же и конструирует мир объектовпредставлений (от себя добавим: порождает «онтологию», онтологическую картину — как свою же «рабочую гипотезу»!) есть, без сомнения, важнейшее достижение. Но мы еще потребуем «возвратить» мышление во всю полноту исторического движения культуры. Конечно же, потребное для этого историческое мироучувствие (по Шпенглеру) — слишком серьезная вещь, мы же облегчим себе задачу и будем его вырабатывать постепенно лишь в очень узком аспекте — аспекте мышления, привлекая все иное только по мере надобности. Как будет ясно из всего дальнейшего изложения, нам предстоит уподобиться тому солдату, который варил кашу якобы из одного топора: ведь нам придется вернуть мышление в полноту психической жизни персоны, «восстановив» все ее связи с эмоциями, показаниями органов чувств, волей; всю цельную психически переживаемую жизнь заново связать с тем, от чего она (разве что только лишь в построениях идеалистов и от философии, и от психологии!) в действительности никогда не отрывалась — от поведения животного и от деятельности человека над объектами-материей. А в качестве первого этапа исследований необходимо преодолеть предрассудок об «особом» («командном») месте мышления в психике (и бытии) персоны. Ну и, кроме того, преодолеть тот же предрассудок на уровне общества. И только **из разрешения вопроса о фактическом месте мышления, как в жизни персоны, так и в жизни общества мы получим правильное отношение между миром мышления персоны и интеллектуальной культурой человечества как целого**, то есть поймем, что психически персона живет в обществе, а не в природе! А это уже — тот главный переворот в онтологии Бытия, который нам и предстоит совершить!

Раздел 1. О «РОЛИ ТЕЛА» ИЛИ ПРАВИЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ПЛОТИ

Метод, конечно же, должен соответствовать предмету! Но в чем особенность заявленного предмета? В уже упоминавшейся работе Ф.Т. Михайлова [9/] предмет рефлексивной теории описан исчерпывающе и корректно — как двойственный. Но он не вполне прав, когда именует его кентаврическим, ибо это — только его пожелание! Ведь что такое кентавр? Мифическое существо, составленное из «деталей» разных организмов, например, торс человека на туловище и ногах коня. Так вот, кентавр — пусть и нелепое существо, но именно «сращенное» в единый организм. У нас же самой этой сращенности и нет — предмет наш просто именно двойственный! Заявим это как открытие (не в надежде получить патент на открытие, а в целях самого резкого выделения проблемы) — на самом деле, мы имеем разрыв сквозь всю культуру мышления и сквозь все его «плоды»: интеллектуальная культура зародилась и прошла свое развитие на этом разрыве, на взаимной несводимости психического на физическое, и наоборот. Ну а причину такого положения дел мы будем искать на

персональном уровне уже потому, что в конкретнейшем смысле мышление совершается (как «процесс») в персональной психике. О рефлексии много говорят и пишут, однако понимают ее ситуационно и комбинаторно или, в лучшем случае, как логическое конструирование, но если рефлексию понимать так, как требует Михайлов, то есть, исторически и конкретно, то с самого первого же шага мы обнаруживаем поразительную ситуацию — и весь мир мыслимого персоной, и интеллектуальная культура человечества «сверху донизу» прорезаны «сквозным» разрывом. Конечно же, такое нетерпимо: ведь «дуализм мышления» в полном смысле слова — все равно, что у вас его нет! Не можете же вы иметь две картинки, два мнения, два решения по одному и тому же поводу. Потому и вся «культура рефлексии» порождена неосознаваемым, то есть дорефлексивным стремлением как-то «прикрыть этот позор», хоть как-то залатать или замазать разрыв — то ли мысль есть свойство «мыслящей материи», то ли объективная реальность есть только произведение моей мысли, но уж и то лучше! «Лучше», чем жестокая правда — психическое не сводимо к физио-логическому и физическому описанию. И наоборот. Мы же посмотрим на эту ситуацию как на данность, «оставим все как есть». То есть вспомним, что подлинным предметом нашего исследования является не «мир как он есть», а развитие самой интеллектуальной культуры человечества, то есть все то, что люди напридумывали в их попытках понять, как мир устроен, но вовсе не то, что они смогли понять (и правильно ли поняли и т.п.) Вульгарно выражаясь, мы не поддаемся соблазну преждевременно и неосознанно заявить, постулировать (!) состав Бытия, а «рефлексируем», становимся над ситуацией познания и ее-то и будем изучать исторически. Для нас забота — не познание Бытия, а модели Бытия, которые были созданы другими в их познании Бытия. Поэтому то, что для других является их скрытной, неосознаваемой проблемой, для нас будет выглядеть как наше открытие — вся интеллектуальная культура человечества бытийствует и развивается в разрыве надвое. То, что другие стремятся преодолеть, мы будем воспринимать как «норму», то есть как факт. Поэтому мы просто констатируем: в культуре разрыв в описаниях. И мы не просто заявим это как некоторое открытие, а полностью и исчерпывающе объясним его — как исторически неизбежное и как логически закономерное! Но самое забавное в том, что для этого нам и самим этот разрыв нужно как-то, если и не «сшить» в буквальном смысле слова, то, по крайней мере — «нейтрализовать», удерживая под контролем все его «наводки»! То есть, восстановить единство картины Бытия, которое расползается даже в самых изощренных философских построениях: ужасных-то только «схватываний» и «вот данностей» (рукой надо, рукой держать!) не понавыдумывали философы, а все мысль, изреченная о Бытии, оказывалась «ложью». Первопричина коренится в неспособности установить правильное соотношение между физическим и психическим (и удержать в таком, связанном состоянии сквозь все свои выкладки и построения!). Вот на этом мы и сосредоточимся: нам только еще предстоит породить средства удержания предмета как целого, пусть и такого необычного, «кентаврического».

В реальной жизни проблема разрывности, конечно же, как-то компенсируется, но неосознанно и за счет того, что на персональном уровне есть досознательный механизм. Но он не только до сознания, но и до мышления. В самом буквальном смысле слова! Но он есть всегда и всегда работает! Его-то мы и изучим, он-то и станет нашим помощником.

1.1. Метод: от психического к психологическому

Вот для этого-то нам придется очень существенно уточнить место мышления в психической жизни всего организма, а прежде — реанимировать вопрос о кризисе в психологии. Что это за кризис? Он внятно выделен и четко изложен в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл кризиса в психологии» ([7], стр. 77-79). Суть его проста: указанный нами выше разрыв во всей интеллектуальной культуре проходит через всю нее, а значит, в том числе и через психологию как науку. Вот здесь-то Выготский его и описывает, правда, только как научный кризис в психологии — как разрыв в подходах к изучению психики, что для наших целей является ключевым! Сильно упрощая, можно сказать, что в психологии царит жуткая путаница в подходах к изучению психики объективно-научно, ибо непонятно: как вообще возможен объективно-научный метод в мире психических феноменов, да к тому в ситуации, когда исподволь задается разрыв — либо инстинкт, либо «разумное поведение». Еще грубее: либо механизм, либо полный произвол. Этот кризис Выготским обострен и заявлен: как известно, постановка проблемы — это большая половина разрешения проблемы. Но и им же намечен правильный путь выхода из кризиса — от психического рассмотрения необходимо перейти к психологическому ([7], стр. 101). И это — не игра словами и не какая-то малозначительная поправка, а решительный поворот дела, содержательный смысл которого в том, что узко психические феномены события необходимо увязывать с обстоятельствами жизни всего организма!

1.2. Понимание как интегрирующий феномен психики

И как первый шаг на этом пути, радикально отречемся от живучего предрассудка — оттого, что будто бы интеллектуальная культура человечества (соответственно — весь мир мыслимого персоной) есть нечто самостоятельное и само основное: на собственных основаниях стоящая логическая конструкция, к тому же еще и «руководящая» поведением персоны! Подвергать сомнению, критике, опровержению неосознанное и господствующее наивное и ложное понимание мира мышления персоны — задача неблагодарная, а потому попробуем просто «увернуться» из-под этого предрассудка. Для этого используем удобную нам идею понимания — человек не познает, а понимает! Точнее, феномен «понимание» — гораздо более широкий и «древний», он в себя включает и «познание» («продукты» мышления, когда они появляются) — ведь любое знание нужно прежде понять, ибо только тогда можно на его основе действовать. То есть понимание живым существом своего положения в Бытии есть более первичное, и первоосновное по отношению к мышлению: ведь живой организм активен и основание активности — не одни только стремления, но его «ноу-хау», его понимание того, как достичь желаемого. Ибо и желает-то живое существо в пределах своего понимания своих возможностей по улучшению своего положения. То есть понимание — это очень первичная категория, это отношение на паре «активность — изменения в своем бытии», это самое глубинное первое чувство жизни! Слепой еще котенок боками чувствует изменения в своем бытии, всеми конечностями и всем телом проявляет активность, расталкивая братишек и сестренку

и пробираясь в середину. Ощущение тепла и уюта, а главное, его связь с собственной и им прямо понимаемой двигательной-силовой активностью и составляет его понимание Бытия (говорить о «своем» бытии на этом уровне развития психики некорректно в силу того, что деления на свое и не свое еще не было). Подчеркнем: котенок понимает Бытие вполне правильно и полно в пределах ступени развития его психики. Вульгарно говоря, он «адекватен» и вполне успешен в пределах его возможностей понимания Бытия: оно (это понимание) с самого начала относится не к Бытию самому по себе, а к тому, как в Нем поудобнее устроиться — котенок понимает, как он может попользоваться Бытием наиболее эффективным с его точки зрения образом. И непременно пользуется им «на всю катушку», ведь у него нет разрыва между возможностями и потребностями, он в этом смысле гармоничен в Бытии, ибо «плотно в нем сидит». Так вот, если мы не можем объяснить все богатство интеллектуальной культуры как вторичное и дополнительное, как «маленькое дополнение», выросшее на понимании в ходе его развития, если не способны объяснить интеллектуальную культуру как нечто стихийно наслонившееся на понимание Бытия младенцем, которое вначале мало чем отличается от понимания Бытия котенком, то мы не способны разъяснить себе и другим действительное место интеллекта в цельной жизни психики живого существа. А так как жизнь эта есть развитие (с его, развития, законами), то нам потребуется очень серьезная антропология — мы, не вдаваясь в детали, вынуждены удерживать в изучении психику персоны как целое и развивающееся. Это целое вначале вполне обходится и без мышления, а сразу инстинктами — как своего рода «интегральным требованием организма к среде». Это понятно, но как быть с местом мышления: ведь когда оно появляется, то вроде бы заменяет инстинкт и теперь «разумное поведение»? Правильный подход находим опять у Вygотского — мысль следует рассматривать не как то, что приходит взамен инстинкта, а как то, что развилось наряду с ним и на той же базе рефлексов [7/, стр. 149]! Развилось-то развилось, но все-таки как оно «включилось» в волю? Отношение это, как мы выясним — весьма непростое!

1.3. Активность психики до мышления

На идее инстинкта и идее рефлекса основан мощнейший пласт научных итогов в изучении поведения, но сами эти исходные идеи, на самом деле, пока весьма смутные и темные! А главное, чем они не могут нас устроить, состоит в том, что они упускают самое важное для правильного определения живого его свойство — активность. Ведь экспериментатор описывает идею рефлекса как идею связи двух явлений, например, света и кормления. И то, что слюна у собаки после нескольких опытов начинает выделяться как реакция на свет, служит якобы подтверждением того, что собака увязала два этих «наблюдения». Но у животных нет никаких наблюдений внешних им феноменов, ибо вообще нет деления на внешнее (наблюдаемое) и внутреннее (переживаемое) бытие, а сразу — «все и вместе». Тем самым экспериментатор вменил животному то, чего в его психике еще нет, и выстраивает отношения слишком «по-человечески». А отношение возможно между активностью и переживаемым слитно, не разделенным надвое бытием.

Точнее, связь между действием и изменениями в ощущениях и есть подлинная прародина того, что потом мы назовем причинно-следственной связью. Есть ли она

или ее нет — это вопрос не «науки», а вопрос самой активности: ведь живое существо самым фактом своей активности «постулировало», что такая связь между его действием и изменением его бытия есть — стоит ли вообще «дергаться», есть ли надежда(?) улучшить свое положение, если нет такой связи? Для животного уже есть реальная причинно-следственная связь, но не как отвлеченная идея или философская категория, а как самое основание его активного бытия. Более того, она для него имеет тотальный характер, то есть животное «уверено», что оно «все может», правда, только из того, что понимает, только из того, что может «захотеть». Другими словами, его «потребности» и «возможности» не выделены в отдельные сущности, не разделены на две идеи, а представляют собой одно! Ибо животное не относится к своей воле и не может отнестись, оно «просто живет» и потому «просто волит свою волю». И им руководят не отвлеченные идеи, не проекты, а эмоции от окружающего мира, память об эмоциях. Можно ли задаться вопросом: как животное само понимает такое свое бытие? Как что оно для него предстает? Как эмоции? Да, конечно же, переживает свое бытие оно эмоциями, но оно же еще активно и действует, а не пассивно только «ощущает» эмоциями бытие! Их оно именно переживает (как то, с чем «ничего не поделаешь»), а живет оно активностью! И бытие для него — это (двигательная) активность, прежде всего, как «борьба за жизнь», а в более мягкой формулировке — воля к улучшению своего положения-ощущения бытия. Грубо говоря, понимает животное «брюхом» и «боками» — оно понимает и знает как (идея ноу-хау — вещь очень древняя), что может догнать еду («чувство удовлетворенного голода») или убежать от опасности («чувства боли в боках»). Вот это первичное восприятие живым существом своей жизни как стремления, как такой вот двигательной активности никуда не делось и актуально и для человека! Оно полностью сохранено как начальное условие развития высших функций психики (в терминологии Л. С. Выготского), в частности, на нем же надстраивается и вся интеллектуальная культура. Этим догадку Несмелова о том, что свой первичный материал мысль получила от показаний органов чувств, мы расширим — сфера мыслимого вообще никогда не отрывалась от темного, плохо описанного мира инстинктов и «рефлексов». Ну а ницшевская «воля к власти» возникает как конкретизация: воле живого организма противостоит не только и не столько безвольная материя, сколько воли других живых существ, а потому и жизнь его — это непрерывный «политический» конфликт. Итак, и идею инстинкта, и идею рефлекса нужно объяснять активностью и поиском, с той лишь поправкой, что животное «работает внутри» причинно-следственной связи, а не с нею самой! Причинно-следственная связь между феноменами внешнего мира — это сугубо человеческое понимание, оно производно и вторично. Но именно это обстоятельство — работа мысли по-человечески, то есть работа с причинно-следственными связями — создало ложное убеждение, что мышление, если уж и не само по себе полигон «свободы», то, уж во всяком случае, имеет к ней какое-то прямое отношение. Его-то нам и придется преодолевать, «изживать»: к моменту зарождения мысли активность, воля уже есть, цели и устремления уже заданы и их-то мысль, если и подвергнет анализу, то гораздо позже! Но по-первости она просто кидается их достигать, точнее, помогать уже довольно развитой психике делать то же, но за счет своих, новых возможностей. Ну а чтобы понять — каких конкретно, нам придется поточнее уяснить: а что к этому моменту развития уже было в психике и как она действовала; на чем мысль-нашлепка зародилась? Или, переворачивая вопрос, чем психика «обходилась»

и чего ей «не хватало»? Догадку Выготского о том, что мышление появляется не в отмену инстинкта, а наряду с ними, примем как правильную, но сделаем еще один решительный шаг. Дело в том, что в психике, в психической жизни такая рядом положенность невозможна в ее буквальном смысле, она просто нетерпима и на самом деле между мыслью и инстинктивно-двигательными реакциями должно быть установлено жесткое отношение — ведь реакция живого организма должна быть ясной и однозначной. Растерянность, сомнения губительны. Поэтому наша гипотеза будет состоять в следующем. К тому моменту, когда зарождается мысль, уже существуют эмоции и показания органов чувств и на них, и из них не просто выстроены реакции живого организма, а активное его приспособление к среде, лишь описываемое и объясняемое пока на языке условных рефлексов и инстинктов. Так вот мышление зарождается и развивается как надстройка и централизация всех рефлексивных реакций, инстинктивно-двигательных «хотений» организма. Мышление использует уже многие «автоматизмы» в качестве кирпичиков в его построении сложного действия. То есть, мышление не наряду с инстинктом, как у Выготского, а как «нашлепка на» всей неосознаваемой или плохо осознаваемой «автоматике» организма, даже не «на», а разросшаяся и усложнившаяся связь внутри и потому «дополнительно к». Но это лишь предварительная заявка и не более, чем образ, и нужны они лишь для того, чтобы напроочь отречься от командного и потому изолированного положения мышления. Ну а точное место в цельной психической жизни будем уяснять по мере решения вопроса о том, как конкретно и для чего зарождается первая мысль? Итак, нам самое расширение от психического до психологического нужно для того, чтобы подправить представление об отношениях персоны-человека, да и вообще любого живого организма (!) с его окружением: чтобы преодолеть наивное и неправильное представление о пассивном якобы наблюдении, а ввести в оборот самую активность живого организма как таковую. Живой организм активен, двигательной активностью осваивает и понимает свои возможности изменить Бытие (свое) и цену усилий, которую нужно заплатить за изменения: вначале хаотичным, а потом все более целенаправленным и целеустремленным образом — он все время пытается улучшить свое положение в Бытии. Как? Растения — борьбой за свет и питательные вещества, воду, которые они высасывают из почвы. Стоит появиться просвету в полого леса, как какое-нибудь растение протянет туда веточку! Кратко говоря, уже рост растения (не путать с теоретико-системным классом «рост») — это не слепой механо-подобный процесс, а рост с поиском «места под солнцем»: сам выборочный прирост тех, а не иных веточек и корешков и есть механизм активности растения. Если рост растения заснять на кинокамеру, а затем сильно ускорить, то станет очевидным (видимым очами-глазами — а это еще та сила убеждения!), что растения тоже движутся, хотя и очень медленно и, конечно же, привязаны к корням. И уж тем более наглядно это у высших животных: лвица напрямую «знает» и знание это «сидит» в ее мышцах — догонит ли она антилопу или нужно подкрадываться еще ближе, а уж потом бросаться в погоню (что психически переживается как просто «тянуться» к цели), лвица знает цену своих усилий и выбирая только успешные моменты, просто экономит энергию. Также и антилопа напрямую знает цену бега и впустую не бежит — ведь будь она излишне пуглива, ей просто некогда было бы щипать траву и тем самым «запасать энергию» на бег! И ее психика активна в выборе момента, а выражается это в борьбе противоречивых эмоций. А так как вот это же, объективно понимаемое, столкновение

эмоций со стороны субъективной переживается как выбор, то это и означает, что утверждаемый Л. С. Выготским объективно-научный метод в психологии может идти очень далеко — как будет показано, вплоть до этической сферы. Но даже и для нее мы вправе искать зачатки или, по крайней мере, «материал» в дочеловеческом мире. Например, понятие «лень», имеющее преимущественно этически отрицательный смысл, связано с «механикой» и первоначально, еще в мире животных, является спасительным регулятором — не бегай без крайней на то нужды (которая о себе заявляет тоже через эмоции). Описанное «подправление» идеи живого от пассивной реакции до активности и позволяет нам выявить действительные связи, а в самом конкретнейшем смысле этот метод «сшивки» физического и психического мы выстроим, опираясь на точное понимание того, что такое плоть живого существа и чем она радикально и решительно отличается от мертвой материи — от тела, от английского «body»!

1.4. Понятие плоти и её топология

В конкретном исполнении переход от узко психического к психологическому заключается в том, что убогость субъект-объектного отношения (гносеологии на непроясненном основании) нужно выправить до бытийного отношения живого существа со средой, иначе бессодержательность навяжет нам свою онтологию: субъект — это Мышление, а объект — это «в себе и для себя сущая вещь» со «свойствами»! Ну а отношение между ними — «познание»! Поэтому, прежде чем, брать объект как чувственно-сверхчувственный (и для того, чтобы его так «взять»!) нужно так «взять» субъекта, чтобы он оказался не химерой, а чем-то живущим. На место под названием «субъект» мы подставим живое существо и тем самым решительно выправим ситуацию. Однако, прежде, чем решать вопрос о границах (живого существа и жизни), нам следует разрешить более первичный вопрос «между чем и чем граница?». Дело в том, что обычно мысль «тормозит», упираясь в ложную границу между субъектом и объектом, причем и первого-то тоже пытаются представить себе пространственно, то есть просто как объект, пусть и с «добавками», а потому и границу ищут в пространстве. А это и ошибка, и тупик для понимания сути дела. Суть же дела в том, что мир психической действительности вообще пребывает «вне пространства», потому просто нельзя и пытаться строить себе его наглядно зримые образы! А вопрос о границе как вопрос о том, как психическое может быть наряду с материальным, трансформируется в вопрос о том, как психика может быть связана с материальным: чем и как конкретно? При этом следует помнить, что телесность человека-персоны, воспринимаемая извне, предстает тоже как часть материального мира, тоже «body». А границу следует искать между всей материальностью (ее трехмерный мир полон, в него включен телесность персоны, но нет места для ее психики) и психикой, которая в «параллельном мире». Ключом и отгадкой является правильное понимание сути телесности. Читателю очень трудно такое правильное понимание выработать, ибо он «жертва» той интеллектуальной культуры, в которой живет — она ведет его в тупик, ибо навязывает ему готовое понимание тела (собственного тела) внешним образом — как объекта среди объектов. Из этого не выпутался даже А. Бергсон: хотя один из его разделов озаглавлен очень правильно и обнадеживающе («О роли тела»), но и у него тело человека — образ среди

образов!/[10/,стр. 171-172]. Как же посмотреть на дело иначе? Только признав, что понимание человеком-персоной себя у него по ходу жизни может развиваться! В чем конкретно это выражается? Мы знаем и признаем физический мир. Он полон и как бы самодостаточен и в начале своего общего психического развития персону и не признает ничего иного. Лишь некоторые, с трудом и после длительного духовного развития приходят к открытию «я есмь!», то есть для них прямой, самодостовой и не нуждающейся ни в каких доказательствах истиной становится убеждение, что они «живут в своем психическом мире», например, в мире собственных мыслей. Таковы мыслители, надолго отвлекающиеся от необходимости реагировать на «вводные» внешнего мира: вульгарно говоря, сел, думает и ничего не слышит и не видит. Или «созерцатели», видящие красоту леса, а не кубометры древесины, и тем самым тоже «обрезающие» свой психический мир от деятельного с миром соприкосновения. Но, даже признав реальность и действительность собственного мира мыслей, мы начинаем судорожно выискивать ему местечко все в том же физическом мире, а потому упрямо и настойчиво мысли помещаем внутрь черепа, а эмоции — внутрь грудной клетки. Но суть психофизиологического дуализма в том и состоит, что, хотя и мысли, и, особенно, эмоции меняют физиологию, но до нее в принципе не сводимы! Эти физиологические «сопровождения» объяснимы как лишь рудименты старого и досознательного реагирования психики на опасности! Грубо говоря, от страха сердце колотится для того, чтобы снабдить мышцы кровью и помочь организму убежать. Сознание же нужно для сознательного и «здорового» выбора и реакции, и «поведения»! Сознание как бы говорит эмоциям: «Подождите, не хватайтесь за первое попавшееся решение, дайте мысли перебрать варианты и хладнокровно выбрать наилучшую траекторию». И этот мир осознанных мыслей — как бы новое измерение: ведь осознанное не взамен, а дополнительно и над неосознаваемыми видами реагирования — как овладение ими. Эту линию выправления понимания места мышления в цельно взятой психической жизни и будем обосновывать именно исторически: мысль, в идеале «чистого разума», оторвалась или почти оторвалась от физиологии и механики. И давайте теперь сделаем усилие и признаем мир психический — наряду с миром физическим, трехмерным и пространственным: в нем свое время (по А. Бергсону — длительность), он каждым из нас прямо «воспринимается» или даже мы «в нем живем»! Но даже признание (каждым из нас) наряду с полным в себе миром физическим мира иного, психического (собственных мыслей, эмоций, ощущений) еще мало что объясняет — ведь эти миры получились как бы изолированными! И культура наша не просто в это уперта, а на этом разрыве и противопоставлении выросла. Хотя издревле люди, конечно же, догадывались, что мир мыслимого должен отражать мир физический, но как отражает или насколько достоверно — над этими вопросами ломают голову не одни философы и ничего разрешить не могут, ибо рассматривают их как данное в данный момент и все! А нужно посмотреть (и после мы объясним почему!) на отношения этих миров в их историческом взаимодействии. Но как же они могут взаимодействовать — ведь они же якобы параллельные и независимые! Мысли производят мысли, материя перетекает в материю (законы сохранения в физике!) и вроде бы одно не может превратиться в другое, у них просто разная, так сказать, «ткань». Ведь столько умов билось над проблемой соответствия мыслей их предмету, столько «теорий познания» было переписано!

А все дело в неисторическом подходе — в попытке расположить субъект и объект перед своим мысленным взором и выяснять «соответствие» как ситуационное, то есть сиюминутное отношение, игнорируя историю и их возникновения (а ведь уже Несмелов прямо сформулировал: субъектом становятся, а объект — и вообще мысленная конструкция!), и развития их отношений. Вот и получается, что в ответе на этот простой вопрос: «В каком отношении находится сознание и материя?» до сих пор у всех почему-то наступает полная парализация интеллекта и вместо простого и ясного ответа вроде бы неглупые люди начинают заниматься самой дурной и очевидной мистификацией, хотя сами себя заявляют в качестве последовательных и правоверных ученых! В качестве очень характерного примера укажем книгу «Границы реальности. Роль сознания в физическом мире» [11]. Графики, таблицы, ссылок на литературу несколько страниц! Ну, полнейший научный антураж. А что изучается-то? «Прямое» влияние сознания на материю! Столетие назад были в моде так называемые спиритические сеансы. На них, наряду с общением с «духами» ставились также опыты по применению «силы духа». Как же она понималась (и что это такое)? Очень просто: спирит пытался силой мысли сдвинуть, например, стакан, стоящий на столе. Что выглядит довольно смешно и нелепо. Ибо—что есть эта самая сила духа (или уже сила мысли)? «Просвещенная публика» понимала ее просто как механическую силу, вызываемую мыслью («силой» мысли). Но сила мысли заключена не в этом! А уже в самой способности мысленного конструирования проектов деятельности. Ведь все намысленное и измысленное человек может легко, точно, а главное, не тужась бедной «мыслью», просто и прямо реализовать своими руками — вот этой простой, прямой, на каждом шагу используемой возможности никто замечать не хочет! Воистину, если вы хотите спрятать некую вещь, то положите ее на самом видном месте! И не надо пытаться мыслью двигать стаканы — для этого удобнее руки, а у мысли гораздо более важное и незаменимое назначение — создание проектов деятельности. А пытаться приладить ее для механической работы — просто оскорбительно для столь божественного инструмента! И это простой и прямой ответ на вопрос «Как сознание влияет на материю?» Через волю и напрямую воле подчиненное тело как «механический манипулятор»! Ну а спиритуализм, столоверчение, передача мыслей на расстоянии — все это было бы действительно интересно, если бы имело для людей практический интерес и хоть как-то влияло бы на развитие интеллектуальной культуры. Ведь развитие мышления подвигается совсем иным, действительно важным для нас и ничуть не менее загадочным «механизмом»: плоть вводит психическую активность в жизнь материи — вот подлинное чудо, достойное строго научного к нему отношения! Мы уклонимся от обсуждения—как это работает и как это устроено, для наших целей пока вполне достаточно констатировать бесспорный факт и «прямой эксперимент», который вслед за автором может повторить и читатель: мне как мыслящему существу доступно содержание моего замысла, проекта и одновременно «дан мир объектов» — я имею волю подвинуть карандаш и беру и двигаю. И все. И это — подлинное чудо. Оглушенный ревом турбин, скоростями ракет и мощностью экскаваторов, современный человек до сих пор остается слепым к этому единственному из напрямую доступных ему чудес: ведь и техника, и вся автоматика, в лучшем случае, лишь копируют и лишь некоторые функции этого удивительного «устройства». Да и мнимая «слабость» человеческого тела-манипулятора есть лишь следствие некорректного сравнения его с мощностями

механических монстров, созданных в самое последнее время: ведь научно корректное сравнение ее с силой того же тела в неодушевленном состоянии, то есть с силой гравитации показывает превосходство на много порядков! Значит, честный физик должен заявить — силы живому существу дано очень много! Изложенное означает, что нам потребуется решительно новое и очень серьезное отношение к телесности человека. Дело в том, что господствует в высшей степени примитивное понимание тела — грубо говоря, как трупа! Что исторически совсем неслучайно — ведь и вообще анатомия поставляла свой материал для медицины из изучения трупов. Физиология тоже не идет дальше механического (физического и химического) понимания тела! В результате складывается представление о человеке как о тепловой машине с очень низким к.п.д. Хотя в реальной медицине используется необъяснимая ею способность тканей срастаться — хирургия вообще и возможна-то только на этом «запредельном» для ее механического понимания свойстве. Особняком и сиротливо к медицине жмется психотерапия, но она-то вообще не интересуется механикой и для нее человек имеет совсем иной вид — это психика и психическая жизнь! Но самое главное в том, что эта картинка никак не увязана с работой механической машины!

Нам же для дальнейших рассуждений нужна простая и прямая связь между мирами психическим и физическим. Так вот всерьез понятое человеческое тело и есть нечто удивительное, ибо оно не есть просто механическая машина и не есть просто тело среди других физических тел! Тело-то иннервировано, живое: как вы- ражаются биологи, оно раздражимо и возбудимо. Уточним: в живом теле есть психика, не только реагирующая на «давление» окружающего мира, но и устраивающая с ним некие отношения исходя из своих внутренних и особых, со средой напрямую не связанных устремлений и «интересов». Персональность (как обособленность) ощущений обслуживает персональные трофические и им подобные отношения с окружением (точнее, со всем остальным!), потому, строго говоря, и развитие персон- альной психики обособленно есть следствие физически-трофической выделенности организма! Но отделена ли психика и, точнее, в каком конкретном смысле она обособлена, до какой степени изолирована в развитии — это отдельный и, как будет показано, непростой вопрос с не очевидным ответом на него! А пока мы должны посмотреть на человеческое тело гораздо серьезнее: не как на инертное физическое тело, а как на плоть — связующее звено между мирами физическим и психическим, работающее в оба направления! Все это давно известно и неплохо изучено. Автор не предлагает новых данных на этот счет или новых экспериментов, а только одно — по новому посмотреть на подлинное значение и место того, что вроде бы неплохо изучено и кажется таким понятным. Ведь нам нужен не биологический взгляд, а философское решение об онтологии. И первую подсказку мы находим у того же Несмелова [4/, стр. 33]: двусторонность отношения «ощущение» — внешнее по происхождению одновременно является внутренним по прочувствованию. Отсюда один маленький шаг — не просто внутреннее и внешнее (как переход через телесную границу), а переход гораздо более важный — в мир психический (!) из мира физических взаимодействий. Ну а об обратном переходе уже нетрудно догадаться—это «воля-тело» как та самая непосредственность во владении нами нашим телом, которая нам так хорошо знакома, но не поддается никакому научному описанию. Уточним, справедливости ради: не поддается описанию в рамках

объективно-научного метода и его подхода, ставящего на границе тела темный непроницаемый экран и не пускающий «внутрь субъекта».

1.5. Двуправленность иннервированности и границы

Итак, все изложенное потребовалось нам как подготовка к радикально новому и строго научному определению понятия «плоть». Плоть есть, на самом деле, есть нечто решительно иное, нежели убогое понятие «тело» человека! То тело, которое обычно имеют в виду, есть нечто исторически недавнее и есть ...третий способ понимания своей телесности человеком. Два первых, присущих еще животным, и составляют два «переходника» через искомую нами границу между мирами «психики» и «физики», точнее, между субъективной действительностью и объективной реальностью. Строго говоря, граница трехмерна и совпадает со всем телом как объектом в трехмерном пространстве. Но даже все трехмерное человеческое тело — только одна сторона границы! Вторая ее сторона еще необычнее: это психический мир, мир психических реалий, таких как мысль, эмоция, ощущение. Как мы устанавливаем это (не обязательно взаимнооднозначное) соответствие мы сейчас выяснять не будем, но нам важно четко и внятно зафиксировать математически точное определение — живая плоть и есть «дверь» туда и обратно, ведь она дважды иннервирована центробежной и центростремительной нервными «древообразными» системами! Но сами эти два «древа» ни в коем случае не граница и не переход от «датчиков» к «мозгу» и обратно: если уж и искать им место, то они одновременно принадлежат и миру «физики» и миру «психики», и более того, только их наличие и позволяет психике выработать идею пространства как такового (как конкретно — покажем в третьем разделе). Для простоты будем считать централизацию полной — нам сейчас важно изложить идею решительно нового и полного понимания ситуации. Итак, подлинно фундаментальная антропология не может обойтись без двух новых понятий.

1. Воля-тело как непосредственное (не опосредованное мысленными схемами и конструкциями ума) владение и «просто управление» мышцами тела.
2. Тело-чувствилище как преобразователь чисто физических сил, деформаций и движений в сугубо психический феномен «ощущение».

Нам важны лишь сами определения. А то, «как это работает» и сколько в этом дивительных загадок для будущей науки, для намеченных нами целей уже не важно. Нам довольно констатировать наличие этих переходов, постулировать их сущность и тем самым восстановить системную целостность. Проблема физической реальности неразрешима вообще потому, что она нуждается не в ее «разрешении», а в различении двух совершенно разных сущностей, именуемых по очереди и одновременно одним термином «физическая реальность»: это то, с чем мы имеем дело руками и ногами и боками, и тот набор описаний, который живет в нашей «голове», в психике и является не материей, а психическим феноменом — моделью материальной «физической реальности». Это просто разное, но к несчастью, не имеющее двух разных имен. Они как-то связаны? Как конкретно? И чем?

Деятельностью и мышлением проектированием этой самой деятельности как циклически повторяющимися фазами развития человеческой культуры. В конечном итоге, всей историей. Итак выход из вулгарного материализма есть, а изложенное делает его простым и неотвратимым: каждый из нас сам со всей своей плотью как

«необычной материей» и составляет фактом собственного бытия как действия по своим проектам-мыслям самое решительное и научно обоснованное требование как-то подправить картину «физического мира» («отрефлексировать»). В ней появляются если и не «черные дыры», то, по крайней мере, фрагменты «активной материи», эдакие окна в иные миры, через которые в мир физических законов вмешиваются воли деятелей по своему проекту-произволу. Но в картине «физической реальности» они не нашли отражения: в пылу борьбы за объективность научного знания было выметено из науки все, что связано с субъективностью, которая понималась не как тоже и ничуть не менее объективно присутствующее в Бытии и нуждающееся в учете, а только как источник ошибок, так называемого субъективизма (антипода объективности). Это дань за односторонность — субъект якобы только познает. Но он же ведь (тот же самый!) еще и деятель! И даже деятель раньше, нежели «познаватель» — воли деятелей на каждом шагу! Даже если мы будем пытаться сводить их до интересов и так называемых «ценностей», до мотивации их деятельности одними только результатами их наблюдений окружающего мира (то есть попытаемся лукаво замкнуть материю на себя, то есть материальной выгодой смоделировать заменить реальные живые существа), то все равно жизнь-бытие некоторых фрагментов такой модели необходимо излагать по иным законам — по законам психической действительности. Мягко говоря, не факт, что они механо-подобны — например, вдруг деятель захочет действовать по законам красоты или справедливости?! Только у Соловьева впервые появляется четкое понимание, что воли деятелей есть нечто присутствующее в мире материи! И в Бытии. Но никакого развития это до сих пор не получило. Для уяснения топологии начинать нужно с границ: главный вопрос о границах — нам нужно очень точно их исчислить! Нам все время мешает наш «ум», у нас «горе от ума» — мы все и вся понимаем на языке вмещения в трехмерное пространство и физическое время, и мы все и вся переводим, пересчитываем на этот язык, которого не замечаем и понимание в котором нам кажется единственно возможным, потому якобы присущим самому миру, самому положению вещей! А на самом деле, такой способ восприятия есть нечто довольно позднее и не свойственное ни животным, ни младенцам. Будучи отягощенными трехмерным миром и будучи неспособными отказаться от него напрочь, мы как бы выглядывая из этого мира и имея его на своем вооружении, все же попробуем понять то, как воспринимает свое бытие животное и младенец. Поле его «ответственности» и заботы — поверхность собственного тела: укусил чужую руку или спинку кровати — не больно, укусил свою руку — больно. А также отдергивание от колющего или горячего вполне конкретно и в реальном действии выграничивает ему то, что мы, выглядывая из трехмерного мира, назовем поверхностью тела. Жизнь тогда выглядит как забота о нем: спасение его от хищников и приближение к еде. Но это вовсе не «двумерная жизнь», а скорее «одномерная» — ведь сигналом служит удаление от опасности или еды, значение имеет расстояние, понимаемое не на языке привычном нам — как расстояние в трехмерном пространстве, а как расстояние в мире движений и понимается оно как (психически переживаемое) время движения до цели. Никаких «идей» по поводу трехмерного пространства с его метриками и центрами еще нет, центр движения совмещен с волей-телом (о тсебя, а не «от печки» танцует животное), реально же используется только одна координата такой «сферической» системы координат (это мы, своим поздним умом так понимаем, у животного, конечно же,

никаких представлений и «идей» на этот счет нет!)—радиус-расстояние, но понимаемое, а значит и измеряемое через психическое время! Расстояние это понимается, в конечном итоге, через очень еще синкретичное чувство волевого усилия—тянуться, догонять, но никаких геометрических представлений в нашем смысле нет: поверхности двумерные имеют значение не их геометрическими свойствами, как для нас, а только как различительное свойство по давно выясненной психологами схеме — выделения цели на фоне. Наших же идей сугубо геометрических просто нет. Животное напрямую, прямо и просто владеет своим телом, его тело дано его воле, но оно, конечно же не имеет никаких понятий о центростремительной нервной системе, как впрочем и о центробежной, о том как эти два противоположно направленных древа проникают телесность и сращены с ней, образуя совершенно неведомый в материально понимаемом мире феномен — живую плоть, которая и дает первичное, простейшее чувство жизни живому существу. Подчеркнем еще раз, представление о нашей плоти как о теле — как о трехмерном объекте в трехмерном же пространстве, бытийствующем среди других объектов и наряду с ними в качестве одного из них, это сугубо человеческое и самое позднее «тело», то есть понимание своей плоти. Появляется такое понимание и видение вместе со всем миром иных объектов и как вполне законная, даже необходимая его часть! Но первичная жизнь нашей психики «на» воле-теле и теле-чувствилище не только не отменяется, а более того, служит фундаментом и для нового восприятия Бытия и, одновременно, ее промежуточный инструментарий служит прямо строительным материалом для мира «объективная реальность»! Породив, выделив из себя мир «объективная реальность» психика туда же отдает и тело. А это уже «третье тело», то есть третье и совершенно иное отношение к своей плоти и, можно сказать, что она как целое дана человеку трояким образом, причем все они—совершенно разные сущности. Общим же для них, на первый взгляд, может показаться трехмерное пространство, то есть плоть в ее последнем, третьем смысле — как объект в пространстве. Но и это лишь дань нашей привычке искать зримую картинку (очевидность, очами видение) — как будет показано, наше мышление продолжает сохранять свою зависимость от своей истории и в том смысле, что наглядно-зримая картинка составляет его скрытную подпорку: и мышление в понятиях нельзя противопоставлять мышлению в зрительном поле, ибо оно на него же и опирается! Напомню: принцип, по которому мы выделили волю-тело, — непосредственность, не опосредованность интеллектуальными конструкциями: воля прямо и «наивно» движет телом. Но это может быть и «расширенное» тело, например, автомобиль. Ведь водитель на этапе «владения ситуацией» вообще не задумывается о том, как он это делает. И дело не только в «автоматизме» самих его управляющих движений руками и ногами, а еще и в том, что он сразу понимает свою волю-тело по границам автомобиля. Автомобиль для него — это не трехмерный объект, движущийся в трехмерном пространстве, а то, чем он прямо владеет, что предсказуемым образом отзывается на его управляющие действия и что он перестает понимать отдельно от своего тела, а как его продолжение. Но это так мы видим извне и в привычном нам трехмерном восприятии, но водитель «вернулся» к языку движений, правда, «дополнив» тело-чувствилище до границ автомобиля, а волю до мощности двигателя. Самое забавное, что и тело-чувствилище расширяется за счет искусственных и чисто психических феноменов «боли» в пружине подвески или амортизаторе: когда колесо автомобиля попадает в выбоину, мысль конструирует

«боль»! Не только микроскопы и телескопы, но уже и очки меняют телочувствилице, как впрочем и все измерительные приборы. Подчеркнем, что мир «объективная реальность» при этом ни при чем! Точнее, это «не в нем» делается, он остается «сбоку» в положении сторонней и поздней идеи. Хотя в самих приборах эта же идея эксплуатируется. И только на такой схематике, растущей из самой истории интеллекта, и допустимо возвращать в физику наблюдателя! Итак, самый важный вывод из изложенного в том, что наше понимание Бытия на языке отношений между телом-чувствилицем и волей-телом не только никуда не исчезло, но оно продолжает составлять «базовую часть» нашей психической жизни, правда, плохо осознаваемую из-за того, что нет или крайне мало формальных описаний того, как это «устроено» и как это действует. Вывод. Вся тайна — в одухотворенной материи, в плоти: она не может нами далее пониматься убого материалистически (точнее, нам и не удастся понять ее потому, что мы все время пытаемся материалистически ее объяснить!), она нечто решительно иное и в ней живет то «живое знание», которое мы описали как понимание Бытия слепым котенком.

1.6. История идеи материи

Встав на позицию исторического подхода нетрудно признать, что материализм материализму—рознь, но в чем конкретно исторический материализм по Марксу решительно отличается оттого дитяти наивного натурализма, который обычно и пытаются сбывать под именем материализма?

Начатое Несмеловым увязывание онтологической проблемы (что подлинно есть?) и гносеологической проблемы (что и как доступно нашему познанию?) с вопросом генезиса психики выводит на правильный путь: ответы на подобные вопросы связаны с уровнем развития психики вопрошающего — как персоны, так и интеллектуальной культуры и прямо определяются степенью развития. Сами же ступени, их порядок отнюдь не произвольны, а диктуются, в конечном итоге, реализующимся в истории «устройством» подлинного инструмента познания—воплощенного в теле духа или, привычнее, психики как активности. Это позволяет объяснить, что наивный материализм есть исторически вполне закономерная первая ступень интеллектуальной культуры. И позволяет понять, как нам подступиться к идее материи? Философски грамотно это можно сделать не за счет увеличения размеров и мощности коллайдеров (и якобы вот-вот грядущего открытия тайны Бытия!), а за счет более точного подбора для нее ее категориальной пары — ведь мы изучаем не «как на самом деле», а историю мышления человечества: то как в состоявшейся уже истории складывалась (до всякого осознания, которое всегда запаздывает!) идея материи, содержательное наполнение термина «материя». Ее категориальной парой является идея чистой психической активности или идея «чистого духа». Причем тут «чистота» или, иначе говоря, а чем может быть замутнен дух или психическая активность? Ответим сразу — историей своего становления в материи, точнее, в телесности, еще точнее, во плоти. Понятие материи отнюдь не есть первичное по понятности, ибо материя есть односторонняя абстракция от идеи плоти, а точнее, мы знаем, что такое плоть до всякого интеллектуализма, домышления и через нее объясняем материю — это плоть лишенная психической активности, инертная и безвольная, лишенная внутренней, ей самой присущей активности и, в частности,

памяти. Ведь что конкретно значит, что дух воплощается в материи? Это означает, что он не просто «вплавляется» в материю, а еще и озадачивается ее проблемами. А материя, имея своим руководителем дух, теперь уже и не материя вовсе, а нечто принципиально более высокое и сложное в Бытии — она теперь плоть — активная материя. А так как мышление, зарождающееся и проходящее свое развитие вот в такой озадаченности (на материале и по логике развития, навязанной таким местом психики и такой логикой исторического развития), сразу берет «быка за рога», то есть сразу включается в свою действительную функцию — продвигать в Бытии бытие живого организма, то ему просто некогда заниматься «чистым познанием», а нужно решать задачи выживания. Если кому-то это будет понятнее, то по-варварски воспользуемся авторитетом Гегеля: чистый дух себя назначает в гегелевское Ничто, то есть «не смотрит» на себя, не видит себя, ибо просто нет в том никакой потребности — с собою, как чистым духом, он «не имеет проблем». А вот телесность, в которую дух оказался «вселен» и которая для него и место его обитания, и поле его «ответственности», со всех сторон окружают опасности — несчастную телесность стремятся и разорвать, и просто пожрать! Вот это-то гегелевское Нечто, то есть мир физически-телесных отношений и захватывает всецело внимание духа: он, будучи активным началом и имея на своем попечении свою плоть-телесность, на это как-то должен отвечать, но не просто реагированием (что есть модель механически действующего автомата), а активно, поднастраиваясь с помощью памяти, которая дает ему первичный материал — «если так, то так»! То есть, категориальная пара «чистый дух — материя» — это не выдумка автора, а в ходе развития интеллектуальной культуры человечества исторически стихийно, сам собой сложившийся способ понимания. Единственный. Порожденный им разрыв в мире мыслимого не осознан и даже не выявлен (и уж тем более не исследован во всей его грандиозности и тотальности: «сверху донизу»). Интеллектуальная культура человечества зародилась и прошла свое развитие на разрыве и он не может быть преодолен только интеллектуальными средствами в их узком смысле — как логическими конструкциями теориями аксиоматического типа, ибо в разрывах — эмоционально переживаемые, этические по содержанию и допускающие еще и эстетическую (!) оценку «волевые» решения. А автор только концептуально «расчищает», то есть выявляет точные смыслы слов и действительные отношения между ними. И наш метод — историческая реконструкция развития смыслов, их расхождения- «размножения» в истории интеллектуальной культуры и языка. Ведь что значит, что мы понимаем через деление на дух и материю, что в том плохого? Дело в том, что мы не начинаем свое психическое развитие каждый раз заново и с нуля, а лишь продолжаем его и потому последнее достижение используем как очевидное и якобы единственно возможное. Сегодня в культуре заложено деление всего и вся на материальное и психическое (духовное или волевое), но напрочь забыто о реальной связи между ними! Связь между ними — плоть как двухсторонний переходник. Психическое — это сторона, к физике и физиологии не сводимая, но и не вмещающаяся целиком в пределы сознаваемого. Строго говоря, «до конца осознанного» нет ничего и «лучик сознания» освещает нечто «без начала и конца» — мир мыслимого сознательно и мир «простых», односложных состояний психики. Вопрос о «чистоте» духа — это вопрос о его несвободе, о степени его «стесненности» не его собственными задачами! А это упирается в осознание духом себя и фактического своего положения в наличном

своем бытии и бытии потенциальном, «совсем свободном» от забот «материи». Ведь психика человека-персоны воплощается (то есть связывается в плоти с материей тела), потом проходит процесс первичного развития своих (в таком вот «стесненном» состоянии!) возможностей понимать Бытие и свое место в Бытии в таком вот состоянии и, осознав, возвращается вновь в свободное состояние, но уже в новом качестве — как личность, индивидуальность, рождается духовно как боевой штык, как штука, как квант Бытия. При этом через персону проходят «сквозные» потоки духа, духовной «энергии» (благодати, например?) других духовных сущностей (монады у Лейбница — не есть ли попытка «постулировать» «правильно» штуки Бытия?). Впрочем для нашего точного изложения эти побочные и пока не разработанные идеи не являются необходимыми. Нам важно констатировать: вопрос о том, что такое материя, может решаться только исторически, ибо в истории это понятие сложилось стихийно и процесс его формирования («осознания») еще не завершен. Та же ситуация и сего категориальным дополнением, парой — «полный» ответ в «конце» развития психики самого вопрошающего и через средства выражения ею же самую и нарабатываемые. Излагаемо еже ориентировано на достигнутый уровень развития науки, то есть на признанные в обществе научные результаты, на мышление общества как целого, а не на персональный уровень отдельных ученых-мыслителей. Потому для наших целей вполне достаточно указать на то, что мы до всякого мышления напрямую знаем не половинки категориальной пары «сознание-материя», на которой оказалась «распятой» наша интеллектуальная культура, а отношение между ними, точнее, два отношения (воля-тело и тело-чувствилице), а еще точнее, отношение между этими отношениями — оно-то и составляет самую глубинную «интуицию жизни», самое первичное понимание живым существом своего бытия!

Ведь это мыза него так видим его положение в Бытии, оно же все сразу понимает на языке двух отношений между синкретичными, сращенными «волей-телом» и «телом-чувствилицем». Потому реальностью являются не бессмысленное бытие материи и не беспредметное бытие духа, а два перехода-влияния между ними, все дело в этих отношениях. Ну а деление на якобы две сущности «материя» и «дух» было необходимо в интеллектуальной культуре как исторически переходное — для того, чтобы было с чего начать разговор, чтобы начать научное изучение и исследование, которое ведь всегда стоит на делениях и противопоставлениях, на отношениях. А без делений и отношений как их следствий ведь и сказать-то нечего и ничего не выразить—вся наша культура понимания стоит именно на выражении одного через его отношения с другим! И это наш главный итог — мы уклонились от ложного пути абсолютизации и духа (психической активности), и материи, а выяснили, что содержательно-научного значения эти «опорные точки» в одиночку не имеют, но важны именно два отношения-перехода между ними!

1.7. Уточнение предмета исследования

Мы так устроены, наша психикатак «соединена» с нашей же механикой, сращена с ней и, строго говоря, мы и говорить-то о них как об отдельных вещах можем лишь условно, лишь в мыслях разделяя на якобы отдельные стороны собственного «устройства». Действительно научный подход в том и состоит, что говорить о теле, не помня, что оно пронизано как чувствительностью, так и активностью, двумя «встречными» система- ми

иннервации, значит полностью извращать суть дела. А ведь она именно вот в таком способе бытия нашей психики и заключена. Наша психика вот в такой связке, в такой отягощенности телесностью и ее проблемами появляется в мире, в таком сплаве с телесностью начинает и проходит все свое развитие. Все дело именно в этой сращенности лишь условно, мысленно нами выделяемых сторон нашего персонального бытия — психической и механической. Ведь вся культура системного анализа и синтеза от нас очень жестко требует: рассматривать одну сторону, можно только постоянно памятуя о другой. Ну а так как в культуре сложилось и закрепилось рассмотрение и научное изучение психической и физической сторон Бытия порознь, то во всех дальнейших построениях мы вынуждены постоянно.

восстанавливать систему в ее фактической «работе», в функционировании указанными двумя «переходами» до системной целостности. Иначе мы будем изучать нами же выдуманные псевдосущности, в реальной жизни вообще отсутствующие, и их выдавать за саму реальность. И впадем в наши же, нашей мыслью созданные заблуждения. Рассуждать о психической и механической сторонах человека-персоны можно только в условиях памятования, что каждая из сторон живет в постоянном и динамичном своем взаимодействии с другой стороной и, более этого, это их сотрудничество есть главное и центральное условие их совместного развития, динамика прижизненного изменения каждой из них может быть понята (нами в нашем мышлении) только как круговорот вот таких шагов взаимного влияния — развитие каждой из сторон обусловлено ее совместной жизнью со второй стороной. Вот эта «системная целостность» — главное из того, чего решительно не хватает сегодня во всей нынешней антропологии. Причем вос- создать эту цельность персоны следует не в статичной картине, а именно в историческом движении, в неотвратимом изменении: и в телесном росте, и в развитии психики. Причем именно развитие психики практически напрочь игнорируется современной психологией, точнее, она до нее не поднимается, ибо психологи просто не понимают идею развития и подменяют ее чем-нибудь попроще и попонятнее им самим, например, идеей количественного накопления «знаний». В то время как уже Л.С. Выготский, пусть исподволь, но настойчиво проводил понимание психологии как науки именно о развивающейся психике: он прямо понимал высшие психические функции как то, что персоне предстоит развить своим трудом в прижизненном развитии! Да вот беда — вопрос о закреплении достижений одиночек в виде достижений общества, в его (общества!) гуманитарных науках проблематичен — использование требует той же степени рефлексии, как и акт первого открытия. И уровень понимания, достигнутый Выготским, «в реальном исполнении» никем из психологов не удерживается как основание их научных построений. Слово «развитие» имеет два существенно разных смысла. Во-первых, его используют для того, чтобы сказать, что нечто или некто развивается. Во-вторых, тем же термином «развитие» именуется теоретико-системный класс, конструкт, имеющий определенные свойства — «устройство» и законы развития. Это интеллектуальное средство, инструмент или предельно общая модель. А ее приложение к реальности, замещение реальности такой моделью означает, что уже тем самым и все свойства модели разом вменяем той реальности, о которой ранее сказали, что она «развивается». Иными словами, несмотря на довольно произвольный и, прямо скажем, безответственный характер употребления слова «развитие», принятый в нашей культурной ситуации, то есть несмотря на моду на слово «развитие»,

со стороны научно понимаемой культуры употребления слов всякое употребление слова «развитие» влечет очень точные и жесткие последствия — мы просто обязаны приложить все накопленные к настоящему времени знания по поводу теоретико-системного класса развития к тому «в себе и для себя сущему», о котором заявляем как о развивающемся. Описанная особенность предмета требует от нас как бы «двойной бухгалтерии», двоякого объяснения шагов исторического развития—каждый шаг описывать дважды: со стороны «физики» и со стороны «психики», то есть как изменение в формах поведения и деятельности и, одновременно его же(!)—как изменения в психике, причем принудительного характера — по схеме «для такого поведения (такой деятельности) необходимо, как минимум, такое-то усложнение психического мира». Речь идет именно о необходимых условиях, а не о достаточных. Совсем грубо говоря, мы физическую картинку поведения сопровождаем психическим объяснением, то есть автор не выдумывает никакой отсебятины, а следует выводам Л.С. Выготского — переходим к психологическому в терминах Выготского, то есть прорываем агностицизм, то есть «вкладываем» развитие интеллекта в целое и единое, единственное и однажды случившееся (и не повторяющееся!) мировое развитие. И здесь перед нами в полный рост встает вторая проблема: психика младенца развивается не в природе и ее интеллектуальном вакууме, а в интеллектуальной, этической, эстетической и т.п. (то есть общей духовной) культуре общества, которую он застаёт готовой. И хотя мы мышление персоны вернули в полноту ее жизни (что и составляет итог всего первого раздела), но и этого мало! Нам предстоит еще и саму персону вернуть туда, где она и должна быть — в общую духовную жизнь общества, и в конечном итоге — в антропо-социокультурогенез, последнюю придумку современной культурологии. Для этого нам потребуется второй раздел. И только тогда у нас будут адекватные выразительные средства для того, чтобы подступиться к подлинной истории интеллекта!

Раздел 2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

На намеченном пути нам придется преодолеть еще одно живучее заблуждение — о лжесоставности общества из персон. Телесно-то персону, конечно же, можно и нужно видеть в «природе», но мир мыслей ее находится в жесточайшем прессинге со стороны мыслей других персон, прежде всего, «взрослых». Вот эту линию выправления понимания правильного «места обитания» персоны и как существа телеснодеятельного и как существа мыслящего мы и будем проводить, возвращая логику рассуждений к уже достигнутому когда-то Марксом пониманию, что, грубо говоря, персона живет в обществе, а не в природе — никакой феномен «Маугли» невозможен в принципе, и, более того, вообще, вне общества нет даже самой возможности определить человека-персону как сущее. И уж тем более, нет для него вне общества никакой возможности стать человеком, вочеловечиться. Это очень сильное утверждение, ибо наивный натуралист, даже не задумываясь, поступает наоборот—общество определяет через персону: общество это какая-то сумма персон. Это еще одна фундаментальная проблема, действительное, методологически

грамотное (на модельном уровне постановки) решение которой нам предстоит еще только получить как один из результатов данной работы. Получить как итог и как строгий научный результат, не терпящий никакого послабления: общество как реальная сущность в не рефлексивном, не историческом подходе вообще теряется!

2.1. Реальность общества как исторического целого

Трудность же в том, что наше мышление, привыкшее все и вся полагать перед своим мысленным взором и понимать как положенное друг возле друга, рядом («рядком») положенное, здесь не пригодно! Миры мыслимого соприкасаются в истории, а не в пространстве. Наше мышление антиисторично (доказательство этого и изучение всех других свойств самого нашего способа восприятия Бытия — в конце монографии), и потому оно для нас сейчас — не помощник. А поэтому, пока на модельном примере объясним, что мы имеем в виду под историей, если понимать смысл этого термина по Шпегнлеру, а не в интерпретации Эдварда Радзинского. Группу обезьян посадили в общую клетку. В углу клетки повесили банан. Но при попытке одной из обезьян сорвать банан, поливали холодной водой не ее одну, а сразу всех. Попытки добраться до банана быстро прекратились. Но интересное началось после того, как половину обезьян удалили, заменив их новыми. Когда новичок пытался сорвать банан, то «старожилы» оттаскивали его и не позволяли даже приблизиться к банану. После этого заменили и вторую половину. Теперь в клетке вообще не было обезьян, побывавших под холодным душем, но между тем банан оставался в неприкосновенности — «первые новички» не подпускали к нему новобранцев второго «призыва». И «коллективное бессознательное» К. Г. Юнга перестает быть чем-то загадочным и пугающим, а предстает как очень даже простая и естественная сущность, если его правильно объяснять — через историческую преемственность на уровне еще не осознаваемых навыков жизни. Тогда уместен обратный ход — почему, с какой это стати и в чьей это конкретной персональной психике, «голове» должно быть достигнуто осознание чего-то принципиально надперсонального?! Вместимо ли оно туда вообще?! Ведь осознание чего-либо всегда опаздывает в истории, а главное, всегда дается невероятным общедуховным (не одним только узко интеллектуальным) трудом. Если мы от первоначальных корней любой социальности, заложенных на очень глубоком и архаичном уровне, не знаем как провести нить полной исторической преемственности, объясняя все трансформации как исторически неизбежные, то мы еще не подступались к пониманию сути общества. Не подступались и подступиться не можем, ибо нам мешают сами названия — ведь надперсонального субъекта принято именовать или собирательным, или совокупным и тем самым на уровне языка навязывать радикально ложное его понимание — как якобы собранного или составленного из персон, на уровне языка нас поджидает ловушка наивного натурализма! Но в том-то и дело, что все наоборот — это персоне еще не выделялась в отдельное бытие! Поэтому, всякий раз сталкиваясь с выражениями «совокупный субъект» и «собирательный субъект», будем помнить, что мы имеем дело с исторической целостностью, она для нас имеет решающее значение. Автор вынужден настаивать на реальности и исторической первичности (пусть и архаичной, неосознаваемой) субъекта «общество как целое» уже потому, что для наивно-натуралистически мыслящего читателя нелепым является само по себе словосочетание «мышление общества», но только потому, что он тут же

(мысленно!) заменяет (подменяет!) общество толпой. И это не его личная проблема — это проблема всей интеллектуальной культуры, конкретнее, гуманитарных наук, которые попали в ловушку наивного натурализма — «я же вижу человека отдельным от других!». Вот с этим «видением», точнее, с тем как объект дан персоне, будем разбираться. И покажем, что, еще точнее, интеллектуальная культура не попадала в ловушку наивного натурализма, а правильнее сказать, что она из нее еще не выбиралась, ибо она и зародилась и развивалась как наивно натуралистическая. Более того, как будет показано, она и не могла быть иной. Изложенное есть прямое указание на детский этап развития науки. Пришла пора отрабатывать полуторавековой должок перед человечеством: выстраивать над наукой рефлексивную надстройку, что-то наподобие знаменитых «критик» Канта, но не над мышлением персоны (чем и занимается философия), а прямо над мышлением «общества как целого». Последние три слова взяты в кавычки потому, что они составляют один термин, а не потому, что они означают нечто химеричное или условное. Как раз наоборот: понятие «общество как целое» мы для того и вводим, чтобы радикально отмежеваться от практически безраздельно господствующего наивно-натуралистического понимания смысла термина «общество», низводящего его до суммы случайно оказавшихся в случайном месте одиночек, то есть до толпы, лишенной истории. Точное доказательство факта, что социологи в основном удовлетворяются изучением толпы, подменяя ею реальное и живое общество, а так же уяснение точного смысла термина «общество как целое» и изучение действительных отношений «общества как целого» с персоной составляют часть отдаленных итогов данной работы. А пока, опираясь на описанный опыт искусственной «социальности» у обезьян, подчеркнем, что «общество как целое» — не сумма и не комбинация, и даже не «системный эффект», оно не производно от персон, а скорее наоборот — для того, чтобы дать правильное определение человека, придется прежде внятно объяснить, что такое «общество как целое», тянущееся в своем бытии-жизни аж в животную жизнь — к стае, стаду или прайду. Резко выражаясь, из животной жизни к специфически человеческому способу бытия выходило сразу «общество как целое», а не отдельная персона! Ведь и «стая обезьян как целое» имеет свое поведение, которое она транслирует сквозь поколения и как бы «поверх» персон! Живое существо стремится к благу уже тогда, когда оно еще не «знает» благо как интеллектуальную конструкцию, а «знает» его боками и брюхом, то есть оно его понимает и понимает всегда конкретно: изначально как дихотомию «приятно — неприятно» в мире ощущений. Воля же, как стремление к благу формируется как единое (в конкретном действии, в ситуации) волевое стремление к улучшению своего положения в Бытии. То есть живое свое положение в Бытии понимает не пассивно — как ощущения на языке «приятно — неприятно», а понимает изначально активно, как живое волевое существо, то есть оно сразу понимает напрямую: как улучшить приятное и уменьшить неприятное, понимает волевым образом, понимает на языке стремления к благу. Так вот, пример с обезьянами показывает, что в самом понимании Бытия как стремления к благу на место дихотомии «приятно — неприятно» можно поставить социальный вариант понимания блага — «хорошо — плохо», то есть персона сразу же, уже на этапе формирования единства персональной воли, уже на этапе уяснения себе идеи блага, сама того не понимая явно, уже руководствуется социальным аналогом блага! В персоне в самом глубинном слое ее психического «устройства» уже заложена социальность, ее воля уже рождается сразу как встроенная

в волю социума. Персона, конечно же «свободна», но ровно настолько, насколько свободно особенное в пределах всеобщего, которое мы нашли в самом корне психического — в воле как внешнем названии для внутреннего единства психики. Это дает нам все основания говорить о стае обезьян как о живом и вполне реальном существе, по крайней мере, как о единой воле с сопутствующим ей реальным мышлением, которое вторично и вырастает как нашлепка или вставка на первичном, животном понимании Бытия как телесно-двигательного (собственного) активно-волевого стремления к благу. Для животного — «жизнь — это движение», буквальное движение к благу, к цели в пространстве. Для персоны-человека — это деятельность, переживаемая как волевое усилие, волевое стремление к благу, благу единичному, и вроде бы особенному, да вот только «вложенному» во всеобщее на уровне понимания! То есть в персоне-человеке в самом прямом и грубом смысле слова живет социум, живет прямо его волей как внешней квинтэссенцией его психической жизни, а значит и его мыслями, его эмоциями, его ощущениями. Здесь нет никакой дурной мистификации или передергивания смыслов слов: нам нельзя пытаться себе представлять общество наивно-натуралистически — как объект, ибо у него, конечно же, нет ни рук, ни головы, но есть психическая или, правильнее сказать, духовная жизнь как целого существа, причем она первична по отношению к психической жизни персоны! Если мы строго научно ищем живое как волю (не наивно-натуралистически — как «объект с волей», а именно — проявления воли!), то мы сразу натываемся на волю общества как целого. И интеллектуальная честность, а не те или иные эмоции, вынуждают нас признать реальность и первичность общества. Мышление в ближайшем и конкретнейшем смысле как «процесс» совершается в психике персоны. Но она вполне способна мыслить за собирательные субъекты, более того, она почти всегда так мыслит! Это объясняет: для чего мы возбуждаем вопрос об отношениях между персоной и обществом в сфере мыслимого в его правильной исторической постановке. Для того, чтобы человечество могло осознать себя как некое целое, оно должно прежде отличить собственное мышление как нечто сугубо свое и решительно отличное от мыслей персоны! Мы должны ввести в оборот это различие и удерживать его в дальнейшем нашем изучении филогенеза. Так как в явном виде этого никто не делал, а всякий раз, когда говорят о мышлении, то имеют в виду мышление персоны, мы и оставим за термином «мышление» этот смысл, а для резкого различия введем новое понятие — мышление общества как целого, и будем настаивать на его новизне, по крайней мере, на решительном отличии и ином «способе бытия» этого мышления. А всем дальнейшим изложением будет доказательно объяснено, что, несмотря на то, что в наиконкретнейшем смысле мыслят-то, конечно же, одиночки, но такой простой вещи, как мышление персоны в действительном употреблении, «в применении», обычно, просто не существует! Мышление персоны представляет собой кляксу с переменными и расплывчатыми краями-границами, которая плавает в «океане» обезличенного продукта мышления, так называемого «знания» (или сообщений без адреса)!

И как будет показано, это вполне нормально, ибо естественные науки стоят на наивном натурализме и не только не требуют никакой рефлексии от одиночек, но и, более того — она им вообще противопоказана, ибо они способны понимать друг друга только потому, что одинаково наивно натуралистически относятся к предметам своих наук.

2.2. Мышление в языке

Со стороны только интеллектуальной, реальность и первичность общества как целого в том и проявляется, что мышление общества как целого первично по отношению к мышлению персоны. Дело в том, что наивный вопрос «Как работает мышление?», следует выправить до правильной постановки «В каких фактических обстоятельствах мышлению приходится решать свои задачи и, решая их, развиваться методом стихийного складывания?». Обстоятельств «работы» — два. Первое — в том, что мышление есть нечто развивающееся и в онтогенезе, и в филогенезе, которые связаны между собой, а самасвязь эта есть второе обстоятельство мышления, а именно — жизнь в обществе вынуждает мышление персоны работать всеобщим образом. Конечно же, всеобщность мышления не составляет сознательной цели персоны, но ее мышление неотделимо от речи, от общения с другими людьми, Вот только и общение следует понимать как сторону совместной деятельности: постоянный расчет на то, чтобы Другой твои слова, точнее, заключенные в высказывания твои мысли понял также как и ты, и есть тот фактический механизм, который превращает мышление персоны в мышление всем понятным образом. А так как понимание чего-то нового каждым из нас в нашем существенно отдельном (изолированном в конструировании мира понятного!) мышлении осуществляется как выражение нового через уже понятное, то мир понятного, то есть нами освоенного (нашего фактического интеллектуального вооружения, которое пускаем в использование и с которым стоим перед проблемами!) мы не просто «накапливаем», а он находится в развитии, в постоянном внутреннем самосогласовании, разрывы в нем нетерпимы — наше решение, наше действие должно быть однозначным. Дело в очень тонком различии: пользуясь языком, персоне, на самом деле, не стоит над этим отношением, а скорее сама находится в использовании языком и мышлением общества как целого для его целей — вот так глубоко и «несвободно» единены персоны в социум как целое, целое изначальное и никогда с нуля и вновь несоздававшееся, а лишь продолжающее свое бытие вот в таком режиме «сплошного недоразумения» по поводу авторов кусков мыслей и итоговых волей. Можно утверждать, что персоне не осознает всего того богатства связей между понятиями, которые живут (и хранятся, и используются) во всеобщем багаже-языке (в языке—всеобщий итог развития мышления), которые есть, подразумеваются и фактически персоне используются за рамками ее разумения, то есть она принципиально «идеологизирована», не понимает до конца подлинного смысла используемого ею! Не она мыслит, а общество в своем мышлении по поводу своих проблем своей деятельности встраивает персону с ее кусками мышления, встройка происходит сама по себе за счет общности языка как «поля смыслов слов». Мы сейчас описываем положение дел с новой и необычной стороны—стороны общества как целого, которая обычно напрочь игнорируется! Ну а с точки зрения персональной ситуация выглядит совершенно иначе, она даже частично изучена, например, Мераб Мамардашвили писал, по-видимому, это отношение как его «закон инакомыслия». Правда, у него оно изначальное окрашено в негативные тона, ибо он пытался объяснить вполне конкретное явление — идеологическую манипуляцию, пытался вскрыть его механизм [13]. Стремление к цельности, связности понимания, но в

условиях постоянной проблемы понимания тебя другими так же, как ты сам себя понимаешь, то есть мышление в пределах языковых возможностей выражать свои мысли (всеобщим образом) и есть фактические «рельсы» развития персонально надстраиваемого сверху и пристраиваемого снизу персоной ее мира мыслимого. Дело обстоит не так, что наше мышление якобы просто работая с отдельной задачей, якобы просто ставит в соответствие объектам некоторые понятия, атак, что эти понятия в их развернутой форме, остаются связанными со всеми другими понятиями, составляющими мир нашего мыслимого, мы каждую задачу «берем в оборот» не случайными обрывками мыслей, а всем своим существом и, в частности, весь мир нашего мышления-накопления «бросается нами в бой», весь и целиком. Конечно, впереди идет этическое оценивание-квалификация ситуации задачи, впереди идет наш моральный облик и мы сразу видим ситуацию «в ролях» и, на самом деле, задаче предшествует этическое решение — уже то, что мы нечто (или кого-то) «назначили в объект», якобы увидели его как объект, и составляет наше этическое решение, вынесенное из животной жизни и еще не извлеченное на свет разума.

2.3. Соотношение персонального и социального через этическую сферу

Но мышление персоны всеобщим образом, которое сложилось как результат вот такого стремления к пониманию себя другими, и прямое использование мыслей конкретной персоны прямо в качестве мышления за собирательных субъектов (в качестве «мышления самодержца» — ведь любые начальники вещают именно прямо от лица собирательных субъектов) — это решительно разное. Вульгарно выражаясь, интеллектуальная культура не только не сумма и даже не системный эффект от персональных сфер мышления, но они впрямую в жизни никак и не соприкасаются, ибо реально соприкасаются воли «персон носителей воли». Грубо говоря, нет никаких таких личностей (пока почти нет), есть персоны — весьма условные целостности во всех смыслах (из-за путаницы в понимании ими их многочисленных социальных ролей). Корень же — в грандиознейшем и пока не исследованном заблуждении в культуре: мы этическую и интеллектуальную сферу мыслим как разошедшиеся в мировом развитии якобы в совсем отдельные сферы. Это означает, что мы вынуждены их развитие понимать как отдельное. Но мы будем помнить об этой условности и будем компенсировать заблуждение, искусственно связывая их шаги. Реально-то нам требуется лишь первый шаг — шаг условного обособления интеллектуальной сферы и формирования мышления общества как целого на базе первой модели Бытия. И для того, чтобы правильно понять отношение между мышлением персоны и мышлением общества как целого, нам придется разрешить еще одну проблему на намеченном пути — хотя бы в общих чертах правильно определить место мышления во всей психической жизни персоны и аналогичного место интеллекта в жизни общества. А уже из отношения между волями получить правильное отношение между мышлением персоны и общества как целого. То есть нам не уклониться от обсуждения, пусть и в самом общем виде, отношения всей интеллектуальной сферы со сферой этической, хотя бы на первом шаге их относительного расхождения в отдельные сферы. В описанном опыте обезьян поливали за попытку сорвать банан, механически корректировали механическое поведение. Точнее, создана как бы искусственная

социальность: ведь персональная попытка сорвать банан сопровождалась сразу социальной «оценкой поступка» (поливали всех). А вот для привития этически сознательного, то есть для осознания ими этического смысла своих поступков именно как этического, нужна причинно-следственная связь между этическим смыслом поступка и наказанием за него, если он нарушает законы. Нужна идея нравственного закона в явном виде! Нужны некие интеллектуальные средства, схемы для выражения этого отношения. До этого осознания в животном мире господствуют нравы животных, которые ими вот так—как нравственные нормы — не осознаются, а только как «порядок клевания», то есть как «вплавленное» в схемы поведения и из них не вычленимое в чистом виде. И для этого выделения в явном виде нет ни потребности, ни возможности — психика животных не поделена на внешнее и внутреннее! А потому «нравы животных» — это в значительной мере условное название, это перенесение понятий человеческого мира на животных, в бытии которых нет идеи «нравственный смысл» поступка, а есть лишь непосредственно с ним связанное, хотя и эмоционально окрашенное переживание. «Память эмоций» напрямую и руководит поведением животного, но «поступок» как схема с позициями для него вообще невыразим, нет для этого интеллектуального вооружения, оно еще не порождено. Вопрос можно поставить так — допустим, что Бог решил вывести породу обезьян, которые могли бы осознавать свои устремления как нечто отдельное от самих этих устремлений «вживую», в практике поведения. Но как это возможно, какие для этого требуются минимальные условия на уровень развития психики таких обезьян? Они как минимум должны быть способны выразить напрямую этическую проблему как проблему отношений между персонами или, точнее,—между персоной и обществом как целым то есть нужен некий минимальный уровень интеллектуальной оснащенности, чтобы на ее языке была вообще выразима этическая проблема! Выделение интеллектуальной культуры в ее «чистом», то есть отдельном, явном виде и появление этической сферы связаны не только возможностью, но и необходимостью. Нравы человеческого общества как «остаток после выделения интеллектуальной сферы» получил и свою задачу—он держит целое, якобы «собирает» собирательных субъектов, а на самом деле, конечно же, не собирает их заново и в буквальном смысле, а просто удерживает их целостность в новых условиях: не механическим «порядком клевания», а через нравственные нормы, создаваемые персоной и ею «принимаемые свободно», то есть через моральные переживания, которые более не «вплавлены» в навыки поведения и составляют нечто отдельное. То есть появляется этическая сфера в явном виде. Обособление интеллектуальной сферы привело к тому, что в некотором смысле персона стала равной обществу как целому в интеллектуальном отношении — раз все мыслят всеобщим образом, грубо говоря, одинаковым образом и в языке, то в нем сугубо персональные объекты-представления слиты в объекты-понятия, у которых уже нет никакой связи с показаниями органов чувств! Содержательное же богатство — именно в отношениях между понятиями. У Несмелова вообще не было различения социального и персонального (как впрочем и у всех и до сих пор), потому он ошибочно описал переход от объекта-представления к объекту-понятию как акт отвлечения от места и параметров. Но дело гораздо серьезнее: само это отвлечение обобщение продиктовано иным и более важным отказом — отвлечением от персональности и связанных с ней показаний органов чувств, а потому речь идет о переходе от «персонального и чувственного» к «социальному и вынужденно сверхчувственному».

Ну а связь их в том, что у персоны общие для всех схемы мышления — те же, что и для «мышления общества как целого». Но в поведении и в деятельности между персоной и обществом как целым не только нет никакого равенства, но между ними пролегает бездна — грубо говоря, живет общество как целое и «использует» персону для своего «оживления». Как конкретно удерживается этот «сплав» от разрушения и нужен ли он? Для богов был бы не нужен, но для существ чуть-чуть отошедших от животных навыков совместной жизни и от животного способа жизни — нужен!

Описанная подмена понимания собственной жизни с «приятно-неприятно» на «хорошо-плохо» — ключ к правильному пониманию места всей этической сферы. Конечно же, изучение этической сферы не входит в задачу данной монографии, но нам потребовалось приведенное указание правильного отношения между интеллектуальной и этической сферами для того, чтобы сразу «ухватить» не только заявленный предмет (интеллектуальную культуру человечества), но и его действительного субъекта—исторически становящееся человечество как целое, общество как целое «в масштабе» всего исторического человечества. Грубо говоря, из животного мира вышел и ушел не человек-персона, а одна стая как целое — ушла и не вернулась. И всех промежуточных ступеней уже нет нигде! Но «всю историю» носит каждая персона: ее сегодняшнее мышление, его схемы (еще не осознанные и не выделенные в явном виде) могут быть объяснены как сопровождение развития форм поведения и форм деятельности — что думает, как сам себе объясняет человек свои вот такие действия руками и ногами? Мы вовсе не собираемся обсуждать правильность или неправильность «отражения» в мышлении чего-то там «в себе и для себя сущего», а именно и только историю самого интеллекта! Наш предмет — «формы мышления», схемы мышления, а не их истинность или соответствие чему-то! Иначе говоря, у развития интеллекта есть своя внутренняя логика, для вскрытия которой нам необходимо «вернуть» мышление на его действительное место в цельной психической жизни персоны и, соответственно, интеллектуальную культуру — в действительную цельность всей жизни общества. Прямо выражаясь, мы сейчас обостряем весьма темный и никем впрямую до сих пор не обсуждавшийся вопрос — как имея в своем распоряжении персональное мышление можно (и можно ли вообще) замахиваться на понимание интеллектуальной культуры человечества? Грубо говоря, нам нужно разрешить «очень простой» вопрос — в каком смысле(или когда конкретно и до какой степени) мышление одиночки пригодно для изучения истории мышления общества как целого? Ведь в конкретнейшем смысле мыслит-то персона! Например, автор работы и читатель. В их конкретном мышлении «проворачивается» интеллектуальное построение, персоны делают обобщения, строят силлогизмы, получают выводы, заключают о правильности или неправильности утверждений. Проблема не в том, что общество как целое — нечто подавляюще «большое»: как было показано в реальной жизни мышление персоны вполне работает за целое. У нас же, в научно-познавательном и потому одностороннем отношении проблема в ином и образ ситуации уже был заявлен — «Солярис» обезличенных «продуктов» мысли, в котором плавают мышление персоны, но оно не островок и даже неайсберг(ведь для этого нужно было бы иметь интеллектуальную силу завершить свое мышление в качестве чего-то цельного и логически внутренне связного, как это сделал Гегель со своим персональным мышлением, выстроив «систему»), а нечто аморфно-расплывчатое с непроясненными авторством и владением! Эдакая «клякса» с подвижными краями в

безличном и безадресном океане. Поэтому первейшей задачей для нас является рефлексия персоной ее положения в «океане» мышления неопределенной принадлежности!

Рефлексия не ранговая, не ситуационная («Я оглянулся посмотреть — не оглянулась ли она посмотреть — не оглянулся ли я посмотреть ...»), а полно-историческая, в духе Ф.Т. Михайлова, когда само понятие рефлексии — почти синоним исторического подхода. Совсем грубо говоря, общество как целое — это всегда общество как историческое целое, оно протяженно в историю столь же реально, как объекты протяженны в пространстве! Почему же эта проблема в прямой ее постановке не поставлена ни в науке, ни в философии? Описанное неисторическое понимание мышления и недоразумение с субъектом мысли делают вопрос риторическим и позволяют ответить на более важный для нас теперь вопрос: что в действительности ими реализуется? С этой точки зрения как выглядит деятельность одиночки-философа, философа не по диплому, а действительного — способного выстроить свою внутренне связную и логичную философскую систему, художественно выражаясь, расплывчатую «кляксу» превратить в жесткий «айсберг»? А очень просто: философ своим персональным как бы подменяет (и моделирует?) всеобщее, пытается «подморозить океан». Именно — «подморозить»! И этот неточный, но яркий образ нам потребовался, чтобы обострить еще одну проблему на нашем пути: и дело не в замене или «подмене» социального персональным — от этого никуда не уйти и, пусть не на все содержательное богатство, но по крайней мере, на «скелет науки» в духе Кеннета Боулдинга нам следует претендовать. Дело в другом — если была бы возможна такая логическая конструкция, то это бы означало точку в мировом развитии, нам оставалось бы поблагодарить такого философа и заняться унылым чисто количественным «развитием» интеллектуальной культуры. Прямо выражаясь, философская система всегда содержит в себе скрытое отрицание исторического развития. В том идеалистическом ключе, который критиковал Маркс — интеллект понимается как вынесенный за пределы истории и извне в нее вмешивающийся! В отличие от философов, ученые естественных, дорефлексивных наук все время, на каждом шагу согласовывают свои построения с социальным: сразу понимают и говорят, излагают всеобщим значимым образом, то есть мыслят в языке и тянут лямку развития социального. Но они не строят рефлексивной надстройки над интеллектуальной культурой! «Механика» развития реализуется дорефлексивно — через «кризисы» в науке.

2.4. Чем владеем?

Но в последнее время в современной научной культуре незаметно вызрел грандиозный переворот. По мере развития методологических направлений в современной науке возникло рефлексивное отношение к позиции самого ученого, онтологию стали понимать и обсуждать как якобы произвольно исследователем полагаемую, незаметно в культуре научного исследования произошел переворот: ученый стал пониматься не как абсолютно пассивная и якобы только наблюдающая сторона, но как явно самоопределяющийся центр в выборе предмета исследования. Слово «постулат» приобрело рабочий смысл и характер — постулаты задаются, полагаются самим ученым произвольно, они не понимаются более как некие

незыблемые свойства самой реальности! Это высокое и тяжело давшееся завоевание позволило школе С.П.Никанорова выработать «рабочее» отношение к акту полагания предметной области. На самом деле, речь идет лишь о контроле за позицией, ведь самоопределяется субъект не интеллектуально, а, как будет показано, этически, как участник Бытия: он вынужден позиционировать себя сразу во всем Бытии. И только из этого уже и возникает позиция исследовательская. Но почти всегда постулирование конкретной онтологии происходит в рамках онтологии объективно-научного метода, как якобы всеобщее употребительной. То есть постулирование происходит как конкретизации самой абстрактной онтологии. И до сих пор не осознается, что онтологии естественных наук (так называемая «объективная реальность») — это не «сама» реальность, а уже ее модель. Точнее, под словосочетанием «объективная реальность» скрывается идея Бытия. Но это не само по себе Бытие. «В себе и для себя сущая вещь» — это уже не в себе и для себя, ибо нечто и вещь-то «назначает» сам наблюдатель или воспринимающий Бытие исследователь. Мы и будем доказывать, что онтологическая картина «объективная реальность» была однажды постулирована, и будем показывать как конкретно это произошло: не явным интеллектуальным актом, а «само собой» под давлением обстоятельств жизни живого организма, у которого зарождалось мышление, — хотя и мыслью, но не сознательно и целенаправленно. Эту-то всеобщую онтологию со времени Канта не подвергают изучению — и так все «очевидно», чего уж тут изучать — ведь Иммануил Кант вроде бы и исчислил все невыводимые понятия (категории) или, в его терминах, априорное, доопытное знание!

Один только Несмелов осмелился усомниться в невыводимости понятия «объект». Его работа «Наука о человеке» и в особенности разделы «Объективная реальность» и «Субъективная действительность» составляют существенное и малоизвестное в сравнении, например, со знаменитыми «Критиками...» Иммануила Канта, общенаучное достижение. Различение объекта-представления и объекта-материи (в терминах Несмелова — объекта в подлинном смысле) является существеннейшим моментом для понимания излагаемого. Откуда берутся научные модели, конкретные модели Бытия? Их просто постулируют под формую онтологии или онтологических картин. Это принципиальный разворот в науке, фактически совершившийся, но еще не осознанный во всей его полноте: в рамках какой концептуальной модели мы говорим? Таким вопросом С. П. Никаноров прерывает хаотичный поток слов собеседника, требуя как бы «договориться» об общей схеме для высказываний. То есть все наше мышление модельно, и нет никакого такого «прямого мышления» о самих сущностях? Нет и невозможно вообще. Может быть, кто-то и увидит в этом философские банальности, просто старые идеи и азы философской грамотности, но мы развернем их в решительно новом понимании — как вопрос об отношениях мышления персоны и мышления общества как целого. И концептуализм Никанорова я определяю так, как никто его пока не определял — это правильный ответ на очень нелепое и по факту никем не обсуждаемое и неосознаваемое положение дел в отношениях мыслей персоны с мышлением общества как целого! Ведь концептуалисты — практики: они «сначала делают, а потом осознают, что у них получилось», а потому они вот так «приспособились» к этой скрытной проблеме и научились правильно ее решать и правильно поступать! Ибо они так научились компенсировать разрыв между персональным и социальным — четким и прямым договором о предмете или о всей

предметной области через уяснение той модели, в рамках которой предмет разговора как бы «обнаруживается», делается данным собеседникам и понимается ими одинаково! Особо подчеркнем, что концептуальная модель, хотя и выявляется в результате «договора» о ней между двумя (или несколькими) персонами, но, как правило, имеет надперсональный характер, она есть сугубо социальное явление, заложенное в языке, который есть Среда обитания мышления общества как целого, а не средство общения двух интеллектуалов.

Последнее замечание есть очень категорическое требование пересмотреть наше понимание сути общества, ибо нам приходится начинать (и такова реальность!) с преодоления фактически осуществляемого нашей социологией отрицания общества как такового и подмены его суммой персон, подмены толпой. Строго научное доказательство того, что «общество как целое» — это не просто удобная форма описания, а «реальнейшая реальность», по крайней мере, до такой степени реальная, что на ее фоне делается проблематичным реальность «самой» персоны, является одним из отдаленных итогов данной работы. Пока же примем это в качестве рабочей гипотезы, а рабочий образ того, как это «работает» уже изложен в описании опытов над обезьянами. Оно нелепое и как-то мало похоже на серьезную науку, но имеет целью как можно проще донести до читателя очень тяжеловесные идеи, зацепить их в мышлении читателя, опираясь хотя бы на какую-то наглядность. Изложенное проясняет наши претензии и позиционирует по отношению к философии и к науке. А главное, указывает, что нам как минимум необходимо установить правильное соотношение между персональным и социальным в мире мысли и удерживать его как историческое для того, чтобы, стала достижимой наша претензия персональным умом понять «устройство» того, в чем наше персональное мышление родилось и прошло свое развитие — если уж и говорить о «рефлексии», то об осознании персоной места мышления персоны вообще (точнее, человека исторически конкретного) в действительной истории развития интеллектуальной культуры как исторически целого, совсем вульгарно выражаясь, протяженного в историческую длительность аж к животной стае.

2.5. Отношение модельного замещения

Теперь мы можем объяснить, почему именно на языке модельного отношения мы намерены переизложить старую проблему познавательного отношения между объектом и субъектом, почему этим языком пользуется современная наука и что ее не устраивает в изложении проблемы познания на старом языке — через различение сущности и явления? С помощью категориальной пары «сущность — явление», конечно же, достигается различение самой, так сказать, «сути вещей» и того, что они нам являются в виде явлений. Собственно говоря, в этом и состояло ее первичное назначение, в ходе развития-разворачивания интеллекта она для того и возникла в философии! Но в ней субъект пребывает в беспомощном и пассивном положении совершенно стороннего наблюдателя: явление «само является» ему, а его дело — «совсем никакое», он вообще вынесен за скобки, его просто вообще нет! Для успокоения совести иногда рисуют глаз, направленный на объект, но ведь тем самым не только ничего не объясняют, а более того — такой «наглядной» схемой, на самом-то деле, вуалируют полное отрицание, полное изгнание из ситуации всего того, что

скрывается за зрачком глаза! Ведь и глаза-то нет: нарисованный «глаз» на якобы наглядной и якобы понятной всем картинке(!), на самом деле, собою манифестирует границу, которая «отрезает» субъекта и вообще изгоняет его из картинке якобы субъект-объектного отношения! Это говорят о субъект-объектном отношении, но рисуют объект и «глаз», и последний лишь для того, чтобы выразить только то, что объект «под наблюдением», но наблюдателя не трогать! Более того, объект и не должен знать о нем и о своем нахождении под наблюдением ничего — он должен вести себя «натурально», как бы являть себя таким, каков он есть «на самом деле», то есть быть «в себе и для себя сущей вещью». Но ведь это лишь беспомощное и, в действительности, невыполнимое и только пожелание ухватить объект в его «не потревоженной» исследованием жизни, но не более! И для наглядного выражения этого идеала многочисленным сочинителям беззубых «теорий познания» гораздо больше подошла бы иная картинка — субъект сквозь замочную скважину наблюдает за происходящим в комнате, а все в ней находящиеся «объекты» об этом не догадываются и ведут себя «натурально». Кант первый прямо и решительно попытался разрушить наивность этой схемы, ибо он же прямо поставил вопрос о (пассивном) влиянии на познавательное отношение субъекта, его «свойств» — через идею априорного (доопытного, до акта познавания) знания и попытался его исчислить. Нам же важно выставить на передний план активную роль субъекта в смысле Соловьева, который слегка по своему понял результаты Канта и вменил Канту собственный вывод — мы изучаем объекты, которые прежде того сами же своей же мыслью и построили! А это уже совсем иной оборот дела. Здесь совсем иной пафос и смысл! Если Кант искал ту «маленькую добавочку к истинному знанию», которую он именовал априорным знанием и надеялся, выявив ее в явном виде, вычестить из итога опыта и получить свойства объекта в их чистом и незамутненном субъективными пристрастиями виде (чем лишь высказал общее скрытое устремление всей объективной науки!), то у Соловьева заявлено иное, а Несмелов так и вообще начал это иное реализовывать, ибо заявил, что объект—это не «в себе и для себя сущая вещь», а умственная конструкция из показаний органов чувств! Несмелов фактически совершил рефлексивный шаг за человечество (начало первого шага), ибо заявил точную и правильную формулу того, как конкретно конструируется субъектом объект: объект есть итог совмещения в пространстве и времени показаний разных органов чувств! Именно Несмелов — действительный продолжатель «дела Канта» и вообще главный предшественник данной работы. Его идеи до сих пор не получили ни объяснения, ни продолжения, ни даже освоения: у психологов, правда, встречаются изредка ссылки на Несмелова, но по каким-то малозначительным и второстепенным вопросам, да и то не для того, чтобы развить его идеи, а для того, чтобы придать вес собственным поверхностным мыслям. Несмелов писал более века назад и тогда еще не было в научном обороте идеи модельного отношения, да и вообще, действительное развитие науки шло своим путем: современные ученые говорят не на языке априорного знания Канта или «форм мышления» Маркса, а на языке моделей: математическая модель чего-нибудь — это очень обычное дело, а главное — ученые трезво понимают, что они имеют дело с моделью, только с моделью! Математики (!) так и заявляют, что они свойства реальности изучают по свойствам (математическим?) моделей. Каждая конкретная наука имеет свою онтологическую картину, свою онтологию, проблематизируя ее, получает свой предмет исследования (терминология здесь не

устоявшаяся и иногда говорят во множественном числе, но мы для простоты будем употреблять единственное число). А к предмету исследования прилагают метод данной науки, прилагаются модели данной науки. Но что сегодня принято именовать онтологией? Описание! Но ведь описание — это уже модель Бытия, а не само Бытие! И поэтому нам «удобнее» вместо принятой в философии идеи о несводимости сущности к явлению использовать идею о модельном замещении Бытия — «само Бытие» (сущность) в мышлении представлено (явление) тем, что получается в результате применения модели Бытия к ситуации. Нам это потребуется для того, чтобы легче было удерживать различие (и саму «границу») между мыслью и предметом мысли, который обычно указывается описательно, то есть является описанием Бытия, а не Им самим! То есть входит в интеллектуальную культуру как ее часть, хотя считается, что мышление ему якобы и противостоит (его «познает»)! А на самом деле замещение Бытия Его суррогатом имеет место гораздо раньше и «глубже» — уже в самих актах восприятия, ибо мы сразу так и воспринимаем, а не иначе. Дело даже не в том, что самый способ восприятия Бытия есть нечто исторически сложившееся, но он есть нечто созданное и без него вообще никакое осмысленное, содержательное («информационно емкое») восприятие было бы невозможно, грубо говоря, вообще безо всякого способа восприятия мы вообще бы ничего не увидели, не услышали — не различили бы и не выделили бы ничего. Возможны были бы отдельные и не связанные между собой, а главное — безотносительные (неизвестно к кому или к чему относящиеся!) простые (далее не «упрощаемые», не членимые) показания органов чувств, такие например, как чувство холода, кислый вкус, определенный цвет и т.д. Но никакие такие объекты мы бы вообще не увидели! Иначе говоря, само развитие науки подправило идею об априорном, доопытном знании Канта до идеи модели, которую мы «приносим с собой» и прилагаем ее к Бытию. Это позволяет понять: чем же отличается подход автора от результатов Канта? Тем, что так называемые категории (или философские категории, что одно и то же) в неисторическом подходе Канта могли получить смысл только предельных отвлечений, наиболее абстрактных понятий, составляющих набор. В данной же работе категориям дано объяснение, изучено их происхождение и показано, что они «работают» все вместе и все сразу. И это наиболее важный результат: ведь живое существо не занимается философскими построениями в практике своей жизни, в его мыслях нет никаких таких отдельных категорий, но оно пользуется сразу цельной конструкцией из категорий — первой моделью Бытия и просто интерпретирует ее на реальные жизненные ситуации. Грубо говоря, прилагает модель к Бытию, «подставляя в модель конкретные значения». Так вот, когда мы говорим о моделях Бытия, то мы тем самым подчеркиваем активный характер человеческого познания — мысль и ее движение (в модели!) первоначально зародились для замещения движения материи в Бытии с целью прогноза и выбора активности, а не для отвлеченного «познания» как такового! Ведь если следовать наивному идеализму, то человечество должно было бы, прежде всего, породить идею Бытия, затем выяснить, что Бытие как сущность ему ну никак напрямую не дано, а лишь — в явлении, огорчиться этим и, как-то пережив огорчение и смирившись с таким положением, начать строить модели Бытия, конечно же, «адекватные». Но научный подход к истории идеи Бытия может быть только прямо обратным — люди сначала нечто назначили на роль бытийствующего (то есть стали с ним обращаться как с самостоятельно живущим), даже «слов» таких не имея! И лишь гораздо позже стали

его так и понимать — как бытийствующее. Что вводит его в фактический оборот интеллектуальной культуры. Ну а осознание как отдельной идеи еще более запаздывает: по историческим меркам — совсем недавно, трудами Гегеля бытие как идея оторвалась от чего-то конкретно бытийствующего — в виде «чистого бытия». И только в самое последнее время в фактический оборот вошла идея Бытия — в работах Мартина Хайдеггера и Жана Поля Сартра термин «Бытие» употребляется чуть ли не в каждом высказывании! Мы же совсем не будем как-то оценивать все то, что они содержательно постулировали, а только констатируем — вот это именно и означает, что идея Бытия введена человечеством в фактический оборот его интеллектуальной культуры. Мы именно это констатируем и для нас это результат, но мы не будем вести заочных дискуссий ни с Хайдеггером, ни с Сартром по поводу состава Бытия или способов бытия по схеме: неплохо бы в состав Бытия ввести (признать за бытийствующее!) вот то-то и то-то, а самый способ бытия — подправить вот так-то. Исповедуя исторический взгляд на интеллектуальную культуру, мы именно ее и будем воспринимать как данность, в ней будем искать то, что скрытно в ней уже присутствует, ибо в ее основаниях заложена первая модель Бытия, которая сложилась стихийно, сама собой и несет вполне определенный способ бытия! И с исторической точки зрения, модель — это не итог научного конструирования, а его основание и начало. Причем и выбора-то никакого у нашего предка не было, ибо мышление зародилось и развилось как «надстройка» над той двигательной активностью организма, которая развилась до всякого мышления. А «познание» — это лишь сторона «двигательной активности», которая никогда не была совсем хаотичной, а всегда стремилась к цели, потом к упреждающей точке, а потом для повышения своей эффективности стала использовать модели Бытия как психические Его заменители для мысленного просчета прогноза и действия — это уже высшая осмысленность и «упорядоченность» двигательной активности, даже переход на новый качественный уровень! И гораздо позже, «недавно», на языке «сущность-явление» люди выработали философскую культуру, состоящую в различении их. А идея Бытия выделяется в отдельную и входит в «массовый оборот» только теперь! Итак, использование модельного отношения для нас очень удобно, ибо в нем субъект—активная, деятельная сторона и деятельная по части создания своего интеллектуального вооружения: весь дальнейший текст будет направлен на объяснение и доказательство того, что до опыта мы уже имеем в высшей степени «предвзятое отношение» к Бытию, мы уже имеем его модели. И в познавательном отношении мы их как трафареты прилагаем к «самому Бытию». То, что Иммануил Кант считал всего лишь «добавкой» мы будем объяснять как полное «перевирание» сущности до ее модельной замены (и подмены!). Поэтому, описывая идею моделирования как модельного замещения Бытия, ударение или акцент сделаем на слове «замещение». В таком языке открытие автора состоит в том, что, фактически (а доказательство факта составляет содержание дальнейшего текста), онтологии естественных наук есть неконтролируемые, ибо неосознаваемые, конкретизации одной и той же первой модели Бытия, наивно полагаемой за само Бытие! Точнее, никто до сих пор не различает модель Бытия и «само» Бытие, а потому свойства, присущие модели и только модели незаметно переносятся на Бытие, вменяются Бытию в качестве якобы его собственных свойств! То, что персона не осознает используемую ею модель Бытия, как будет показано, и не удивительно—ведь, строго говоря, субъектом этой модели является сразу все

человечество как подлинный субъект экономической деятельности. И этот, тоже неожиданный, поворот дела будем доказывать — подчеркнем еще раз: из животной жизни ушла стая, а не персона. Стая, трансформировавшаяся в нынешнее человечество и «еще не завершившая» свое развитие. А потому судить о ее «назначении» по нынешнему убогому состоянию человечества некорректно. Кратко говоря, что такое «субъект—объектное отношение», каковы его смысл и «состав» до сих пор вообще не вскрыто, ибо, как будет показано, оно — довольно сложное и по истории, и по «устройству» отношение! Вот и для этого тоже — для удержания различия субъектов мышления нам тоже «удобнее» и естественнее использовать отношение Бытия и модели Бытия.

А все потому, что, как было показано, в отношении модельного замещения как бы в свернутом виде хранится «информация» о действительном устройстве и составе субъект-объектного отношения, реализовавшегося в действительной истории. А суть этой «свертки» такова, что мы можем воспользоваться давней придумкой философов под названием «человек исторический» — упрощенно выражаясь, неким условным персонажем истории со свойствами индивида-персоны и с историей человечества. Онтогенез мышления персоны, конечно же, не повторяет и не может повторять филогенез. Но изложенное во всем данном разделе соотношение персонального и социального в сфере мышления и его «продуктов» позволяет догадаться, что все описанное Несмеловым под формою онтогенеза таковым вообще не является и всецело относится к филогенезу! Это позволяет нам вменить конструирование мира «объективная реальность» человеку историческому, с той лишь оговоркой, что мы помним о всей «динамике» отношений персонального и социального аспектов в единой, пока синкретично-срощенной интеллектуальной культуре человечества как исторического целого, о «динамике» лишь заявленной в данном разделе, но, конечно же совершенно еще не изученной. Еще раз подчеркнем, что отношение в мире мысли не следует путать с совершенно иным отношением между волями: диалектика всеобщего-особенного относится только к волям! Итак, мы вернули мысль в полноту жизни персоны, а персону — в общество как целое, строже и скромнее выражаясь, подготовили выразительные возможности для того, чтобы описать самое главное — историю возникновения первой модели Бытия.

Раздел 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОЙ МОДЕЛИ БЫТИЯ

Пусть в общих чертах, но нам неизбежно придется что-то сказать о психическом устройстве живых существ, еще не выработавших восприятие Бытия через его модельное замещение: что-то сказать о слитной психической жизни, то есть о «реагировании», совсем еще не опосредованном мысленными конструкциями, которым придан статус самостоятельного бытия. Напомним, что установившуюся традицию объяснять психику пассивным «реагированием», будем исправлять, «дополняя» до активности.

3.1. Схема психической жизни без модели бытия

Раз мы вознамерились восстановить историю интеллекта, то нам не избежать вопроса о том, как же увязать в единой концептуальной схеме две наивные схемки — животное с его инстинктами и человек с его разумом, стоящие перед внешней средой. Нам нужно не просто выстроить всю цепочку усложнений в психике, но и особо выделить момент перехода от мышления животных к специфически человеческому способу восприятия Бытия. Дело в том, что схема «человек со знаниями» не просто убогая, а вообще ничего для нас существенного выразить не может. Нам до «знания» уже нужна интегральная характеристика возможностей духа в его формировании воли. Как уже указывалось, таким «сквозным» психическим феноменом является «понимание».

3.1.1. Памятливость как основа активности и акта опознания

Первоначальное понимание бытия — это не человеческое понимание на основе «знаний», а эдакий синкретичный сrostок чувств — «чувство жизни», из которого позднее отдифференцируются ощущение (как нейтральное в болевом отношении чувство) и эмоция как сугубо внутреннее и длящееся — как эмоциональная память или память об эмоциях, «память эмоций» о боли или «чувстве удовлетворенного голода», например. Что такое память? Иначе говоря, какая минимальная выразительная схема нужна для выражения идеи памяти? Во-первых, память — это память о чем-то. Обычно говорят о приятном и неприятном. Но такая просто память лишена всякого практически понимаемого смысла — сохранение внутренней психической Среды после того, как уже нет вызвавшего его воздействия извне (материальных причин). А потому указанное Несмеловым первичное стремление к устранению неприятных и задержанию приятных (содержательно — это два разных по сути стремления?) в качестве механизма развития психики, — малопригодно: это есть модель автомата, реагирующего только!? Но ведь возможен и поиск и это уже модель психической активности, поиск частично слепой, но частично опирающийся на опыт. Даже чисто «гедонистическое» отношение возможно только после осознания возможности действием менять по произволу свое состояние, после осознания связи «действие-чувствование». Коренной основой психики, еетак сказать «собственным свойством» является вовсе не мысль, а памятливость, действие же психики — разборчивость в памяти. Это утверждение, несмотря на его непривычность, находится в согласии с тенденциями в современной психологии — объяснять память как «сквозной психический феномен». Точнее, память еще только предстоит объяснить как перевернутый (утраченный и неполно восстановленный) первофеномен — памятливость — вот он-то и есть базовое свойство психики. Мышление, конечно же, вторично и от памятливости нами отделяется весьма неестественно и условно — ведь мышление без памятливости как базового или фонового свойства психики невозможно: мысль есть связь, а связывать можно только продолжающееся «длиться», запомненное. Более того, даже когда говорят о «текущем», то ведь и оно должно длиться в смысле Анри Бергсона, ведь иначе с ним невозможно работать! Ну а мысль сама по себе, грубо выражаясь, и вовсе не нужна. А нужно итоговое понимание,

возникающее в результате связывания мыслью. Мышление не только невозможно без памяти, но всегда работает в связке с ней, как, впрочем, и рефлекс и инстинкт. Ведь идеи рефлекса и инстинкта неявно опираются на простенькую схему: вновь возникающим жизненным ситуациям психика подбирает ситуации-близнецы в прошлом и реакция организма на памяти о них и основана. Но если исходить из чисто интеллектуальной идеи об уникальности и неповторимости каждой новой ситуации (строго говоря, это действительно так и есть!), то тогда нет никакой возможности ситуацию как-то квалифицировать через имеющийся жизненный опыт, а он — конечен, ибо жизнь конечна и для персоны и для рода. Тогда вновь возникшая ситуация является (по формально, то есть логически и математически понятому принципу) каждый раз новой и тогда нет никакого толку от психики и нет смысла «дергать лапками», ибо все будет невпопад, безо всякой надежды улучшить свое положение в Бытии за счет активного, от психики идущего, в Него вмешательства! Эти рассуждения нужны нам, чтобы догадаться и обосновать догадку — в каком отношении находятся операции различения и отождествления в действительной работе психики? В логике и в математике фигурируют две различные операции — различение и отождествление (как «насильное» объединение разного). Но в работе психики как психики иной подход — первым и первичным является не сами различение и отождествление понимаемые как отдельные логические или математические операции, а их синкретичный сросток — раскладывание показаний органов чувств по группам как итог эдакой «недоразличенности» на уровне различительных возможностей органов чувств. Неразличенность как дискретность показаний органов чувств на уровне физики есть со стороны узко психической акт отождествления — ибо разное (точнее, разное в изошренном и инструментально вооруженном физическом измерении) воспринимается как одно и то же (на психическом «конце» восприятия). И это как раз нормально и норма психической жизни! Потому что функция психики — накопление и эффективное использование жизненного опыта. Ведь никакой опыт был бы невозможен, если бы не было повторения ситуаций, а каждый момент жизни нами воспринимался бы как не имеющий никаких аналогий с прошлым опытом. Потому сама дискретность (и довольно грубая!) всех наших воспринимающих органов — не случайность, и не дефект, а очень даже выверенный расчет нашей природы — можно даже предположить, что по критерию эффективности выживания к физике органов восприятия идет обратное «управление» — косвенно это подтверждается тем, что наряду с разнообразием возможностей органов чувств у разных видов животных («от слепого крота до зоркого орла»), у конкретного организма есть ведь еще и возможность «перенастройки», которая заключается в том, что, например, глаз переносит целиком всю свою «шкалу», перенастраиваясь под разные освещенности. Итак, строго говоря, отождествление как полное совпадение возможно только как узко психический эффект, ибо в мире физики «найти десять отличий» не представляет труда (одинаковость элементарных частиц пока оставим в стороне — нас интересуют вполне «макро»-частицы, объекты первичной деятельности). Этот результат позволяет нам сделать правильный вывод из старейшего и уже давно «выработанного» раздела психологии — биофизики. В биофизике давно и основательно изучены различительные возможности органов чувств. Оказалось, что организм наш в этом отношении весьма примитивен, так сказать, дискретная машина. А это означает, что акт узнавания или идентификации описанным выше актом

«недоразличенности» — столь же древний и столь же сквозной, как и сама памятьливость. В интересах дальнейших рассуждений, этот акт опознания всей жизненной ситуации будем именовать опознанием цели по ее признаку.

3.1.2. Расхождение ощущения и эмоции

Как упреждение «по аналогии», как опознание по схожести — вот в чем идея рефлекса: в связывании ощущений не по положению в потоке ощущений, а по памяти о прошлых связях. И этот начальный принцип развития психической жизни правильно указан у Несмелова, вот только мы откажемся от надуманных и наивных манипуляций с различением и отождествлением (свойственных всем идеалистам в силу их подхода), а будем опираться прямо на описанный акт «недоразличения» как пограничный между физическим и психическим мирами. Идея рефлекса, на самом деле, уже подразумевает для своего выражения разделенность вначале синкретичного и слитного «чувства» на эмоцию как внутренне понимаемую боль и нейтральное в болевом отношении ощущение как чисто информационное «чувство». И то, что животное по показаниям одного из органов чувств опознало опасность, означает лишь, что нейтральное в болевом отношении ощущение связано памятью с чувством боли как внутренним, психическим феноменом — боль ведь мы понимаем как свое состояние и от себя не отделяем даже интеллектуально, хотя источник боли понимается (потом, позже, в развитом состоянии психики) как внешний. В итоге, нейтральное в болевом отношении показание одного из органов чувств «вызывает неприятное чувство», эмоцию-память. Мысль связывает их в понимание, которое не только разрешается «волевым» актом убегания, но, что очень существенно, накапливает опыт — ведь связь теперь «в памяти хранится». А если опасность (грубо говоря один и тот же хищник) может быть опознана по показаниям нескольких органов чувств? Вопрос: как их комбинировать, то есть, как реагировать на них? Вариантов два — либо реагировать хотя бы на один признак, либо реагировать только в том случае, когда одновременно имеют место показания нескольких органов чувств (в пределе — по крайней мере, двух). Увидев в кустах что-то желтое и пушистое, нужно ли ждать других признаков (зубастый, клыкастый) или лучше бежать на основе одного признака (любого одного!)? Ответ очевиден, если учесть, что съесть тебя могут только один раз и на «следующий уровень сложности игры» в действительных джунглях тебе уже не подняться. Потому, на всякий случай, лучше не испытывать судьбу и убежать по первому же признаку! Очевидно: организм на опасность реагирует всякий раз по показаниям хотя бы одного из органов чувств. Сам этот «выбор» одной и той же реакции по одному из нескольких признаков и есть «практическая сторона», обратная сторона конструктивного действия в мире мышления — «мысленное совмещение в пространстве и времени показаний разных органов чувств». Такая тактика поведения животного (в мире «физики») со стороны психической и означает, что мысль уже совместила в одной точке пространства показания разных органов чувств через одинаковую на них реакцию, то есть уже сконструировала подлинный зачаток будущего объекта — праобъект, мысль сконструировала его методом «склейки». И мы почти объяснили догадку Несмелова. Но почему это — еще не тот объект, о котором говорит Несмелов, а всего лишь праобъект, в чем его «неполнота», чего ему не хватает до объекта-представления? У праобъекта — несвойства, а признаки опознания,

которые просто «запускают программу» перехвата, например. И связаны они между собой не напрямую, а пока через одинаковую реакцию: больше никакого смысла признак опознания не несет! В этом его коренное отличие от свойства, которое якобы присущесамому объекту. И для прямого увязывания признаков в единство объекта не хватает самого главного — идеи бытия, но не как отвлеченной идеи, а как конкретной и практической (в действии!) «гипотезы» о самостоятельном бытии объекта. Для того чтобы праобъект (как цель с признаками опознания) превратился в объект-представление потребуются фундаментальная перестройка всей психической жизни. И нам требуется в деталях, во всех подробностях описать переход от психики животного, в которой нет деления и нет модели Бытия, к психике, устроенной уже сугубо по-человечески.

3.1.3. Цель как праобъект

Праобъект фактически порождается мысленным совмещением еще в жизни-поведении животного, но оно не выносит его вовне, не полагает его самосущим (независимо от себя!), это праобъект. Хотя содержательно, вроде бы, все уже и подготовлено, но принципиальный момент в том и состоит, что животное еще не выдвинуло гипотезу, что за праобъектом скрывается объект материя—как отдельное и самостоятельное бытие(как будущая «в себе и для себя сущая вещь» философов). Хотя и человеку об объекте-материи ничего, сверх представления не известно, но принципиально важно, что он относится к нему как независимо бытийствующему, без «исследователя» и до него. Хотя в мире животного уже есть эти конструкции — праобъекты, но психика не отделила себя от продуктов своего мышления, она в них и ими всецело живет, она их не поставила перед своим мысленным взором, то есть не превратила в представление, ибо еще не придала им статуса собственного и изолированного от себя бытия — не представила. Животное привязано к ситуации и в ней живет — здесь и теперь. Его мысль, его психика не может оторваться от «текущих задач» и, «посмотрев на себя со стороны», сделать хоть какой-то вывод о своем положении в Бытии. Животное «вмазано» в Бытие и не может к нему отнести внешним образом. И дело не в том, что ситуация всецело захватывает внимание и всю психическую жизнь, а в том, что даже во время возможного состояния «созерцания» животное себя не позиционирует по отношению к внешнему ему бытию. Только у людей-персон как представителей и носителей интеллектуальной культуры всего человечества появилась такая возможность и основана она на наличии первой модели Бытия. В самом примитивном, но живом существе, в котором не теще ни идей, ни понятий, дух понимает не внешнюю материю, а сразу пару — механическое и силовое отношение его тела-манипулятора с окружающей материей и весь веер ощущений в теле как силовых, так и болевых и осязательных. Все это неплохо описано в экспериментальной психологии на ее языке перцептивно-сенсорного восприятия и реагирования—это язык кинестетики, экстерно- и интериорности (например, в работах Л.М.Велера), но привлекать этот язык не будем, чтобы не путать читателя терминологией, да и надобности пока в том нет—в построениях психологов нет(не хватает!) ключевой идеи—идеи развития психики через акт порождения первой модели Бытия. Поэтому дело не столько в том, что описание на языке отношений между волей-телом и телом-чувствищем проще, сколько в том, что оно выразительнее, ибо

позволяет напрямую описать отношения между духом, вселенным в телесность, «вплавленным» в нее и ею напрямую владеющим (физическими движениями и силовыми действиями), и материей. И таких отношений два и оба несимметричные. Они образуют круг или цикл взаимодействия. А первичная рефлексия духом себя как жизни состоит в его отношении к этой конструкции из двух отношений. То есть живое существо изначально способно «понимать» свое бытие как что? На какую роль себя назначает воля? На абсолютную, на божественную! В том смысле, что она как бы одна во всем Бытии и ни с какими волями вообще не считается, материя для нее и есть материя, материал для ее активности и ничего более. Особо подчеркнем, что живое существо как чистых дух — это содержательно пустое и ничего в том нет, но отношение духа к материи в воле-теле и обратное чувство в теле-чувствилище в паре и создают то первичное чувство жизни, которое присуще уже не чистому духу, а духу, вселенному в тело, сразу целому живому существу, в котором «переходники» не просто составляют существеннейшую его же часть, но в начале развития в них же и «зависает» все богатство жизни как жизневосприятия! Дух стоит над ними как связующее звено и он мог бы себе (и другим) сказать: «Я волю это и я свободен в своем волепроявлении, и я не отказываюсь от всей этой свободы!». Но он, конечно же, не знает пределов своего понимания и вообще не знает, что у него есть пределы, он наивен в своей всеисильности. И это сохраняется так и до человека — он ведь тоже с этого начинает и лишь недавно начал ставить вопрос о своей скрытной (от него самого) стесненности априорным знанием, как это думал Кант, или историей развития, как заявлено в данной работе.

Еще раз подчеркнем, что само живое существо понимает сразу одно отношение между указанными переходами, а не как два разных отношения как отдельных. Ведь живое существо стремится к благу, которое на этом самом низшем уровне развития пониматься может только одним и простейшим способом — как вектор «от неприятного — к приятному». Подчеркнем, что благо на этом этапе развития психики не есть список четких, определенных требований «старухи с разбитым корытом», а есть хотя и определенное, конкретное содержательное стремление, но содержание его определяется сразу на языке отношений со средой через пару «воля-тело», «тело-чувствилище», а потому, хотя «рыба ищет: где глубже», но она, конечно же, не может того, что может даже малый ребенок — предъявить список вещей, которые ему ну до зарезу нужны! И хотя высшие животные уже имеют сложный мир дифференцированных эмоций и ощущений, связанных перекрестными отношениями в праобъекты, но это мы так за них знаем, а животное просто «этим живет» и «в этом живет», не деля на внутреннее и внешнее.

3.1.4. Место первого мышления

Уже на языке рефлексов выражима функция психики, взятой узко, — выработка управляющего (волей-телом!) «сигнала»: на основе памяти идентифицируется, понимается ситуация и следует ответ-рефлекс (но только неавтоматический, а как уже указывалось, нужно как-то выразить активность, частично «разумную»). Мышление же зародилось как новое измерение в этом активном реагировании — появилось временное измерение в явном виде! За счет памяти отношение во времени эксплуатируется по схеме — отношение между прошлым и настоящим такое же, как

между настоящим и будущим, то есть неизменно, то есть это «закон природы». В зримых картинках — это движение по инерции. В расхожем утверждении о том, что «мышление родилось из движения», заключена подсказка — мысль, конечно же, не в буквальном смысле зародилась из движения, а как мысленное продвижение ситуации. Вот только обычно при этом ошибочно подразумевается, что речь идет о продвижении наглядной картинке по закону инерции. Но именно, это-то перенесение на мир животного наших понятий о трехмерном мире недопустимо!

То, что «мышление родилось из движения» — почти правильная формулировка, нуждающаяся в совсем маленькой поправке—мышление родилось в активном двигательном освоении Бытия живым существом. Когда животное тянется к цели, удаленной в пространстве, оно должно его видеть и тем самым опознать («воспринимать») его налицо данным—вот оно. На время движения животное как бы психически выпадает из всего остального бытия, ибо и его внимание, и вся психическая жизнь — уже там, у цели! Но если цель подвижна, то поэкспериментировав с выбором точки упреждения (мы не должны забывать и об активной стороне отношений животного и цели—животное не только видит, но и активно и произвольно в выборе траектории перехвата) активно и целеустремленно, животное находит правильное решение, связывает точку упреждения с текущим взаимным положением и на языке воли-тела прямо понимает эту точку упреждения «отсебя» и как центра движения и от себя как «понимателя» движения. То есть двигательная активность животного научает его мыслить, более того, персонально мышление есть не что иное, как набор экспериментально выявленных точек упреждения. Вульгарно выражаясь, мысль есть не что иное, как связь пар точек, добытая в эксперименте «догону-не догону», «перепрыгну-не перепрыгну» между чувством силы в мышцах, в воле-теле и тем расстоянием, о котором ему сообщает тело-чувствилище. Но, несмотря на простоту, это все же именно мысленная конструкция, первое мышление. Оно непосредственно в том смысле, что и «задача» и результаты — «там», в зрительном поле. В психологии это называют наглядным мышлением, но только нельзя забывать, что речь идет о привязке мысли к зрительному (шире—всех органов чувств) полю восприятия животного, в котором нет ничего, кроме признаков опознания или идентификации. Все это сохранено и у взрослого человека — подойдя к ручью, он «напрямую» (то есть минуя физическую картину и расчеты по формулам механики полета) знает — перепрыгнет ли он ручей или нет, и знает — в какую точку на том берегу ему следует целиться в своем полете. Мысль «ввела параметр» в условный рефлекс, а именно: в реакции ее силу или момент реакции мысль стала рассчитывать в зависимости от параметра в ситуации, ситуация стала квалифицироваться не только угадыванием, но еще и расчетом упреждающей точки траектории. Поведение высших животных сконструировано из инстинктивно-двигательных реакций (а больше не из чего!), но не «на автомате», а через дискретно-количественный выбор параметра в мире относительных положений своего тела и цели (естественным центром мира и началом координат является свое тело, понимаемое «изнутри»—как воля-тело). Своего рода «разовый рефлекс» или рефлекс с параметром, каждый раз мыслью определяемым заново. Но и опять же: этот параметр оказывается дискретен. Насколько—выбирается из того итогового эффекта, который получается в конце применения и рефлекса, и мысли, на нем надстроившей свой расчет. Без дискретности ни накопление, ни

использование опыта невозможно. Эти выводы навязывают нам, наследникам и носителям новоевропейской культуры ее идеями о непрерывной функции и предельном переходе, гипотезу, что первой и естественной математикой для человечества была дискретная математика! Наша новоевропейская культура насквозь пронизана идеей непрерывности всего и вся. И в психологии, по мере проникновения в нее чуждых моделей из теории автоматики и автоматического управления (с их непрерывными и даже дифференцируемыми функциями!) укоренилось ложное мнение о непрерывности и восприятия, и мышления! Но это решительно не так, как в автоматике, где по («бесконечно» точно выверенному) параметру выбирается по функции его абсолютно точное соответствие в реакции (ибо именно потребность в том, чтобы мы могли оперировать первыми и вторыми производными в наших уравнениях оптимального выбора ответа требует от нас таких вот непрерывных соответствий между входом и выходом, требует ограничиться только дифференцируемыми функциями). Но в живом главный закон — накопление родового и персонального опыта, а он для своей реализации требует иного принципа — уже в самом нашем восприятии ситуации как ее квалификации должна «сидеть» проквантованность, причем не произвольная, а наиболее эффективная! Проквантованность по времени тоже диктуется внешними обстоятельствами — тем, как часто приходится переключаться от фонового обследования всего окружающего пространства к реагированию на одну движущуюся цель-точку. И исследование этого соотношения имеет почти заверченный вид в работах В. П. Зинченко с коллегами. «Включающийся» страх и «сосредотачивает внимание», «переключает мысль» на совершенно иное — на выбор оптимальной траектории. «Включается программа с параметрами» в воле-теле по параметрам в теле-чувствилище. Эта сильно упрощенная схемка потребовалась нам для того, чтобы подчеркнуть включенность и вовлеченность мысли в работу психики, что и задает действительные обстоятельства ее развития!

3.1.5. Отсутствие идеи времени

Упрощенно говоря, польза от рефлекса — это реагирование на опасность не по прямым, и смертельно опасным для жизни показаниям органов чувств (когда убежать уже поздно), а по косвенным. Ведь это дает фактическое упреждение во времени реагирования, запас времени, временную фору. За счет признаков опасного «праобъекта». Ведь памятьливость дает связь двух ощущений: первое — нейтральное в болевом отношении, а второе — болевое, иначе говоря, первое несет «информацию» о внешнем мире, второе — о вызываемых внешним миром внутренних состояниях. Потому и запоминать-то требуется связь показаний органов чувств (показаний как различимого, но в болевом отношении нейтрального) с теми неприятными или приятными ощущениями (эмоциями), которые однажды были испытаны. Это причинно-следственная связь — «если первое — то второе». Но это только логическая цепочка. А причем тут время? Только в том, что неявно предполагается неизменность этой связи во времени — вновь столкнувшись с показанием органов чувств организм ожидает тех же болевых ощущений. В мире животного нет идеи времени в этом (нашем) смысле слова — оно живет в вечно длящемся «настоящем» (но и это мы так за него понимаем — для него нет тройственной идеи прошлое-настоящее-будущее). И имеет место связь логически предшествующего с логически последующим. Но почему

именно только о логической связи идет речь, а не о временной: ведь мы-то знаем, что нужно именно предсказывать, иначе от памяти нет толку — поздно обнаруживать опасность после того, как она актуальна? При освоении и запоминании требуется только связь, но не предшествование! А вот сработать прогноз может только при упреждающем появлении показаний органов чувств и вызывании памяти об эмоции! Самый простой пример — увидеть на расстоянии то или того, кто опасен вблизи. Мышление — это всегда «воспоминание о будущем»? По крайней мере, речь идет о мысленном продвижении во времени по схеме, вынесенной из прошлого. Но было бы грубой ошибкой вменять животному идею причинно-следственной связи («событий во времени!»), здесь «склейка» и ничего более, идеи бытия во времени здесь нет. Ни идеи времени, ни ее праидеи — идеи порядка следования у животного нет! Само использования мышления по факту есть эксплуатация фактической разнесенности во времени, но это мы так знаем и понимаем, «поздним умом» или «задним умом», а не само животное! Животное живет в вечно длящемся «настоящем». Точнее, у него просто нет ни идеи настоящего, ни идеи прошлого, ни идеи будущего. Мы же фактически имея идею временной последовательности (не обязательно — осознавая ее!) можем рассуждать и объяснять, что животное, «на самом деле», предвидит будущее и действует с упреждением, с поправкой на им фактически предвидимое, но еще не наступившее состояние. Но само животное понимает и мыслит в «зрительном поле» — здесь и теперь. И эта жизнь в «вечно длящемся настоящем» для животного сохраняется даже тогда, когда оно начинает прямо «предвидеть будущее» — мысленно продвигать точку упреждения. Но одно дело — работать так по факту, и совсем иное дело — понимать как идею будущего. Подчеркнем еще раз, что идеи «движения времени» в нашем смысле, в смысле физического времени — когда точка под названием «настоящее» ползет по линии, тянущейся из одной бесконечности в другую и тащит с собой границу (нулевой толщины) между прошлым и будущим — это не просто сугубо человеческое, но и, к тому же — самое последнее понимание. Но понимать мы пытаемся именно через привычное и «понятное» нам время физическое! И попадаем под магию слов — говоря «психическое время», мы уже тем самым ставим его рядом со временем физическим (а как же иначе!) и ищем то маленькое отличие, которое связано со словом «психический». Но в том-то и дело (и дальше мы именно это и будем разъяснять!), что время психическое — это нечто решительное иное! Ведь в отличие от отвлеченного и сконструированного физического времени, работающего в паре с другим конструктом — трехмерным пространством, «дление» есть нечто комбинированное и работающее «за двоих» уже в самом восприятии нами Бытия. В современной психологии внятно выявлен эффект симультантности — доказано многочисленными опытами, что наше восприятие как бы разрушает физический порядок: в нашем восприятии продолжает длиться то, что с физической точки зрения уже ушло со сцены! Мы мыслью совмещаем во времени и пространстве показания органов чувств — конструируем объекты в самом прямом смысле слова, так как описано у Несмелова. Но, как выяснилось, в нашем домодельном восприятии мы позволяем материалу для этих конструкций «немножко пожить»! То, что по понятиям модельного восприятия вырвано из физического времени, наша психика как бы раскладывает одно наряду с другим! Мы объясним, что этот парадокс в психологии — совсем не парадокс, а норма, и он есть указание на то, что физическое время и время психическое не только напрямую не переводимы одно на другое, а они вообще нечто

решительно разное! И так, животное действует во времени, но идеи времени не имеет! И хотя оно фактическим действием во времени подготовило материал для идеи времени, но идеи отдельного от себя бытия еще не сформировало и ему не к чему физическое время «прилепить»! «Время собственное», длительность дана непосредственно, дана как способ и «факт» бытия, а потому не может быть дана как умственная (то есть мыслью опосредованная, мыслью от самого собственного бытия отделенная) идея. Коррекция воли возможна только для человека, ведь для него есть операции деятельности, то есть действия по реализации проекта деятельности, создание только еще мыслимого. Животное же живет в вечном настоящем, но для нас, делящих все и вся на прошлое, настоящее и будущее, это означает, что оно все понимает как сиюминутное, оно не имеет еще идеи о том, что воспринимаемое им как-то живет во времени.

3.2. Содержание перехода от животного понимания к миру объектов

Мы должны объяснить — как вообще возможно проектное мышление? Какие в психике животного должны произойти минимально потребные изменения, чтобы проект был вообразим и выразим (не одно и то же ли это?). Представление позволяет «поставить перед собой» то, что считается налично данным в ощущениях, вообразить (вообразить) нечто, полагаемое за наличное. А как вообразить потребное? Уточним: потребное в чем? В деятельности. Как разрыв между потребной деятельностью над объектами и наличным арсеналом орудий труда. Как мысленно вообразить в своих руках дубинку, которая решает проблему, но которой еще нет? Она дана как вот этот разрыв! Такая идея, такое понимание логики развития интеллекта представляется единственно логичным, но вопрос не проработан пока в деталях. А ведь изготовление орудий, коррекция действий-операций и проектное мышление — это, если не одно и то же, но уж во всяком случае связанные шаги развития.

Для проектного мышления необходимо перейти от праобъектов к объектам, то есть вменить им бытие самим по себе: относиться к ним, понимать их как нечто перед тобой стоящее. «Философия делает круг» — вот ключевое утверждение Г. Гегеля о том, как на его взгляд развивается интеллектуальная сфера. Но ведь это только в голове Гегеля мысль впервые «закружилась». А действительное развитие интеллектуальной культуры в фактической истории происходило и происходит совершенно иначе — «подгонка мыслей под эксперимент и друг к другу» — вот сермяжная правда о развитии ухваченная физиком Эрнстом Махом, которого «за это» (!) записывают в философы. От себя добавим — и подгонка-то эта осуществляется в языке и по правилам языка — так, чтобы было понятно всем другим. То есть, мы не просто говорим, но и мыслим в языке. Совсем грубо говоря, подгоняем свою мысль еще и под мышление общества как целого! Вот все эти подправки или «перевороты» нам придется сложить (перемножить?) для того, чтобы получить правильное, историческое объяснение развития интеллектуальной культуры. И только вскрыв ее фактическую историю, нам удастся выявить и ее действительное «устройство». Иначе говоря, к моменту деления на объективную реальность и субъективную действительность (по Несмелову), а точнее, к моменту выделения из слитной психической жизни мысленной конструкции, которую мы потом (всю оставшуюся жизнь

наивного натуралиста) будем понимать как внешний мир «объективная реальность», все необходимые интеллектуальные наработки должны быть уже в наличии, то есть мы обязаны суметь объяснить их как необходимые шаги всего предшествующего развития, как то, «без чего нельзя жить» животному. А потом точно указать тот шаг или акт перехода, который и полагает решительно новую ситуацию.

3.2.1. Интуиция пространства

Можно говорить об «интуиции пространства», об априорности этого знания или о непосредственной данности нам идеи пространства за счет телесного нашего в нем движения. Но это лишь убаюкивание и уклонение от объяснения. Шаги конструирования должны быть обоснованы как минимально необходимые и конкретно описаны как «тождественные преобразования» сущностей, а потому и речь следует вести именно об активном формировании этой идеи живым существом как итога его активного же двигательного-осознательного (и силового!) освоения-изучения своего телесно-механического положения в Бытии. Этот именно опыт и используется потом в акте формирования первой модели Бытия. У животного только одна система координат—оно действует от своей плоти (как той печки, от которой «танцует»), а потому и понимает на языке «живого знания»—«дотянусь-не дотянусь, перепрыгну—не перепрыгну» оно знает напрямую, «мышцами», точнее двойной и встречной иннервированностью тела, которая делает его плотью, то есть телом, в котором как бы распределен и «растворен» дух, воля, психика, точнее, наоборот: психика напрямую владеет телесностью и делает ее чем-то принципиально более высоким и сложным—плотью, живой плотью. Животное «знает», понимает плотью, иногда говорят, что оно «мыслит» «телесностью»! Во-первых, не телесностью, а плотью, живой телесностью, а во-вторых, использование термина «мышление» не вполне корректно, ибо мысль как конструктивное действие в психике есть связывание и дело не в том, что оно происходит «где-то в централизованной части» и не в том, что оно как бы в «единственном числе», а именно в том, что мысль сводит воедино «поля психических сигналов» и реакций на них, в этом его суть и отличие мышления от интегрального феномена — понимания плотью. У человека в отличие от животного уже как бы две системы координат: наряду с унаследованным полностью от животного прошлого прямым владением плотью, он мыслит в так хорошо знакомой нам трехмерной системе координат с произвольно выбираемым центром и направлениями ортов. И вот их-то ему и приходится согласовывать! Точнее, действия-манипуляции объектами внешнего мира он вынужден переводить на язык прямого владения плотью — «развитие тонкой моторики» у детей вот это самое и есть. Наряду с прекрасно описанным физикой, геометрией и прочими естественными науками движениями материи в трехмерном пространстве у каждого из нас есть для разума довольно темный, не имеющий пока не только точного описания, но и вообще не очень-то жалуемый вниманием, вообще нами игнорируемый мир «автоматизмов» или отработанных движений, о которых мы не думаем и которыми на каждом шагу пользуемся, не задумываясь о том, какое это чудо, как сложны порой эти «автоматизмы»: ходьба, речь, целеустремленные движения. И дело вовсе не в простой геометрической задаче соотнесения двух систем координат, а в том, что они вообще по разному устроены — в исторически и логически первой системе

ориентирования-действия в Бытии вообще нет времени физического, а есть прямое и психологическое его переживание — «терпеть», пока тянешься к цели в пространстве. Точнее и пространства в нашем понимании тоже нет, а есть ширина и высота («картинки», сказал бы человек), еще глубина картины, но она воспринимается совсем не геометрически, а на языке глубинного психического «фонового» феномена — длительности в том смысле этого термина, который придал ему Анри Бергсон. Это первофеномен времени: как прямое и простое, не опосредованное мыслью и ее продуктами чувство или ощущение исторического дления, самой ткани исторического движения «изнутри психики». Итак, у животного нет идеи физического времени, как того, что объективно и без него «живет», независимо от него отсчитывается всеми часами, но у него есть прямое и ничем не опосредованное переживание исторической длительности — «время» психическое или длительность по Бергсону. Если смотреть на пространство так, как мы привыкли — как физическое и трехмерное, то «от него» есть только две «координаты» — высота и ширина (есть в зрительном поле, но они не являются протяжением-длиной, а используются только для различения «цели на фоне»!), а третье измерение — глубина — осваивается и осознается животным через его психическое время, ведь глубину оно может промерить длительностью движения до каждой точки двумерной поверхности, лежащей перед его взором. Психологи такое восприятие называют эгоцентричным. Конечно же, это—эгоцентризм не в философском и этическом смысле, а в «геометрическом» и «топологическом». Ну а выражается он в «неразвитости» восприятия (с нашей точки зрения!), точнее, в совершенно ином восприятии — центр привязан к телу персоны, а условный вид (с нашей, развитой уже точки зрения) «системы координат» — необычен: ведь куда повернут взор (и куда стремится живое существо), туда же и направлена единственная «координата» — радиус-вектор, направление на цель. Потому указанные условные ширина и высота (в зрительном поле) поворачиваются вместе с этим радиусом-вектором («сферической» системы координат), оставаясь в перпендикулярной ему плоскости. Подчеркнем, что это мы так видим из нашего нынешнего и имеющего выразительные возможности понимания. Но для самого животного — радиус-вектор — это не геометрия только, а сразу цельное движение, динамика, стремление. «Вперед» и «в будущее» еще не различимы.

3.2.2. Синкретичный сросток «протяженность-время»

Человек преодолел эту наивность восприятия и достроил из ума, в результате у него получилось второе восприятие — трехмерное «пустое» пространство и время физическое, тоже независимое впрямую от его психики, отсчитываемое часами. Иммануил Кант, исчисляя категории, констатировал, что идея пространства и идея времени — это две разные идеи. И это верно. Но только это неисторическая точка зрения. Ведь нам же необходимо вскрыть именно историю этих идей — как конкретно и из какого конкретного материала эти две сугубо человеческие идеи могли развиваться. Следует заметить, что только существо имеющее память, а точнее памятьливость как свое тотальное, сквозное(или фоновое, базовое)свойство могло выработать идею времени и его «движения». В первичном восприятии животного нет движения времени, вообще нет идеи времени физического со всеми сопутствующими вторичными феноменами. А есть первичное и нерасчлененное восприятие собственного

относительного движения (через отношения воли-тела с телом чувствилищем) к цели, удаленной в зрительном поле на глубину картинки. Не имея идеи времени как отдельной идеи животное между тем с ним фактически работает: сразу в сростке этой идеи с еще одной поздней идеей — идеей трехмерного пространства как бесконечно протяженного и пустого «вместилища» объектов. Но только от трехмерности у животного есть в пользовании «одна координата» — глубина, да и то в сростке с длительностью! А работает с этим сростком оно сразу через непосредственное (не опосредованное интеллектуальными построениями) восприятие сразу движения. У животного нет двух вещей — вначале недвижимой объективной реальности, а затем — ее движения. Действительное развитие психики и мира психической действительности идет путем, прямо противоположным логике нашего выражения идей — от простого и синкретично сращенного к сложным и распавшимся идеям-категориям. Что же это за странный сросток такой «пространство-время» по животному? А Бергсон утверждает, что мы длимся, а вот объекты — не длятся! И «дление», как не перевернутая идея памятности, есть вообще первичное «свойство» психики, именно длительностью животное и может «покрыть» и физическое расстояние, и физическое время. Отсюда все якобы «парадоксы» в экспериментальной психологической науке, связанные с тем якобы «неправильным» способом восприятия, который свойственен не только животному, но и человеку, ибо и у него реализуется в его сенсорно-перцептивном («до правильного», с мышлением по-человечески) восприятии: психика настойчиво полагает перед мысленным взором как рядом положенные разновременные ситуации! Другими словами — это мы, имея более развитые выразительные возможности, можем себе позволить так объяснять, но это не значит, что животное так же воспринимает и так же понимает! Например, у Эрнста Маха используются понятия физического пространства и пространства психического и соответственно, понятия физического времени и времени психического. И на первый взгляд может показаться, что они как-то друг через друга выразимы и, скорее всего, физические стороны пар происходят от своих психических собратьев. Но это решительно неверно! У животного вообще нет наших идей пространства и «течения времени», а есть одно лишь дление (по А. Бергсону), одно на все и про все: начиная с него и им пользуясь животному предстоит породить две отдельные идеи — физического пространства и физического же течения перетекания времени и, поставив перед собой эту первую модель Бытия, сохранить длительность как остаток и сугубо свое внутреннее чувство дления — жизни как существа психического. Ведь животное не понимает свое движение к цели как траекторию в пустом пространстве, а оно просто тянется к ней как лежащей перед не мысленным, а обычным взором, как видимой, точнее, идентифицированной цели (все, что «знает» животное о цели — это только то, что это — цель, все что делает оно — это только идентифицирует цель как цель своей активности). Животное не имеет и идеи будущего. И хотя оно, стремясь к цели, тем самым стремится в свое(им желаемое) будущее, активность животного обращена в будущее(и это роднит ее с деятельностью человека), но оно не имеет идеи будущего. А синкретичный сросток — «дотянись» — содержит в себе в зародыше будущую идею пространства физического и идею физического времени в сростке. Но животное того не знает и знать не может по той простой причине, что не может к ним отнестись, оно просто живет в этом синкретичном сростке, «растворено» в этом. Нашему предку только предстоит

противопоставить своему бытию бытие объектов как теперь якобы отдельное и на них выработать эти, такие привычные, нам категории.

Нам очень трудно себе представить: как же это так может быть, что животное понимает движение сразу как целое, но не имеет отдельной идеи пространства и отдельной идеи физического времени. А все потому, что говоря о движении, мы понимаем движение совершенно внешним образом — расположили объекты в пространстве и привели их в движение, в движение «истории»! Животное же понимает движение только «изнутри», на языке воли-тела, как собственное активное стремление-движение и на этом же языке оно понимает попытку цели убежать! Ведь то, что мы пространственно рисуем как «догонять», животное понимает только как «тянуться»: ситуация «не догнал» переживается сразу как «не дотянулся», понимается как бессилие в попытке дотянуться — не геометрически, а силовым образом, подобно, например, тому как «не допрыгнул вверх». Животное все понимает и «выражает» сразу в паре наших человеческих идей—идеи пространственного (сначала!) расположения, а уж потом разворачивания картинка во времени. Животное же сразу понимает на языке воли-тела и тела-чувствилища отношения с движущимися целями — оно их опознает (как фигуры на фоне или движения на фоне), но даже относительное их движение понимает лишь как поправку в собственное движение, ибо то, что мы называем расчетом упреждающей точки, животное «расчитывает» как поправку в усилиях, в воле-теле и догоняет и все. Движение есть, есть упреждение точки перехвата, но нет идеи «движения времени», нет идеи физического времени в нашем понимании. Нет даже самой трехчленной схемы прошлое-настоящее-будущее. Нет в ней необходимости. Животное «обходится» без отдельных идей—сначала пространства, а потом идеи движения в пространстве — это поздний и сугубо человеческий порядок идей. У животного есть синкретичная и простая идея — синкретичный сrostок этих двух идей, и дано оно сразу как восприятие движения (в пространстве, скажем мы позже, имея эту отдельную идею), но дано оно животному как собственное (относительное, и относительно себя как центра всего) движение к цели, пусть и убегающей (движения-то соотносительные, потому, то, что мы в нашем уже развитом восприятии описываем как убегание еды в пустом пространстве, животным воспринимается как собственное бессилие двигаться с нужной скоростью). Не имея идеи будущего (и всей трехчленной конструкции прошлое-настоящее-будущее) животное между тем обращено в будущее (это мы так видим из нашего восприятия!), которое у него равносильно его обращенности на цель в пространстве — ведь не случайно (язык помнит о трансформе!) цель во времени, то есть нечто решительно иное(!), обозначается тем же словом — «цель», что и первичная цель в пространстве! Потому понятно, что движение в будущее родилось из механического движения в пространстве (в нашем, развитом видении ситуации). Но как конкретно? А все карты путает памятьливость, услужливо предлагая чувство о будущем, то есть предвкушение как предварительное вкушение, как ощущения (грубо говоря, прямо вкусовые!) оттого, что удалено на определенную глубину картины и до чего еще тянуться и тянуться! А значит, и терпеть (длительность!) все движение до цели!

3.2.3. Длительность и физическое время

Народная мудрость гласит, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять. На самом деле, и «догонять» с психической стороны—это ожидать точки перехвата, это тоже просто «терпеть» длительность: означает концентрацию всей психической сознательной воли, активности на цели. Как говорят в таких случаях, душой мы уже там, у цели, в точке перехвата, хотя до нее еще двигаться нужно, а значит — и терпеть соответствующую длительность, что называется, просто «убивать время» в этом своем стремлении к цели! Физическое расстояние до цели со стороны психической предстает как длительность. Грубо говоря, метры переживаются и невольно пересчитываются в секунды и минуты! До сих пор сохранился способ такого выражения расстояния—«два дня пути». Но в чем некорректность такой метризации? Движение можно остановить, а длительность — не остановишь, ибо она есть внутреннее первочувство Бытия организмом, его глубинная интуиция. «Мы длимся, а объекты — не длятся» — это формулировка самого Анри Бергсона, безусловно, верная, но немного наивная, ибо он не понимает объекты как наши же мысленные конструкции! Психическая жизнь животного тоже длится, но оно не имеет идеи времени как фактически и конструктивно используемого отношения, оно живет в настоящем, вечно длящемся. Но ведь мы-то знаем, что тянуться к удаленной цели — значит психически с нею уже связываться эмоцией: как бы жить сейчас, но еще только предстоящим состоянием, предвкушая его (по памяти, конечно). Память появилась раньше мысли, но в связке с мыслью она дала новый эффект — уход из настоящего в будущее, мысленно, конечно. Но это мы так знаем, а вот животное не зная и не понимая этого, фактически психически «выдвигается» в будущее, но не мысленно, а лишь эмоционально и волею! Животное фактически живет будущим, не имея еще в своем интеллектуальном багаже идеи будущего. Потому оно ожидать свое будущее эмоциями может только вполне конкретно — как картинку, достигаемую механически продолжением своего движения-усилия. Этот сросток «будущее как стремление» не только ограничен, а просто обманывает всякий раз, как появляется другая воля, и животные глядят в глаза друг другу в надежде угадать намерения оппонента (на языке сил-движений), которые путают все ожидания. То есть, фактическое упреждение будущего родилось раньше, нежели была введена в фактический оборот-использование как отдельная идея трехчастная схема «прошлое-настоящее-будущее». Ну а осознание фактически используемых идей — вещь еще более несоизмеримо поздняя: пока в интеллектуальной культуре всегда так, безнадежное запаздывание с осознанием — пока «норма»! Наш метод прост: действие в мире действия («материи») волей-телом и телом-чувствилицем мы должны сопровождать «второй бухгалтерией» —событиями в мире психических феноменов: это механическое действие в мире ментального конструирования означает вот это! Движение к цели есть действие преодоления расстояния, но оно же, но со стороны психической, выглядит как «парализация» на время движения волевого импульса, интенции, устремленности и внимания на цели, животное «терпит» ту длительность, которая нужна для преодоления расстояния до цели, то есть, то, что в действии (в мире «физики») есть преодоление расстояния, психически есть длительность, которую нужно терпеть, претерпевать, стремясь к цели. То есть намертво связываются внешнее, физическое как расстояние и

внутреннее, психическое как длительность! То, что потом станет третьей координатой привычной нам системы координат, вначале животное ощущает как длительность — оно видит цель, тянется к ней, «терпит» все время движения к ней, а потому психическим коррелятом этого физически понимаемого движения к цели является «остановка» психического бытия, его «замирание» на цели, как бы парализация всего внимания на цели и игнорирование всего потока показаний органов чувств, поступающих в течение этого времени. На языке разработчиков систем автоматических управления, например, бортовых компьютеров, отслеживающих рельеф местности, все это время психика не реагирует «в реальном масштабе времени».

Итак, то, что с одной стороны предстает как расстояние до цели, с другой — как длительность, то есть первофеномен времени. Два описания «одного и того же», означает, что они как бы приравнены. А это есть не что иное, как метризация физической длины длительностью как внутренним, психическим феноменом. Но длительность — это не просто психический аналог физического времени, но еще и первичное и простое «историческое чувство дления», это прямое переживание исторической «протяженности». Когда мы после вводим физическое время как обратный пересчет метров в секунды, то, казалось бы, физическое время должно совпасть с психическим временем во всех отношениях. Так и принято считать — все ограничиваются рассуждениями о параллельности «стрел времени». Но в реальной жизни не только «стрелы», но и количественные характеристики всегда согласовывают сами персоны. А проблема-то в ином — в самой «ткани» физического времени: время физическое оказалось просто протяженностью («длиной»), использованной для измерения длительности. Грубо говоря, если длительность по Бергсону — это «монолит», это полная преемственность, полная наследственность условно отдельных моментов длительности, то физическое время и по смыслу, и по сути — нечто решительно противоположное. Длительность и физическое время — это не просто два «времени»! Это вообще разное! Первое — есть непосредственное переживание истории, а второе — средство измерения отрезков длительности по величине, которое оказалось использованным в модельном замещении истории. Это нам и предстоит разъяснить! Запутывает же всех то, что они именуются одним термином — время, то есть их сразу ставят на одну полку, ну а то, что одно из них психическое время, а другое — физическое, — это уже как бы маловажная деталь. Но дело в том, что это — решительно разноуровневые сущности! Ведь хотя длительность и «параллельна» физическому времени, но она не может с ним связаться напрямую никак! Уже потому, что длительность — зародыш не одного только физического времени, а единая «метрика» всему сrostку — непосредственному «от себя» движению: напомним — «не догнал» воспринимается и переживается как «не хватает сил дотянуться»! Стремление-то — в «вечно длящемся настоящем». Если идти по линии наращивания средств выражения новых сущностей, то может показаться (и автор несколько лет назад так и представлял себе дело!), что стоит только «расколоть» вдоль по всей длине описанный сrostок «протяженность-длительность» и метризовать уже имеющейся длительностью (как правременем) расстояние-протяженность, так уже и получим время физическое и пространство физическое как две отдельные идеи! Однако все оказалось гораздо сложнее и интереснее! А развитие усложнение —

буквально противоположным по направлению. Вот к этому описанию существа шага развития восприятия теперь и приступим.

3.2.4. Конструкция пространства и идея пространства

Из всех органов чувств первичным и базовым в восприятии Бытия является осязание в его сотрудничестве с «мышечным чувством» движения и силы (сопротивления), они и создают основы первичного сенсорно-перцептивного восприятия. Зрением слухом мы лишь как бы «подхватываем» то, что прежде того мысль выстроила как итог опытов по ощупыванию мира. И еще Риль сформулировал это предельно четко—взрослый человек, когда он якобы видит только глазами, на самом деле, видит тысячью опытов по ощупыванию мира руками (добавим — и ногами: у младенцев ноги не уступают рукам по части опознавания ощупыванием!), проделанных им в раннем детстве. Изложенное во втором разделе позволяет нам расширить эту формулу Рилия — мир осваивало общество как историческое целое и не тысячами, а миллионами опытов наших предков. Но если внутриспсихические феномены каждый должен выработать личным трудом, ибо для них нет надличного, надперсонального носителя, то интеллектуальная культура получила в языке такую возможность! Платоновы идеи получили вполне «осязаемое» место жизни-обитания — не нужно мистифицировать и выносить их за рамки жизни общества. Только вот жизнь - разворачивание идей и выстраивание конструкций мыслью — не только не попутны, но вообще — встречные движения. Объяснять это непривычное утверждение будем по схеме: конструкции рождаются стихийно, «сами собой» в ходе усложнения вначале поведения, потом (и по преимуществу!) деятельности, а вот идеи — продукт появляющийся гораздо позже уже потому, что они требуют для своего появления готового материала, материала, нуждающегося в самой «малости» — в осознании! Подлинная история интеллектуальной культуры может быть только такой: нечто сначала должно родиться в фактическом употреблении, родиться и закрепиться в культуре (быть в наличии!) и только тем самым стать, ожидая осознания одиночками, например, философами — в качестве отдельной идеи.

Историческая линия «интуиция-конструкция-идея» применительно к нашему нынешнему пониманию пространства в его «окончательном» виде — как идеи трехмерного и радикально «пустого» вместилища объектов, означает, что мы должны суметь объяснить как необходимые шаги конструирования, начиная от описанного сродка будущих отдельных идей физического пространства и физического времени. В историческом подходе нам никак не обойти вопрос выразительных возможностей — как их развить, не имея ничего, кроме меток-идентификаторов, связей через эмоции и двигательную активность, которая вся сводится к тому, чтобы, грубо говоря, тянуться и терпеть. И все. Ничего иного просто нет! Нельзя породить идею пространства из «пустоты»! Очень смутные соображения, но в очень решительной форме не раз высказывались на этот счет. Нам же важна вовсе не категоричность этого правильного утверждения, а его «математически» четкое обоснование. «Пустое» расстояние между объектами, конечно же, можно промерить. Вопрос в другом — как и, главное, чем? Нет еще протяженности у объектов, ибо они ведь и не объекты пока, а только праобъекты, а расстояние до цели фактически (нет, не измеряется, а понимается!) косвенно — через внутри психический феномен длительность (по Анри Бергсону). Как

конкретно? Как длительность движения с постоянной скоростью до цели. Но длительность — вещь психическая, «необъективная»! И ее саму нужно чем-то внешним метризовать и измерять! Можно поискать «метр» в другом месте — в зрительном поле. Зрению «пустота» тоже не дана, а даны высота и ширина фигур или образов (на фоне) в зрительном поле. И их можно и ощупать и, одновременно, увидеть, но нечем измерить! Как же так? Ведь, казалось бы, — ощупал, значит уже и измерил: измеряли же

египтяне длину в ступнях и локтях! Но в том-то и дело, что такая постановка вопроса не просто наивная, а радикально ложная, ибо и собственная телесность, понимаемая извне и как объект среди объектов, еще не дана живому существу! В том-то и проблема, что нужно породить, развить такой мир объектов, стартуя с понимания на языке воли-тела и тела-чувствилица. Мы уперлись в тупик — эта линейка не размеченная, а предыдущая — в сугубо внутри психических «единицах»! Отгадка же в том, что наращивание понимания «что есть что» шло в одну сторону, а измерение в нашем нынешнем, внешне-объективно понимаемом смысле пришло навстречу! Это совершенно разное!

Идея пространства в его «чистом виде» — как пустого вместилища объектов, то есть как эдакой формы, напрочь отвлеченной от всякого содержания, есть нечто очень позднее, можно сказать совсем недавнее и искусственно выделенное. Только мы и только теперь в своем конструировании идем в противоположном направлении и начинаем с конечных идей — берем «пустое» пространство как априорное знание Иммануила Канта и «наполняем» его объектами. Но не так было в истории: конструкт пространства родился и прошел свое развитие и оформление в содержательном виде, будучи всегда наполненным объектами! Объектами нашей активности-деятельности. Исторический взгляд позволяет догадаться, что зачаток идеи пространства — фон, на котором опознавался образ. А фон — это некорректно отторгнутая «половинка» полного отношения «образ на фоне» или «фигура на фоне», важно подчеркнуть лишь то, что и образ, и фигура — сущности решительно догеометрические, только соотносительные с фоном (будущим «пустым» пространством), служащие только для различения в акте опознания цели, идентификации цели, и все. Идея пространства как протяжения по трем ортогональным направлениям родилась из телесной двигательной активности, как результат ощупывания, но только активного, на языке отношений между системой «тело-чувствилица» и системой «воля-тело». Другими словами, в объяснении того, как, что и через что можно выразить мы увлеклись психологизацией и совсем забыли, что у нас не обычная персона-человек, а человек исторический, мы забыли о социальной стороне дела, мы забыли, что вся наша схема развития должна трактоваться социально, что действительное развитие шло под условием выражения, объяснения и тем самым передачи опыта новым поколениям как наследникам культуры, то есть выражения всеобщим, всем понятным образом. Речь не идет о полной депсихологизации: покажем, что она невозможна! Это, на самом деле означает сквозную формализацию. Что это означает? Это означает, что в Париже лежит линейка метровой длины, а правила обращения с нею должны всеми одинаково пониматься, так, что всякий желающий, действуя строго по инструкции, может ее взять («все знают», что это такое) приложить нужное число раз к объекту («все знают» как ею пользоваться!) и в виде числа выразить всем понятным образом. Итак единообразие того, что одному могло бы показаться длинным, а другому — коротким, достигается как

выясняется за счет операционального «единодушия»! Люди умеют договориться не в знаниях, а в действиях!

Совсем грубо говоря, метр нужно искать еще в животной жизни. Но там только два и, как было показано, оба непригодные. Отгадка же в том, что люди «договорились» о деятельности, а значит, стали одинаково относиться к бывшей цели: теперь — как к объекту. Это и есть тот же шаг, но с иной точки зрения — с социальной и деятельной. Шаг этот один, вообще единственный, но многосторонний. Вот это превращение признака опознания цели в свойство объекта и нужно объяснить: как использовалось ранее (оно вообще было только признаком в «фигуре на фоне» и в качестве «половинки» признака) и как оно могло стать свойством! Чтобы ширину или высоту фигуры на фоне сделать свойством объекта, их нужно прежде «оторвать» от фона и гипостазировать, превратить в присущее самому объекту. Но как? А актом уравнивания в правах всех трех измерений! Ведь до того — между ними просто пропасть! Глубина — это реальное движение и «чувство» расстояния («пустой длины»), а высота и ширина картинке значимы только в актах идентификации цели на фоне лишь в качестве признаков цели. Только придание им того же смысла, что имела глубина и тем самым превращение в свойство—протяженность—объекта, переводит их в новое качество — в свойства объекта, присущие ему самому по себе. Но ведь этот же акт есть, одновременно, и акт порождения идеи изотропной трехмерности объекта (пока лишь объекта, но в будущем — и идеи изотропного трехмерного «пустого» пространства в том его виде, который привычен нам, носителям новоевропейской культуры). И только после того, как протяженность объекта вдоль координат «высота» и «ширина» стала собственным свойством объекта, животное «увидело», что объект-то — линейка и радостно стало ему все измерять. Конечно же, оно перестало быть животным, а стало человеком — существом, напроць забывшим, что подлинной мерой всех вещей может быть только он сам. Метризация пришла извне и под формою последовательности формальных операций над объектом! Это очень важно подчеркнуть (автор очень долго сам не мог пробиться через это!), что хотя в порождении сущностей мы должны, вслед за Несмеловым, идти из мира психических феноменов и суметь через них все объяснять, но метризация оказалась почти синонимом социализации восприятия и просто не могла не выпасть в Палату мер и весов! Из изложенного следует важнейший вывод: не длительностью мы измеряем физическое время, а ровно наоборот! И это в общем-то и проще, и удобнее, а главное — исторически неизбежно: ведь люди согласовывали не длительности своих психических состояний, а операции деятельности над общими для них объектами. Сами технологии в их объективном понимании, с необходимостью измерять промежутки времени и вынудили под них подстроить персональное внутри психическое понимание времени. Конструкцию пространства живое существо может создать как конструкцию объектов, а не «пустот», которые первоначально были фоном, то есть вспомогательным средством в актах идентификации «цели на фоне», грубо говоря, «ничем». Теперь же, кроме акта идентификации праобъекта возникла операция совмещения в нем же — других бывших признаков, которые теперь стали свойствами объекта. Само это совмещение есть акт вменения например такого свойства, как протяжение, но теперь мы его «промеряем» по иному — как собственное свойство одного только объекта, а не парного отношения с волей-телом вида «тянуться-стремиться». Ну а так как измерять объекты наши предки «договорились»

через объекты-стандарты, то напрочь забыли и о воле-теле и о теле-чувствилище как о не поддающемся социализации. Идея и «конструкция» (конструкт) нашего понимания трехмерного пространства как трех измерений бесконечной протяженности в нас, наследниках всей новоевропейской культуры, сидит так плотно, что нам вообще ну никак не понятно — как можно обойтись без этого пустого вместилища объектов-тел. Но между тем первичное восприятие не имеет этой идеи и этого конструкта, а пользуется сrostком физического протяжения и физического времени в виде «одномерного» стремления к цели. Его направление, конечно, по праву принадлежит (еще только собирающемуся родиться) физическому времени: направлено в ту же сторону, куда лицом направлено и стремится живое существо. Потому «вперед в пространстве» — это ведь еще и «в будущее во времени». Это правильно выявлено еще О. Шпенглером, только уточним — речь идет о домодельном восприятии Бытия!

3.2.5. Момент введения идеи бытия

Идея пространства в ее историческом порождении, конечно же, могла быть только идеей бытия объектов, «в пространстве», конечно. Идея бытия вообще впервые вошла в фактический оборот «на примере» объектов, как идея бытия объектов. О себе субъект в то время и не помышлял! И это почти сохраняется до сих пор—говоря о бытии, сразу же имеют в виду объекты, говоря об объектах, мысленно уже подразумевают, что они-то и есть объективная реальность, самое что ни есть бытие! А уж «кто более матери истории дорог» — будем кропотливо исчислять. Идею бытия мы заявим как идею сугубо экспериментальную, что последовательным идеалистом может быть воспринято как надругательство над его богом — Разумом. Но с исторической точки зрения, идея бытия есть результат осознания факта использования уже введенной в пользование конструкции бытия, а она была простой—существование как негативное определение способа бытия объекта. Попросту говоря, наш предок «выдвинул гипотезу», что объекты неизменны: пока он только собирается обрабатывать их или в процессе обработки, они не растают, не испарятся, не расплывутся и так далее. Философы после эту гипотезу назовут чопорно — «в себе и для себя сущая вещь», но наш предок в жизни-эксперименте стал так обращаться с бывшей целью(пра-объектом)—как с объектом (как с самостоятельной и неизменной сущностью!) и часто не ошибался в своих ожиданиях. Вот этот, казалось бы, маленький шаг, незначительное смещение акцента в понимании цели и делает ее объектом! В чем разница между целью и объектом? Цель — это то, что привязано к ситуации и вне нее не имеет смысла, «отсутствует». Объект же определяется как самостоятельно якобы бытийствующий, ну а самый способ его бытия—простейший и определяемый негативно, как отрицание всякой изменчивости, «существование». Праобъекты — это «отдельно движущееся» в отличие от объектов, которые есть уже нечто более «самостоятельное» — отдельно бытийствующее! Мышление зародилось как мысленное продолжение движения, мысленное продолжение движения чего-то конкретного, а именно — праобъекта («только цели» с ее еще не свойствами, а только признаками опознания). Мы исходим из исторического подхода к разворачиванию мира мыслимого и развитие его в самом конкретнейшем смысле означает следующее. Как возможна новая идея, как ее объяснить тому, в чьей «голове» ее еще нет? Только выражая через иные понятия при опоре (или без опоры!) на наглядность. Мышление

зародилось и первоначально долго развивалось как наглядное мышление, точнее, в опоре не только на зрение, но сразу на все пять органов чувств, а потому оно еще не было в отрыве от сиюминутной ситуации, ему просто некуда было уйти в «отрыв». Животное плотно погружено в разрешаемую им текущую, сиюминутную проблематику! Оно прогнозирует будущее(и в этом назначение мысли), но не как будущее само по себе(!), а только как убегающее чувство «неголода» или приближающейся боли, которые «сидят», конечно, в памяти. Мышление об объектах тоже наглядное, мы выстраиваем свои мысленные объекты-представления из показаний органов чувств. Но из-за того, что мы им придали статус бытия, о них возможно думать (а это и есть содержательный смысл постулирования их бытия!) как о бытийствующих и вне сиюминутной, поддерживаемой текущими показаниями органов чувств, ситуации. Мышление начинает работать с «чисто гипотетическим», еще только возможным бытием! Объекты-представления зажили своей отдельной жизнью, уже вне ситуации. Им ничто не мешает перейти на статус объектов-воображений. Как? Посредством манипулирования — «сложения» и «вычитания объектов-представлений и поиска недостающего звена — отсутствующего в наличии, но потребного орудия труда. Именно изготовление(а не использование!) орудий труда и вынудило уже фактически по сути и содержанию сложившиеся объекты-представления (но остававшиеся праобъектами, то есть чем-то связанным с сиюминутной ситуацией, то есть мыслимые только в ситуации и под иными именами — под именами психических состояний, а не отдельного и главное, внешнего психике бытия, оно еще не было поделено и не было в том нужды) в мысли вынести в отдельное бытие. Это акт не интеллектуальный в собственном смысле слова, а псевдо-религиозный акт веры. Во что же поверил наш предок и не ошибся. А он «выдвинул гипотезу» (у него так получилось, еще жестче — с ним так случилось, случилось успешно и закрепилось), что праобъект неизменен и остается тем же и после выхода из ситуации. (Слово и понятие «ситуация» позже повергнем самой жестокой, уничтожающей критике, но пока потерпим — не на что больше опереться!). Нам так важны первые и слепые еще шаги мысли потому, что именно тогда многое как бы латентно было заложено и выявилось гораздо позже, но остается неузнанным, даже не выявленным и не объясненным как логически неизбежное(логикой развития мира мыслимого «на собственных основаниях»), навязанное как единственный способ, так сказать, «структурного усложнения» психики и мышления, в частности. Которое было, конечно же, не самоцелью, а лишь средством увеличения мощности воли к бытию (у Ницше эта всеобщая «воля к расширению воли вовне», активность живого схвачена метко и верно, но вовсе не философски, а скорее, поэтически, ибо сведена к смутному понятию «воли к власти», прямое понимание которой переносит центр тяжести на социальный аспект). Превращение праобъект в объект содержательно означает, что все признаки цели теперь стали свойствами объекта и связаны между собой напрямую в нечто единое и отдельно от субъекта деятельности (и лишь в меру этого, еще и «субъекта познания») живущее-бытийствующее. Причем живущее-бытийствующее вполне конкретным и, в общем-то, простейшим отрицательным («никаким») способом — как существующее. Какие изменения это вызывает? Теперь глубина (уже объекта, а не картинки!) уравнена в правах с двумя другими собственными свойствами объекта — шириной и высотой. И они вообще потеряли свои специальные названия, а есть протяженность-длина объекта вдоль одной из трех координат. Которые, как мы знаем

произвольно выбираются и это не имеет никакого теперь значения. ЗАМЕЧАНИЕ. Объекты — действительно, итог совмещения показаний органов чувств в пространстве и времени. Вот только не было отдельного физического пространства и физического времени, потому и не было указанного совмещения как якобы двух отдельных совмещений. Суть и идея Несмеловым заявлены верно, но совмещение было и могло быть (еще при порождении праобъекта) только одно и сразу — на срезе, который длительностью (больше ничего нет) только и мог метризоваться и «измеряться», точнее никакого такого измерения как отторгнутого от психически переживаемого мира еще не было, а речь идет о переживании и понимании через длительность. То есть о феномене сугубо персональном и индивидуальном, не имеющем никакого выражения вовне. Объекты-то родились и могли родиться только сразу как носители и физического пространства и физического времени, до объектов этих двух идей не было как двух! Их не на чем до этого было выразить. А значит и родились они вместе! Это еще один, неожиданный и для автора, и, так сказать, «странный» результат—мы так устроены, что первая модель Бытия могла быть моделью только с очень предзаданными способом бытия «существование» и составностью в качестве второго предзаданного свойства. Хочешь породить модель Бытия? Пожалуйста! Но ты сам так устроен и твоя жизнь возможна только сразу как общественная, поэтому и первая модель Бытия будет и только и может быть сразу социальной и с очень конкретными свойствами.

1. Сочень конкретным способом бытия—существование, но не как позитивно «взятое» бытие, а как отрицание изменений.
2. С очень конкретным устройством — составным. Бытие есть сумма бытий рядом положенных объектов, независимых в себе и для себя сущих вещей.

А после того можно и изменения, но — «за отдельную плату», то есть как добавка и как добавка совершенно чужеродная первичному постулированию Теоретико-системные предклассы, собственно говоря, и есть реализация «добавок по вкусу».

3.2.6. «Свойства» пространства

Замена длительности протяженностью не прошла бесследно: протяженность-то разрывна в каждой точке и это ее главное свойство — бытие объектов подле друг друга. И протяженность определяется негативно — по изменению или прерыву в ощущении. А вот в длительности иное отношение между его моментами—они не расположены один наряду с другим, а перетекая один в другой, преемственно наследуют все накопленное! И длительность—монолит! Но мы его подменяем механическим временем— «параллельной» «стрелой времени», да вот незадача — она, эта «стрела», из иного материала, она насквозь «рваная», ибо положенное рядом не обязано находиться в отношении тотального наследования друг другу. И это точное объяснение того, откуда взялось время физическое и как конкретно оно было сконструировано — по величине длительности оно, конечно же, равно длительности, но по «структуре» самой его «ткани» — это протяженность, которая разрывна в каждой точке, пунктуал. А все потому, что картинка, лишенная движения не только исторического, а и всякого вообще, была потом «оживлена» очень простым образом — ее будущее предсказывается только физически, то есть — как механическое продвижение и будущее полностью предопределено данной картинкой, которая понимается теперь

как состояние, то есть как срез истории, точнее механической модели исторического движения. То есть мы описали то, как и из чего конкретно сложилась первая и пока неосознаваемая модель исторического движения. Выделяя в отдельное бытие мир объектов, психика его идентифицировала, то есть «остановила» синкретичное (допространственное движение!), а затем — запустила ход истории, но ход модельный, а потому ход конкретным способом — механическим движением: в будущее движется теперь не она сама, а «картинки» — кадры фильма побежали в модельное будущее по законам механики. Ведь нельзя забывать о том, что желание психики увидеть будущее может быть исполнено только как модельное его, будущего, замещение и никак иначе! В действительной истории в будущее движется все, в том числе (и, прежде всего!) и сама психика, которая просто и не могла сесть в «поезд» модели истории, и в этом заключена парадоксальность «желания знать будущее». Физическое время и физическое пространство (а психического пространства как отвлеченного от движения, то есть в нашем смысле слова для животного нет) не просто распались и получили отдельное бытие в качестве двух отдельных идей, но и оказались в некотором смысле противопоставленными в качестве якобы двух способов воззрения! Самый способ бытия объектов — существование — нами же и сконструирован, но через два перехода и не вполне корректно, ведь механическое время — это по своей структуре нечто принципиально иное, чем непрерывная в себе длительность, ибо механически понимаемое время — это та протяженность, которую проходит с заданной скоростью за данную «претерпенную» им длительность живое существо. Но в создании этой идеи протяженности в пространстве вначале как длины объекта есть только две особенные точки — начало и конец, характеризующиеся сменой ощущения, а ведь именно различие лежит в основе осязательных восприятий. То есть, изначально протяжение — пунктуал, разрывно в каждой точке. Расстояние же, пройденное за время движения объекта в пространстве, есть (как мы теперь знаем) интеграл от скорости за данный промежуток времени, то есть непрерывная функция. Дифференцирование и интегрирование стали для нас столь привычными, а непрерывные функции — столь любимыми из-за их «правильности», что мы и слышать не хотим о чем-то ином! Ведь и первоначальную интуицию пространства как созданного пребыванием объектов один подле другого и наряду с другим подменили «интеллектуальной» конструкцией — тремя непрерывными координатами. Эта конструкция есть чисто интеллектуальная и дело даже не в ее мысленном бытии как «пустого вместилища объектов», а в том, что мы произвели предельный переход и «забыли» о нем: от наполнения пространства все же дискретными объектами перепрыгнули к «механике сплошной среды» — размазали сами объекты по координатам.

Самое существенное свойство пространства выросло из способа нашего чисто отрицательного способа обнаружения нами его собственных свойств — из того, как мы его наощупь осваиваем: как прерыв в ощущении или его изменение (что по сути — одно и то же). Только изменение в ощущении является информационно значимым: ведем по кромке стола рукой — нет изменений (мы ничего сказать не можем!), конец стола — прерыв в ощущениях. Восприятие пространства — нечто решительно «рваное»! Потому и первичная конструкция пространства не может не унаследовать свойство «разрывности в каждой точке». Очень недавним и сугубо мысленным преобразованием пунктуал «достроен» до отрезка прямой.

3.2.7. Активность познания — прародина причинно-следственной связи

Мы познаем мир своей активностью. Принципиально не пассивно, вовсе не «отражением» и не разглядыванием! Это волевое действие — наше проведение своей воли, активность и есть ближайшая причина нашего познания. Ведь мы вынуждены познавать только потому, что в проведении своей воли вынуждены считаться с обстоятельствами (первоначально—всецело борьба за выживание и размножение—усилить свой род, оставить потомство, оставить свои «гены»). Какова воля — таково и познание, точнее говоря, мы вынуждены познавать то, что мешает проведению нашей воли и познавать так или с той его стороны, чтобы иметь возможность преодолеть помехи нашей воле. То есть борьба за выживание — не просто механика сил, а соревнование волевых импульсов как первичных «проектов»—воли-то уже не слепы, а с умыслом и замыслом в меру познания и понимания Бытия. То есть реальная мощь воли, ее действительная эффективность зависит не только от физической силы, от зубов и когтей, но и от изощренности второй стороны воли — от ума, от предвидения, то есть от предварительного (во времени) «видения» того, чего еще нет: мы вперед по ходу времени как бы «забегаем» мыслью и все дело в том, как мы этот ход («протяженность») времени понимаем. Пока — подобно протяженности пространства, как нечто внешнее и само по себе, как нечто такое, что мы не можем ни ускорить, ни замедлить ни сознательными, ни неосознанными своими действиями. Объясним, как сложилось (в первой модели Бытия) это модельное, «сконструированное» понимание хода истории!

Мы никогда не были пассивными наблюдателями Бытия, вынесенными за его рамки, мы всегда были активны, именно поэтому и у первой модели Бытия не было никаких шансов быть какой-то иной! Она вообще родилась как «маленькая вставочка» на цельной психической реакции, которая реакцией именуется не вполне законно, точнее, ее с тем же успехом можно было бы считать не реакцией, а «волепроявлением» (и это действительно вопрос о курице и яйце — в такой круговерти говорить о начале можно лишь условно!). Во всяком случае об активности, об отрицании пассивного отношения мы не можем забывать, в этом суть и главный момент: первая модель Бытия—дитя активности, плод развития психической стороны активности и она не могла не унаследовать главное свойство или качество активности — «целесообразность», определяемое уровнем понимания Бытия, что синоним адекватности модели Бытия самому Бытию, точнее, конкретному бытию! А именно — решаемым на данном историческом этапе задачам. Не только какие мы (плотски), но и какие задачи решали на всех прошедших этапах мирового развития и определяло логику развития психики и ее части — интеллекта, и, в частности, «устройство» первой модели Бытия. Что конкретно влечет уже заявленное в первом разделе требование объяснять и рефлекс, и инстинкты не реакцией только, а активным освоением бытия? Активность младенца необходимо подразумевает, что он вынужден фактически использовать идею причинно-следственной связи, ибо она есть единственное, что придает хоть какой-то и практический, и любой иной смысл всякой активности. Ведь если не удастся уловить хоть какую-то связь действия «в среде» и ответа Среды (причины и следствия), то нет никакого толку от активности, нет смысла «дергать лапками».

Всякий опыт жизни живого с самого начала накапливается в форме памяти об этих, пусть и смутных, но все же связях. «Чистая», то есть четкая их часть и составит позже идею причинно-следственной связи вообще, как таковой. Но это будет позже, а реальная жизнь разворачивается по иному сценарию—сначала нечто вводится в оборот и лишь гораздо позже может быть осознано самим пользователем как отдельная идея. И первоначально причинно-следственная связь—конечно же, не идея развитого ума, а прямая связь между усилием в «воле-теле» и после этого и как неизбежное следствие этого испытываемое в «теле-чувствилище»: подпрыгнул — почувствовал полет, нажал на педаль газа — вдавило в кресло. Это знает живое тело, взятое в широком смысле слова: как плоть, как тело дважды иннервированное и имеющее в себе «память» — связи между этими иннервациями. Но память, даже «телесная», — изначально структурированная вещь, а не склад или свалка так называемых «фактов»! В основе этой активности лежит уверенность в результате, то есть предвидение его и даже предвкушение (эмоционально-чувственное вкушение), а значит прогноз будущего и активность на творение этого будущего, или, по крайней мере, какой-то стороны этого будущего! Родина причинно-следственной связи—вот здесь, первоначально она зародилась и нещадно эксплуатировалась именно здесь и так, и лишь гораздо позже и только человеком не вполне законно была перенесена (за неимением ничего более подходящего) далеко за пределы психики — во вне, в умом и из ума построенный мир «объективная реальность»! Человек как бы пролонгировал саму применимость этого отношения на «объективную реальность», чтобы сохранить закон, по которому связаны его воля-тело и тело-чувствилище, ведь «объективная реальность» по ее положению вклинилась между ними как нашлепка, нарост на психической реакции живого организма, а потому и причинно-следственная связь перешла в «объективную реальность». Но если до деления психики на объективную реальность и субъективную действительность причинно-следственная связь была законом применимости своей (а иной еще не было!) воли, то после деления, точнее, выпчоркивания «объективной реальности» и только в ней одной причинно-следственная связь стала основным законом бытия мира «объективная реальность» и ... самой тканью модели исторического движения!

3.2.8. Причинно-следственная связь как ткань модели истории

Получается, что человек, выделяя из жизни своей психики некую его часть или сторону, или некую проставку, заставку в качестве якобы отдельного бытия должен был придать ему некую форму бытия, самый способ бытия. В качестве способа бытия он мог передать только один ему известный и собственный способ—причинно-следственную связь между не моментами длительности в буквальном (через время физическое понимаемом) смысле, а логическую связь между волей и ответом на нее. Что она такое? В некотором смысле она есть синоним всякой активности вообще! Ведь как можно понимать активность? Как хаотичное размахивание руками и ногами? Но от такой активности нет толку, точнее, неизвестно чего больше — пользы или вреда, потому в таком ее виде она не нужна и даже вредна — когда водителя ослепил свет от встречного автомобиля, то ему рекомендуется плавно затормозить и плавно же остановиться на обочине, то есть отказаться от активности, выпасть на время из активного бытия — из движения по дороге. Подобно

этому двигательная активность высших животных не только не имеет смысла, но даже вредна, если она не опирается на интеллектуальную сторону — на расчет траектории оппонента, понимание ее сразу в языке своей активности. А саму свою активность как понимает животное? Как связь воли-теластелом-чувствилицем в предельношироком смысле—тянется к видимой, а не всецело воображаемой (еще не существующей — что доступно только человеку, отличает его от животного — воображение как моделирование Бытия!) цели и на языке движения тела (отношений между волей-телом и телом-чувствилицем, говорящем о положении по отношению к цели!) понимает — что нужно сделать для достижения цели: как жесткую и однозначную связь между этими «телами»! Это и есть причинно-следственная связь в ее первоначальном значении — как однозначная связь между настоящим усилием и будущим ощущением, будущее мы вкушаем-предвкушаем всем своим телом, а точнее — плотью, всем своим бытием, прежде всего, психическим, конечно. Таким образом, идея будущего вот в таком его зародышевом виде не чужда животному. Правда, для него она не идея, и не сознаваемое, а «чувство» вектора исторического движения, «психологическая стрела времени». Сегодня модно исчислять из непонятных оснований «стрелы времени». В качестве одной из них заявляют психическую — ее мы объяснили. Иные же — производные от нее, из нее «выведенные», через нее выраженные и потому, вторичные. Это и будем объяснять. Но дело даже не в «стреле» как указателе направления, а в чем-то более существенном — речь идет, ни много, ни мало, о самой ткани истории! Точнее, о ткани модели истории, о том, из чего, из какого «материала» была построена первая модель Бытия. Идея будущего родилась как отвлечение от «движения» в синкретичном сростке под названием «ощущение движения в будущее», которое(с нашей, уже развитой точки зрения) выглядит как движение животного к цели, которая вынесена на глубину картинки его синкретичного восприятия глубины-времени. Стремление вперед, стремление к цели (психическая «стрела времени») не случайно имеет то же направление, что и будущее физическое время (термодинамическая «стрела времени») уже потому, что психика сама же его и сконструировала, но вовсе не из «материала» длительности, как логично было бы предположить! А из того восприятия расстояния как протяженности (в пространстве, добавил бы человек), которое первично ему дано пунктуально и негативно — через прерывы в ощущении или, по крайней мере, через изменения в ощущениях. Мудрствовать по поводу «стрел времени» нет, на самом деле, никакой необходимости, ибо вскрытие подлинной истории разворачивания психической жизни само расставляет все отношения. Нам же сейчас важнее ключевой результат, который, и автор в этом должен признаться, оказался и для него неожиданным: время физическое — совсем не история! Эта неуклюжая формулировка уместна только потому, что мы это средство измерения интервалов длительности ошибочно считаем самым историческим движением! Ведь внешним, то есть вне длительностным, вне историческим, в мире физики измерителем непосредственно переживаемой длительности выступила по факту протяженность объекта. Потом, когда потребуется выделить (из цельной, не разделенной на внешне и внутренне понимаемые миры, психики) мир объектов-представлений и (мысленно же!) поставить его перед (якобы только оптическим собственным взором), то окажется, что время механическое параллельно с длительностью, согласовано с ним (за счет циклически

осуществляемого чередования мысли и действия над объектами), но «выстрогано» оно оказалось из протяженности, разрывной в каждой точке!

3.3. Момент рождения модели

Содержание трансформаций мы уже частично описали в предыдущем подразделе, а теперь дополним картину и немного обострим ее, объясняя все изменения лишь как стороны единого шага исторического развития. Итак, человек ввел (конечно же — задолго до всякого осознания!) в фактический оборот идею бытия как такового. Мало того, что она была неосознаваемой, так она еще могла войти только в конкретной форме — как идея о чем-то, что без мыслителя живет и движется, ибо такой ведь только и могла быть первая идея бытия — как бытия внешнего психике!

3.3.1. Передача причинно-следственной связи вовне как акт порождения отношения модельного замещения

Мышление животного вообще обходится без идеи времени, а два момента-среза времени оно располагает просто в пространстве — один наряду с другим, но не так как это делаем мы, не перед собой (своим мысленным взором) как картинки в пространстве. Оно «картинки» не отделяет от своего психического «я» и как бы живет в них, ничего иного не признавая, точнее, не противопоставляя своей воле. Потому «картинки» несвязаны между собой причинно-следственной связью как у нас, а только прямо с волевым импульсом — животное напрямую знает («живое знание» В. П. Зинченко, по видимому, означает нечто похожее), как ему перевести картинку—предвкушение в подлинное вкушение—какой прыжок, какой усилие нужно приложить, чтобы этого достичь. Но подчеркнем еще раз: «картинки» для животного — не объекты с их собственным бытием, а лишь «убегающее чувство сытости» (еще точнее, чувство удовлетворенного голода) и подкрадывающееся «чувство боли», то есть не ощущение, а праэмоция «по памяти». Что дала или что изменила идея бытия? Ведь до этого причинно-следственная связь была там, где она зародилась — была чем-то внутренним и сугубо личным, внутри психическим объективным законом, единственным законом бытия, ей (психике) доступным в ту эпоху «солипсизма» и полной поглощенности психики реагированием на внешний мир одновременно! Ибо не было еще, еще не возникло деление на внешнее и внутреннее. Когда же произошел «развод и раздел имущества», то в качестве закона внешнего психике (психике данного) бытия могла выступить причинно-следственная связь, она и стала законом жизни объектов, а субъективной действительности достался якобы произвол! А на самом деле, разгул эмоций и инстинктов, слабо разбавленный кусками мысленных конструкций! Так в этом хаосе психики и живет, вынося весь ее же порядок вовне и подарив его вновь оформленному миру «объективная реальность» — в нем-то полнейший якобы порядок! Почему такой несправедливый раздел накопленного к моменту «развода» мыслительных навыков и интеллектуального богатства, накопленного в совместной жизни? А дело в том, что развод происходит по специфическому принципу—«объективная реальность» выделяется в отдельное, «выдуманное», сконструированное бытие, а потому ему нужно выдать полный набор всех атрибутов обособленного и самодостаточного бытия, пусть и мысленного.

Итак, главный результат введения в фактический оборот идеи бытия состоял в том, что наш предок объективную закономерность отторг от своей плотскости и всецело передал миру, который он поставил перед своим (в значительной мере — мысленным) взором! А именно — объекты живут по объективным законам. По законам, им самим присущим, от наблюдателя, от познающего не зависящим! И только выделив мир «объективная реальность» в отдельное бытие, психика передала ему «в наследство» и саму причинно-следственную связь, которая и стала фактической «тканью» так порожденной модели исторического движения. В наиболее чистом виде это нашло позднейшее отражение в идее теоретико-системного класса (или, точнее, предкласса) под названием «процесс» — у него «выход» полностью предопределен «входом»!

3.3.2. Момент возникновения модельного замещения

Почему важен именно этот момент и почему он является рубежом? Дело в том, что у зримой картинки появляется «жизнь», пусть и такая простая как механика движения. Важно, что это теперь отдельная, отделенная от носителя психики «жизнь», точнее модельное бытие — субъект пред- ставил, «поставил перед» собой собственную мысленную конструкцию, которая движется по своим законам. Тем самым, она как бы (опять же психически!) «отпущена» в отдельное бытие, пусть совсем простенькое: процесс происходит сам собой, вход задает, предопределяет выход. Когда есть модель Бытия, а когда ее еще нет, когда живой организм просто «вмазан» в Бытие, а когда — он уже стоит перед Бытием с моделью Бытия? Учитывая ранее изложенное, уточним: когда в фактическое использование входит то, что гораздо позже будет осознано как идея бытия? Тогда, когда мы к чему-то относимся как к бытийствующему неза- висимо от нас или, согласно Несмелову, тогда, когда персона поделила всю свою психическую реальность надвое—на мир «объективная реальность» и мир «субъективная действительность». От себя уточним: тогда, когда из синкретичного, до того момента сращенного и безотносительного психического бытия выделила в «отдельное бытие» мир «объективная реальность». Мир же «субъективная действительность» получается просто по остаточному принципу.

До этого момента нет двух «штук», ибо мир психический переживается живым существом как нечто единое и целое, что вообще не позволяет ему «отнестись», ему просто не из чего построить отношение! Фактически-то животное имеет границу телесную и устраивает свои отношения с окружением, но это мы так за него понимаем, а самое живое существо еще не опосредовало свои фактические отношения с миром мышлением, мысленными конструкциями. И не понимает свое бытие на языке отношений с окружением, не видит их так, как мы за него видим, для него нет этого отношения вообще! А вот когда у человека есть «в руках» модель, с которой он стоит перед Бытием, точнее, он ставит перед своим (мысленным) взором Бытие, усмотренное им как бы «сквозь модель», ставит перед собой заместителя Бытия, то он сам с Бытием устраивает свои отношения, мыслит его как отдельное. А то, что он прямо это может и не осознавать — это уже совсем другое дело, важно то, что уже есть, уже в наличии (в бытии, в «формах» поведения и деятельности как бы скрытно от носителя, латентно присутствует) то, что потом ему еще только предстоит осознать как отдельную идею! Вульгарно выражаясь, активность «идет» впереди осознания тех смыслов, которые она несет. Напомним, что подлинным субъектом мира «объективная

реальность» является не персона, а историческое человечество, протяженное в историю до животной жизни-поведения, это оно деятель и оно стоит перед «самой» природой. Место же персоны — «внутри» человеческой культуры! Человеческая культура, духовная жизнь общества в ее целом и есть тот «космический корабль» или, скорее, «Ноев ковчег» как единственно пригодное для жизни персоны место обитания, где она вообще может стать человеком, усвоив в частности и первую модель Бытия.

3.3.3. Почему модель именно всего бытия?

Казалось бы, можно возразить, что первая модель Бытия — это вовсе и не модель исторического движения, а «просто» модель движений в мире механических объектов. Но я настаиваю на точной и не допускающей никаких разночтений формулировке — это именно исторически первая, стихийно сложившаяся и до сих пор вот так прямо не осознаваемая модель движения именно всей истории! И хотя в ней, действительно, нет ничего кроме объектов, но используется-то она людьми в их фактическом бытии-деятельности, а потому мы за них знаем «поздним умом», что для них — это и есть их рабочая модель исторического движения культуры, с которой они и участвуют, — сразу и во всей истории! А если смягчить вопрос: это модель Бытия или модель только внешнего Бытия? Но ответ-то должен искаяться в ответе на вопрос — а где используется модель? Во всем и всегда — во всем Бытии! А уж кто и что думает, кто и до какого уровня понимания поднялся — это другое дело, это так сказать, «частное дело». То есть родилась-то эта модель тогда, когда невольный ее создатель не видел ничего кроме внешнего Бытия и потому его держал за все Бытие. Ну а то, что он не помнит о себе и себя не видит, себя исключает из всей картины Бытия — ну это, так сказать, «беда», но модель от того не перестает быть моделью всего Бытия. Ведь участвует-то воля во всем и сразу Бытии! Вот в чем существенная поправка к рассуждениям о Бытии — мы решительно различаем Его от модели: трезво понимаем, что люди всегда имеют дело сразу со всем Бытием, а в своем мышлении имеют только модель. Вот и приходится огорчить авторов модного сегодня лозунга: «Мысли глобально, действуй локально», ибо мышление жестко ограничено сверху используемой моделью Бытия, «локально» (!), а вот мнимую локальность действия или степень условной локальности еще выяснять придется — ведь строго говоря, историческое действие всегда «глобально»!

3.3.4. Каков же способ модельного замещения?

Несмеловское «мысленное совмещение в пространстве и времени» — это не разовый акт, а самая суть объективно-научного способа восприятия Бытия как фактического модельного замещения Бытия конкретной моделью в психике персоны и совершается он всякий раз, когда персона «просто видит объект»! «Видение», на самом деле, есть акт опознания или идентификации и он на все лады исследован психологами как акт именно угадывания (акт психологический, а не «фотографирования», упрощенно говоря — с домысливанием): по одному или немногим свойствам объекта домысливаются все остальные. Но не в этом для нас главное, а главное в том, как конкретно это делается! «Домысливание» есть на самом деле, полнейшее замещение. Ведь как конкретно конструируется объект мыслью и из чего? Мысль совмещает

именно в этом моменте (этом «времени») все ей (не мысли, конечно, а всей психике) известные свойства объекта (память о «показаниях органов чувств») и совмещает в той точке, в которой обнаружено одно свойство.

Это принцип или способ замещения Бытия моделью Бытия настолько нам привычен и «прост», что вообще нами не замечается — для нас объект и мысленная конструкция, представляющая объект в нашей «голове» — это просто одно и то же. Нам «лень» их разрывать надвое и все время оговаривать как две сущности: Анри Бергсон много страниц посвятил доказательству того, что образ (по нашему — объект-представление) мы мысленно относим к тому же месту, где и стоит объект-материя! Другими словами, для тотальной рефлексивности нам нужна самая «малость» — все время различать объект-представление (мы его мыслью конструируем) и ему соответствующий объект-материю (с ним мы руками-ногами и «боками» и «нутром» имеем дело). Вот в этой динамичной «круговерти» и дан нам объект. Если к этому добавить, что подлинным субъектом и науки, и экономики (мысли и действия!) является историческое человечество и это ему-то и «дан объект», а персоне — в меру того, насколько она представляет от имени полного субъекта своими руками-ногами или «мозгами», то можно считать, что с тем, как же «дан» объект, мы разобрались. Ведь что мы делаем сейчас? Мы объясняем, как нарастал вал описаний действий, которые сопровождали действия («руками» и «ногами»), как складывалась модель мира, в котором мы действуем. Иначе говоря, новое понимание через опосредование мысленной конструкцией — первой моделью Бытия — в его конечном итоге опираться может только на то же понимание плотью, больше не на что. Восприятие Бытия по-человечески, конечно же, сильно усложнилось, на первый план выдвинулись сложные интеллектуальные конструкции, на них-то и сосредоточено все внимание, они кажутся самодостаточными — ведь первая модель Бытия впрямую теперь не обращается к показаниям органов чувств или эмоциям. Но это означает лишь, что последние скрылись под иными именами — именами собственными объектов. В чем различие «опознания цели» и «обнаружения объекта»? Объект фактически понимается как самосущее, как существующее по своим законам и мысль стремится эти самые законы изучить и тем самым овладеть ситуацией и правильно обращаться с объектом: предсказывать и предвидеть его «поведение». Акт же опознания цели просто «включает» программу реагирования на различенную цель. Цель возможна в психической жизни до ее деления на субъективную действительность и объективную реальность. Ни с целью, ни с ее признаками такая психика «ничего не может поделаться», ибо она к ним не может «отнестись», ведь они — ее собственная суть! Лишь превратив их в свойства объекта и тем самым выделив в отдельное бытие (и положив его перед своим, теперь уже, мысленным взором) психика сподобилась на проект переделки объекта! Это «внешнее отношение» — то минимально необходимое, без чего деятельность (как действие по проекту) вообще невозможно. Только изготовление орудий вынудило живое существо (персону) проводить процедуру «овнешнения» собственных интеллектуальных конструкций. Как это утверждал и Анри Бергсон, мы выносим свою интеллектуальную конструкцию (строго говоря, у Бергсона — образ, Несмелова он, наверное, просто не прочитал) вовне и ставим перед собой. Где конкретно ставим? Там, где и стоит объект-материя! Но мы их отождествляем, точнее, еще не различаем, еще не взяли себе за правило вести двойную бухгалтерию и все время оговариваться о сути «дано» и выполняемых нашей психикой

манипуляций! Не замечаем, просто игнорируем сам акт модельного замещения, а наивно полагаем, что моделируем только тогда, когда сознательно прилагаем какую-то модель. Но ведь мы ее прилагаем к описанию, то есть уже к модели, а не к Бытию. Ведь с Ним-то мы изначально имеем дело, с одной стороны, «брюхом» и «боками», с другой — «руками-ногами», точнее, всем своим психо-физиолого-физическим существом. Потому, когда мы начинаем с описания, значит мы уже «внутри» интеллектуальной культуры, по крайней мере, в языке как месте ее конкретного обитания! Мы имеем дело уже с моделью Бытия, а не с Ним самим. А лукавство заключено в словечке «восприятие», точнее, в понимании его механическим по функции — грубо говоря, по умолчанию, оно считается чем-то простым и очевидным, не нуждающимся в обосновании и доказательстве, а фактически восприятие понимается как допсихический процесс, подобный фотографированию или записи звука в технике. Но восприятие как цельный психологический процесс есть «сотрудничество» с мыслью, с ее «продуктами»! Восприятие сугубо по-человечески не есть нечто наследуемое, а есть прижизненно создаваемый способ восприятия, суть которого в том, что уже до всякого акта восприятия, персона настроена в высшей степени предубежденно — она настроена не просто смотреть и видеть («саму реальность»), а настроена искать и находить объект как штуку Бытия в пространстве как внешнем к персоне вместилище объектов. Она ищет и находит расположение объектов в пространстве как базовое свойство ситуации. Более того, она и само Бытие видит предубежденно — не как историческое движение-течение с плавным перетеканием будущего в прошлое, а как набор «рубленных» ситуаций, каждая из которых напрочь стирает предыдущую и начинает все с нового листа: для механической системы будущее полностью задано значениями фазовых координат в данный момент и принципиально не зависит от фазовой траектории, по которой система пришла в данное свое состояние. Но прошлое, вся предыстория не имеет никакого значения! Мы за позитивное держим чисто негативное определение механической системы — то, у чего нет памяти о всем прошлом в принципе! Подводя итог, можно констатировать, что восприятие сугубо по-человечески есть, фактически, интерпретация всех поступающих показаний чувств на наперед заданную концептуальную модель Бытия.

3.3.5. Идея бытия как идея чистого бытия

На протяжении всей своей книги «Феномен человека» Тейяр де Шарден очень настойчиво проводит одну и ту же мысль — из изучения костей и черепов нам ну никак не выявить важнейшую, ключевую сторону всего антропогенеза — подъем степени осознанности человеком себя. То есть своей психической жизни и всей с ней намертво связанной своей же деятельности. Но что это означает буквально — отнестись «со знанием» к собственным эмоциям, ощущениям от окружающего мира, а главное, — к своим мыслям? Вот этим мы и будем заниматься, но строго научно. И первый акцент сделаем на том, что логическим условием того, что к чему-то вообще можно относиться, является его наличие — оно должно прежде того просто быть. Осознавать можно только то, что уже есть. То есть, действительное, фактически состоявшееся, но до осознания (как еще не опознанное) вхождение идеи бытия в интеллектуальную культуру произошло, на самом деле, задолго до того, как люди ее осознали. Но оно

произошло в скрытном, латентном виде — как принятие конкретной формы бытия — как бытия объекта, существующего (как «есть», как гегелевское Нечто). То есть в действительный оборот интеллектуальной культуры сначала по факту вошла конкретная модель конкретного бытия — модель бытия объектов-материи. Только Гегелем — как его идея чистого бытия — эта идея выявлена как отдельная идея. Но и это, как оказалось, совсем не означает, что тем самым мы уже добрались до этого самого «чистого бытия» и вот — оно, у нас в руках! Да, немецкая классическая философия стала оперировать «в себе и для себя сущей вещью», но ведь все конкретные науки, по-прежнему, за эту самую «вещь» держат описание объектов. Это ответ на вопрос: от чего же не удалось очистить идею бытия («вещи»!)? От познания ее в явлении. И нельзя вообще разводить гносеологию и онтологию в якобы отдельные отрасли философии. Ибо акт познания совсем не безобидный по части вопроса о бытии! Ведь самым этим актом происходит модельное замещение Бытия моделью. Но сама модель-то ведь тоже как-то, пусть и в «мозгах», но есть! Бытийствует, пусть и в виде идей, знаков, смыслов («информации»), то есть начинают плодиться «крючки» по этому поводу, приумножаться, вылезая за границы, наперед заданные! Никакая такая статичная модель Бытия как бытия все и вся вмещающего просто не получается и нет никакого смысла тужиться хотя бы «здесь и сейчас» все это мысленно ухватить. И усилия Хайдеггера и Сартра на этот счет всем известны: не помогает ни «схватывание», ни «постав», ни «вот бытие» — это тоже результат. Нам же сам собой напрашивается исторический подход — как это было «на самом деле»: автор не предлагает свои предложения по составу Бытия и способу бытия, а предлагает посмотреть, как это было в действительной истории, что она нам «предложила», то есть, как и в каком конкретно виде вошла идея бытия в жизнь человечества и во что это ему «обошлось», то есть какие заблуждения возникли от неразличенности Бытия и первой модели Бытия? Еще жестче: какие свойства модели мы, не осознавая того, переносим на «само бытие» и вменяем ему в качестве якобы собственных его свойств? Откуда взялась идея бытия и идея Бытия? Что Нечто просто есть. Это еще куда ни шло, но вот идея Ничто здравому рассудку (и наивно натуралистическому, а главное — антиисторическому мышлению!) предстает неким абсурдом. Для чего Гегелю потребовались эти «категории»? Чтобы заменить реальное и историческое развитие живых и мыслящих существ самодвижением одной только мысли, которая по его конструкции якобы сама себя для своих же целей и разворачивает. Грубо говоря, у Гегеля «все правильно» с той только оговоркой, что Мышление не само по себе (произвольно и целенаправленно, «сознательно») и для каких-то своих высших, а главное — собственных, внутренних целей, создает свои конструкции, полагая внешний мир мыслимого как некое в себе совершенное и недвижимое здание, а мышление всего лишь одна из функций (еще точнее — всего лишь сторона) психики живого организма, «втянутого» в Бытие, «вброшенного» в не им созданную жизненную ситуацию и вынужденного проводить свою волю в этих, мягко говоря, не всегда доброжелательных обстоятельствах и использующего мышление, его «продукты» для повышения эффективности (и статуса) своей воли в Бытии. Вот эта минимальная схемка жизни (пусть тоже условного, но все же кванта жизни) и дает возможность понять, что идея бытия — это идея жизни для нас, то есть это идея бытия в ее генетически первичной форме — как длительность. Она для нас, конечно же, не интеллектуальная конструкция, а первичное, слитное и неопределенное — «не

имеющее пределов» в том смысле, что у нас нет возможности выразить его через что-то иное, нам якобы более понятное. Для такого предельно первичного «чувства» у нас иных выразительных средств нет и именно потому оно нам кажется чем-то не только не научным, но даже и не «реальным»! И зря: в идее длительности Бергсона — генетический корень и идеи бытия, и идеи исторического чувства. А разве это не одно и то же? Собственное бытие (и его прочувствование) впрочем, нельзя именовать идеей в нашем обычном смысле слова — как понятие в развернутом виде. А вот историческое чувство—это уже отношение персонального бытия ко всему Бытию, то есть идея о том, в чем мы живем! И это совершенно другое! Наверное, можно спорить со Шпенглером по поводу того, насколько было присуще историческое чувство людям других культур и цивилизаций, но нам, как представителям новоевропейской культуры, оно должно было бы быть не просто присуще, а прямо-таки составлять основание нашей интеллектуальной культуры, ибо Освальд Шпенглер ставит всей новоевропейской культуре в качестве важнейшего и тяжелейшего (общекультурного, а не узко научного!) достижения освоение, введение в оборот (и «почти осознание») идеи истории как идеи исторического движения. Но и он же настаивает на том, что мышление наше неисторическое! А причина в том, что на «чувство» давит мышление в рамках первой модели Бытия, которая решительно антиисторическая. Чтобы объяснить это странное утверждение нам необходимо, уже с позиции полученных результатов (истории и «устройства» первой модели Бытия) вернуться к идее памяти.

3.3.6. Действительная история идеи памяти

Тезис о том, что «память есть снятие времени» уместен лишь на том этапе развития наших представлений об истории интеллекта, когда мы, преодолевая механические модели, вводим память как нечто сверх всего, как нечто новое и дополнительное к миру радикально беспамятной материи. Но все это — перевернутый мир. А перевернули мы его, заявив, что отсутствие памяти у материи — это норма, точнее, конечно же, такого открытого заявления никто никогда не делал, а как бы оно подразумевалось самим актом принятия на вооружение механической модели Бытия. В действительности же, памятьливость, наличие памяти — это норма и нормальность, так сказать, «обыкновенность» в мире психическом, более того, оно есть коренное его собственное свойство. Художественно выражаясь, насколько мы помним — настолько не властно над нами время, но память живых организмов выборочна и разборчивость эта имеет не научный смысл, а смысл практический — запоминать то, что актуально для выживания и так, как актуально для выживания. Как «частичность» памяти живого связана с его становлением? Выборочная память и есть «щель» свободы «слепого» живого в его (вначале — хаотичном) волении, оно тем самым само себя полагает?! И человек — произвольно сам себя выстраивает, сам себя «лепит» из того, что есть для него — то есть из того, что он в себе обнаружил? Отгадка, как всегда, в моделях Бытия, точнее, в истории моделей. Как они и из каких задач зарождались и как развивались, а главное — когда в них появилась впервые возможность сформировать, выразить и тем самым ввести в научный оборот идею времени и памяти? «Пустое» физическое пространство мы представляем себе тремя координатами, уходящими в так называемую бесконечность, что есть, конечно же, умственное дополнение «интуиции», то есть плотского опыта активности в движении. Но дело не только в этом

дополнении идеей бесконечной протяженности, но и в додумывании до идеи непрерывной линии — на самом деле для нас протяженность всюду разрывна, это пунктуал, а не линия! Ну а подлинно непрерывной для нас является длительность, «мы длимся» — утверждает Бергсон. Но, как и «чем»? Памятливостью. Она есть главная «материя» для ощущения нами нашей длительности как собственного свойства! Психическое вообще длится, это его так сказать основное свойство (выдвинем пока такую гипотезу), а дление синоним тотальной памяти, то есть это норма для психического, а «забывчивость» есть как бы «слабость» или ущербность в психическом мире? Потому развитие памяти по линии ее качества (а не комбинаторики!) за счет все более глубокого осознания своей жизни как феномена, психически переживаемого, и есть снятие времени, точнее самого становления, разворачивающегося в длительности. Самотождественность и ее установление не требуются — это обратное отражение из мира самого себе нетождественного, это в нем такие проблемы, а в мире «я есмь» эта проблема предстает как надуманная и ненужная. Ведь память как «прямой» и именно сугубо психический феномен, как базовое и фоновое свойство самой психики не требует модельных добавок — «дисков», дискет, флэшек, магнитофонных катушек. Все они — механическая модель памяти, сверх механического психического феномена, но не наоборот! И памятьливость как норма позволяет понять смысл подмены — мы историческое движение пытаемся себе понимать как движение точки по прямой линии! В пространстве.

3.3.7. Идея цельности и история этой идеи

Начать следует с утверждения о том, что мы имеем искаженное понимание идеи целого или цельности. А искажено оно историей развития нашего познания: мы изначально цельность представляем как некую искусственную организованность из частей! Но это позднейшая и вторичная придумка, причем, это, так сказать, вынужденная мера — как реакция на утрату подлинной цельности как таковой в первой модели как таковой. И утрата происходит в процессе познания: ведь если мы нечто оставляем целым в себе, то о нем мы ничего не знаем и ничего сказать не можем («черный ящик» — это нечто, не «распиленное на части» и потому не исследованное!). Попросту говоря, само наше познавательное отношение через деления — это одно, а собственные деления в познаваемом, то есть ему присущие до изучения и независимо от изучения — это совсем иное, но наивный натуралист свои же деления приписывает изучаемому. Мы постигаем, понимаем и изучаем только через отношения с чем-то, вначале — через отношения со своей телесностью: ведь и амеба прекрасно понимает «мир», точнее, цельное и нерасчлененное даже на внешнее и внутреннее Бытие, она понимает теми же «боками», которые лежат и в основе нашего понимания!

Грубо говоря, не поделив на части и не установив между ними отношения, ничего и не изучишь! Все наше знание — это знание об отношениях, о силовых и двигательных взаимодействиях. Мы и не можем обойтись без деления, а значит и без вопроса о составе, без отношения «состоять из». Мы вначале делим, а потом, изучив и поняв, собираем мысленно, то есть условно опять в нечто целое. Но это уже не то целое, которое было первично! Более того, не всегда и собрать-то можно! Изложенное позволяет отнести к философии всеединства В.С.Соловьева

гораздо серьезнее. Как к попытке восстановить и исчислить утраченные собственные свойства Бытия. Правильное описание идеи Бытия как исторически родившегося в конкретной форме бытия (как существования!) вынуждает не просто вернуться к построениям Соловьева о всеединстве, но и совершенно по-новому взглянуть на них. Ведь это не его предложение или мечтания, а объективный закон, то есть изначальные и собственные свойства Бытия, еще не разрушенные нашим убогим способом познания. Содержательно акт замещения Бытия первой моделью Бытия состоит в том, что мы все «режем» на части, а «сшить» забываем и считаем вот это разрозненное и вырванное из исторического «потока» самим Бытием. Все дело — в тех выдуманных делениях, которые присущи актам нашего познания (мы так видим!), но не познаваемому как таковому (не «в себе и для себя сущей вещи» философов). Так вот и подлинную цельность мы должны понимать не как то, что мысленно восстановили после познавательного разрушения, а как то, до чего «еще не добрался» наш пытливый ум, все и вся секущий на части и режущий по живому. Исторический подход позволяет объяснить грандиознейшее движение во всей современной науке, затронувшее почти все научные дисциплины — движение системного мышления. Вот только дело не в системном анализе, как «анализе», как разложении на те «составные» части, которых нет. И которые никогда и не были никакими частями, а телом монолита! А в системном синтезе — в поиске того, что при (мысленном!) делении было утрачено или в «стирании» границ, которые были проведены актом модельного замещения там, где никаких границ нет! То есть триумфальное шествие системного метода по всем наукам — это итог восстановления целостностей. Но этот запрос времени системщики реализовывали в пределах первой модели Бытия, нисколько не затрагивая ее оснований, то есть, не подвергая сомнению объективность «объективной реальности», а действуя лишь «методом заплаток». В таких условиях системщики вынуждены декларировать смутное требование «брать» предметы наук шире и глубже. Но все дело не в этом неопределенном шаге, а в системном синтезе. Потому идея целого или цельности должна быть иной и апеллировать как бы к «природной», еще не разрушенной познанием и познавательными отношениями «естественной» или «живой» цельности. Вульгарно выражаясь, онтологию нужно освободить от гносеологии, но не ситуационно по Канту — от одного отдельного «акта познания» и априорного знания Канта, а от «всей истории» развития интеллектуальной культуры — как нынешней неосознанности в применении моделей Бытия. Итак, вопрос о границах (о частях и целом) есть вопрос ключевой, но и он нами всегда и везде понимается очень примитивно — как граница физически-телесная! Но ведь она может быть и какой угодно другой! И наоборот: наличие так привычной и понятной нам границы физическителесной не мешает быть иным целостностям — смысла, идеи, судьбы и т.п.! Потому всегда должен ставиться вопрос о границах и топологии (об отдельности и цельности!) — а в каком она смысле?! В какой модели Бытия? Ну то, что «первый блин комом» — совсем не случайность, ведь первая модель Бытия сложилась в задачах механической деятельности. Но на этом построено не какое-то там отвлеченное и безобидное познание во имя познания, а все наше «видение» и понимание всего и вся. И на этом мы основываем всю свою жизнь. А раз видим и понимаем все как разрозненное и все свои планы на таком понимании Бытия основываем, то тем самым, и всю свою волю употребляем на упорствование в этом заблуждении, то есть рознь и разделение всей своей жизнью насаждаем там, где

его не было или не должно быть! То есть из интеллектуальной несостоятельности (но авторитетом науки!) утверждаются фактически низкие этические решения! Вульгарно выражаясь, интеллектуальная неразвитость не может служить оправданием зла, но весьма может ему поспособствовать утвердиться в душе персоны и целого общества — ведь идеологии и есть неконтролируемые сростки этических решений и якобы научных построений. И нет, наверное, более злободневной проблемы, нежели строго научное различие узко интеллектуальной и «чисто» этической сторон современной культуры. Это само по себе, конечно же, не сделает людей духовно выше и морально чище, но, резко сократив возможности для маневра жуликам от политики, идеологии, экономики (и далее по списку), создаст иную культурную ситуацию — многие «неразрешимые» проблемы конструирования общественной жизни, получив подлинное научное обоснование, перестанут быть спорными и раздражающими общество.

4. ИТОГИ

Выводы из изложенного представим с трех разных точек зрения. Во-первых, сохраняя верность историческому подходу, объясним особое место первой модели Бытия не только в интеллектуальной сфере, но во всей культуре и даже во всей эволюции жизни на Земле. Во-вторых, перечислим свойства модели. И, в-третьих, кратко опишем положение в мире моделей Бытия.

4.1. Итоги общекультурные

Первая модель Бытия есть нечто необычное, непривычное и, в то же время, в высшей степени удивительное и неповторимое: это уникальное и единичное в истории развития жизни на Земле, это разовое завоевание человечества, раз и навсегда необратимо изменившее ход его истории. Оно не имеет аналогов и его не с чем сравнивать по значимости. Что же произошло? Прямо опираясь на простые и односложные внутриспсихические феномены, такие как ощущения и эмоции, более того, прямо работая с ними и конструируя из них всеобщим образом, за счет этой всеобщности и одинаковой понятности мысль смогла подняться над персональностью и изолированностью, смогла переконструировать свои продукты во всеобщий феномен и придать им тем самым надперсональный и уже социальный статус, превратив в феномен объективной науки. Вот только слово «объективный» вовсе не означает отрыв от субъекта вообще, а означает надперсональность, точнее трансперсональность, но не более того. И наука имеет своего субъекта, строго говоря, таким субъектом является напрямую общество как целое. Конкретнее — человечество как историческое целое, протяженное сквозь поколения и тысячелетия до животной стаи. Из-за этого у персон-одиночек при их соприкосновении с грандиозным зданием науки создается ощущение, что они имеют дело с чем-то абсолютным и окончательным, с уже завершенным (пусть и в отдельных дисциплинах) знанием, то есть со знанием высшего, божественного статуса! Но именно это-то есть решительная ошибка и заблуждение: добавка «объективное» к слову «знание» приложилась в пылу борьбы за надперсональный характер и означать она может только социальность,

обобщенность в пределах всего исторически протяженного человечества. А отнюдь не абсолютное! Для абсолютности не хватает «чуть-чуть» — той самой абсолютной методологической позиции исследователя, к которой каждый совсем бессознательно стремится и не может не стремиться. Но живые существа, начинающие свое интеллектуальное развитие с ощупывания (активного и силового) окружающего их мира, должны особо позаботиться об изучении ценности так добываемого знания как об отдельной и, может быть, важнейшей проблеме! Выявление первой модели Бытия и ее истории и свойств — первый и прямой шаг на этом пути. Много бумаги переписано на предмет так называемой конвенциональности (проще — договорности), а также парадигмальности («единомыслия» в пределах школ и направлений) научного знания, но эти построения имеют смысл, только как отсветы гораздо более серьезного, а главное, более изначального и всеобщего для исторического человечества «договора», который и договором-то, конечно же, можно именовать только по его результату, а по исполнению все было «само собой» и, более того, было именно так, как описано, и не могло быть иначе. Речь идет о стихийном складывании первой модели Бытия. И ее свойств, которые укоренены в нашем психо-физиолого-физическом устройстве, с одной стороны, и в истории форм двигательной активности живого — с другой. Психо-физиолого-физическое устройство и механическая двигательная активность и составили ту совокупность обстоятельств, которая буквально продиктовала свойства первой модели Бытия! А сама первая модель есть способ стать над персональной изолированностью психической жизни таких вот живых существ (с таким вот конкретным психо-физиолого-физическим устройством и из этого вытекающего способа ощупывания мира) и начать строить грандиозное здание науки всеобщим, попросту говоря, всем одинаково понятным образом. Люди так «договорились» не договариваясь в буквальном смысле слова. Г. П. Щедровицкий, понимавший ограниченность наивного натурализма так глубоко, как, пожалуй, никто другой, между тем указывал, что критика его весьма проблематична ([14], стр. 279) Излагаемое же в данной работе историческое объяснение конкретно обосновывает этот тезис великого методолога. Наивный натурализм и лежащая в его основаниях первая модель Бытия — это то, с чем человечество вышло из немоты животной жизни, жизни в иных отношениях вполне развитой, богатой ощущениями и эмоциями, но напрочь лишенной богатства интеллектуальных построений — рассуждений, сравнений, измерений. Только социализация меры действия породила обобщение и миров мышления, то есть феномен сугубо человеческой интеллектуальной культуры. Объективное знание оторвалось от персонально переживаемых психических феноменов и стало всеобщим, всеобщим предъявимым методом перевода операций деятельности на внешние «меры всех вещей» — линейки-метры и гири-килограммы. Это и есть прямое объяснение того, почему высшие животные, имея психическую жизнь в иных отношениях почти соизмеримую по изощренности с человеческой, не смогли и не могли выработать ничего подобного человеческой интеллектуальной культуре. Их мысль ограничивается прямыми связями эмоций и показаний органов чувств. Потому, не имея возможности овнешнить эти внутренне переживаемые конструкции, животные просто не имеют ничего сказать друг другу, их надперсональная «интеллектуальная культура» крайне бедна — в прямых экспериментах над приматами, обучаемыми языку глухонемых, не удалось выявить ничего, кроме полудюжины

маловыразительных призывов-сообщений об опасности, страхе, пище или выражений агрессии. Поэтому, подводя итоги, первым тезисом следует выдвинуть не конкретные свойства первой модели, налагающие ограничения на область допустимого ее применения, а именно указать на уникальность, неповторимость и единственность первой модели Бытия и на те (как нам до сих пор казалось, безграничные!) возможности познания и выражения мыслей в языке, которые открылись на основе ее использования! И, лишь во вторую очередь, следует обрести научную трезвость и вернуться к истории, к вытекающим из истории и историей объясняемым свойствам, то есть к точному исчислению собственно модельных возможностей и пределов применимости первой модели Бытия.

4.2. Собственные свойства первой модели и пределы познания на ее основе

Собственные свойства первой модели Бытия, присущие только ей самой, но ошибочно переносимые и на Бытие, уже были и описаны, и объяснены (стр 101). Их два — составность Бытия, еще конкретнее — рядом положенность и антиисторичность. Вывод из первого. Бытие не есть сумма бытий (строго говоря, в русском языке вообще нет множественного числа от «бытие»!), а есть нечто единое и всецелое в принципе. И дело не только в делимости Бытия на объекты. Ведь когда мы моделируем «только объекты» или только объективную реальность, мы на самом деле моделируем Все Бытие, разрывая Его на двое — на объективную реальность и свою волю (строго говоря — субъективную действительность, извне предстающую как воля), которую мы ей противопоставили. То, что мы не хотим видеть субъекта, свою волю или волю тех собирательных субъектов, за которых мы «подписались» — ну это наша убогость и ограниченность, это наша тупая нацеленность на объект, которая и дала (воля дала!) разрыв и самозабвение. Мы говорим, что моделируем объекты, а моделируем свою активность, свою деятельность над ними, «просто» о себе на время забываем, ибо у нас якобы с собою «нет проблем», но это мы так свою волю (как часть Бытия!) понимаем. Рефлектировать — это видеть еще и волю, только таким может быть первая рефлексия или первый шаг рефлексии! Искать ту волю, в которую ты включен — вот что для персоны это означает. Злая эта (тобою слабо или совсем не осознаваемая) воля или добрая? В какую «форму деятельности» ты включился или, что гораздо лучше, только собираешься включиться? И этот ряд сугубо практических в кантовом смысле выводов можно продолжить. Такие вот выводы из «чистого разума» на первом же шаге рефлексии, если, конечно понимать ее правильно, то есть исторически, а не ситуационно. Вывод из второго — утратили историю, ибо выдумали «существование» — способ понимания Бытия, может и удобный для первичного его познания, но напрочь коверкающий его суть — нет такого способа бытия, по крайней мере, нет ни для человека-персоны, ни для человечества! А только неостановимое и необратимое историческое движение и далее по списку всех свойств теоретико-системного класса «развитие», напрочь отрицающего все свойства существования. Биологически-механическая «борьба за выживание» во всеобщем круговороте взаимного пожирания живых организмов — детский лепет по сравнению с тем, насколько нелегко жить человеком: или к божественным высотам или в бездну ада и никакой спасительной «середины» нет, точнее, она все время разверзается пропастью

«вызовов» или проблем. И это лишь небольшая часть того, что несет нам идея развития как способа бытия. Четкое различие Бытия и первой модели Бытия, а также исчисление свойств модели неумолимо ведет нас к выводу, что такие собственные свойства модели Бытия как составленность из частей и антиисторичность мы просто не имеем никакого права вменять самому Бытию. Или, точнее, всякий раз мы обязаны как-то обосновывать применимость первой модели для решения конкретных задач. Например, механическое устройство вполне нами может пониматься как составное, но организм живого существа с самого момента его рождения был целым и живет только как целое или просто не живет! Второе свойство — антиисторичность. Строго говоря, мышление на основе первой модели Бытия просто не способно «ухватить» историю. Модель бедна выразительными средствами, и она просто не вмещает в себя довольно сложную идею исторического движения. Но проблема-то в том, что мы такое свое в принципе неисторическое, доисторическое мышление считаем способным как-то так сразу, «от природы», без специальных ухищрений ухватывать самый ход истории и вот тем самым превращаем его уже в антиисторическое мышление, то есть в нечто, нас решительно обманывающее в наших надеждах на понимание сути, смыслов исторического движения! Вот эти два свойства первой модели Бытия мы теперь требуем не переносить на само Бытие или, другими словами, ограничиваем область ее применения. Но ведь до сих пор она считалась универсальной, всеобщей применимой и на этой уверенности и сложилась интеллектуальная сфера. В результате мы имеем следующее положение.

1. Интеллектуальная культура человечества мнит себя самодостаточной и способной из себя и своими средствами разобраться во всех своих проблемах, чисто интеллектуально поразрешить все свои задачи. Это и есть ближайшее выражение ситуации — она в очень хитрой ловушке наивного натурализма. Он работает на уровне персональной психики и наивные натуралисты, по умолчанию, прекрасно понимают друг друга. Неосознанность модели и есть огромная плата за связывание персональных миров мыслимого в единое мышление общества как целого (точнее, оно первично и лишь позволило в себе жить мирам персональных мыслей без проблемы взаимного понимания—все всё понимают одинаково, всеобщим образом и это вот всеобщее мышление есть мышление в понятиях, «чисто социальный» феномен!).
2. Всеми используется, но никем прямо не осознается исторически первая (и по логике развития — первая) модель Бытия: природа, реальность, объективная реальность, мир — это уже модельное замещение «самого» Бытия. Художественно выражаясь, это уже «смоделированные» природа, реальность, объективная реальность, мир, вселенная. И все якобы различные наши мировоззрения просто вынуждены, по крайней мере, начинать с этого, в самом прямом и конкретном смысле, прокрустовы ложа!
3. Проблема не в том, что используется модель Бытия и мы всегда в мыслях (а точнее, как было показано, на самом деле, сразу во всей психике) имеем дело с моделями Бытия, а не с Ним самим, а в том, что это нами не осознается. Это и есть суть наивного натурализма. И не следует полагать, что нам из него легко выбраться: почти все наше интеллектуальное вооружение наработано в этом состоянии! А потому выход только один — точно исчислять используемые

модели, фиксировать акты принятия моделей или акты постулирования онтологий. И путь для этого один — историческая реконструкция обстоятельств (форм поведения еще животных, а затем и деятельности человека), в которых складывались те или иные психические конструкции, вошедшие впоследствии в первую модель Бытия и в ее «усложнения».

4. Речь идет о решительном повороте понимания всей гносеологии. Ведь как до сих пор принято понимать задачи познания? Главное — добраться (приборами или с приборами) до глубин океана или звездного неба, главное, чтобы тебе Мальчиш-Кибальчиш открыл самую важную тайну, но вопроса о том, вместится ли она в тебя, вообще не стоит! Изложенное же решительнейшим образом разрушает гносеологический оптимизм натуралиста, ставит «предел сверху» в виде моделей Бытия, да и самое «качество» нашего знания резко снижает — это знание о том, как попользоваться миром, а не том, как мир устроен сам по себе! Утрируя, наши знания — «сумма технологий».

4.3. Итоги как итоги сугубо модельные

Принятие изложенного имеет своим ближайшим следствием отрицание способа бытия «существование» и якобы составности бытия (отношения «состоять из») в качестве всеобщих собственных свойств Бытия. Это означает, что научное признание изложенного в данной работе необратимо ведет к необходимости постулировать как «состав», так и самый «способ» Бытия заново и теперь уже «с оглядкой», с осознанием того, что делается, в понимании смысла акта постулирования онтологии как акта замещения Бытия моделью. Ведь различие Бытия и модели Бытия вынудило нас различить само Бытие и первую модель Бытия: мы вынуждены признать составность свойством модели, а значит Бытие — (мы вынуждены, по крайней мере, допустить это!) всеединое и всецелое. Но как тогда его изучать? Через те же категориальные пары, условные деления, но с постоянным «стиранием» или преодолением границ, со «сшивкой» их? Но и самый способ бытия «существование» мы относим тоже к первой модели. Ближайшее из этого следствие в том и заключено, что «существование» — это не свойство самого по себе Бытия а наша модельная конструкция, предвнесенная человечеством на самой заре его развития в его интеллектуальную сферу из практики решаемых задач. Из способов бытия самого человечества. Потому над нами дамокловым мечом висит вопрос — «а на самом деле как, какое же Оно, Бытие само по себе?»! Мы никак не можем смириться с разрывом между моделью Бытия и самим Бытием, с идеей различения сущности и явления, в чем собственно, и заключена вся философская культура — как же «работая» с явлениями, все-таки узнать что-то про сущность? Или хотя бы как-то подправить или приблизить! «Знать желают люди!». Но идея «Бытия в себе и для себя» нам важна только вот в этом отношении — чтобы помнить, что реально-то мы имеем дело сего моделям и заместителями и это невозможно никак перепрыгнуть. В наличии у нас модели и только модели (если мы и будем подправлять первую модель Бытия, то это будет опять модель), а потому и имеет смысл обсуждать не отношение модели Бытия и Бытия, а историю моделирования Бытия в действительной истории человеческой культуры! Историю моделей. Но как конкретно? Откуда берутся модели? Модели «просто» постулируются, утверждаются людьми, вводятся в оборот мышления и

проектирования. Но ведь они «работают» и влияют на реальное Бытие. Вот тебе и юрьев день! Грубо говоря, недопонимание, которое принято считать только интеллектуальной проблемой, прямо влияет на нравственные решения и открывает простор для идеологической манипуляции по схеме «2 в 1»: если воровство и грабёж называть «начальным накоплением капитала», то и сама «чисто» этическая оценка смещается под давлением авторитета науки.

Если рассуждать о том, «как надо было бы строить модель?», то ответ очевиден — так, чтобы она соответствовала тому, что ею моделируется. Вот только, как мы сейчас выяснили, само это соответствие может быть в действительной жизни действительных людей только относительным — относительно их задач, их жизненных проблем, деятельности и ее «форм»! Еще проще, и мы это показали по отношению к первой модели Бытия, люди постулируют, сами того не осознавая: — у них «так получилось»: для механических задачек — механическая Вселенная. Постулируют своей деятельностью по этой модели, и, шире и правильнее, всем собственным бытием — это не интеллектуальное построение, а сразу синкретичное, еще сращенное действие, но действие так, как будто бы в основе проекта его такое вот восприятие Бытия, такое его модельное замещение. И это мы выясняем лишь теперь, «поздним умом». Смена моделей — это шаг, это разрыв, это какая-то ступень, а не плавное «перетекание» из одной модельной конструкции в другую. А потому все те накопления, пришедшие из реальной научной практики и скопившиеся под смутным пониманием нового теоретико-системного класса «развитие», представляют собой вовсе не подправку прежнего модельного способа бытия, а скорее его отрицание. Если и искать здесь генетическое наследование, то только под формою закономерностей развития самого нашего мышления о Бытии. То есть самый шаг рефлексии за человечество как целое сам нам навязывает выводы из него и подсказывает новую модель Бытия. Какую? Несоставность, всеединство. Развитие как способ бытия этого всеединого.

Предельный же уровень организации всеединого — все человечество (а не «вся материя», которая на проверку оказалась даже не стороной или аспектом Бытия, а всего лишь исторически первой и неосознаваемой моделью), прежде всего, духовная культура в ее всецелом и необратимом (!) развитии. Расширение это отнюдь не ново: например, М. С. Каган давно расширил бытие природы, добавив бытие духовной культуры — антропо-социокультуро-генез (/15/, стр. 76-77). Но он не добрался до вопроса о способе бытия духовной культуры человечества, а так как он постулировал ее бытие рядом, наряду с бытием природы и как существующее, то неразличенность модели Бытия и Бытия привели, и будут приводить к тому, что на бытие общества переносится самый антиисторический способ бытия! Итак, общий вывод. Осознание модельного замещения, необратимо отрицает наивный натурализм. Не только в области философии, где со времен Канта наивный натурализм нетерпим, но во всей науке и переводит ее развитие в сознательную фазу. Сам акт постулирования моделей требуется осознавать, контролировать и описывать как важнейший шаг, из которого только и вытекает обоснование пределов применимости стройной теории и всех ее выводов и построений. Во-вторых, нам как бы навязана вторая и по времени и по сути модель Бытия — как отрицание свойств первой модели. Нас не должен смущать этот негативизм — напомним, что ведь и первая модель строилась методом сугубо отрицательным. Но что с этим делать? Точнее, как работать в такой расплывчатой «модели» и, вообще, модель ли она в привычном для нас смысле — как замещение

Бытия. Как она замещает или в каждом случае замещение-то еще выстроить нужно? И удерживать его «сшивками»! А разворачивать во времени — шагами развития! Но они-то, как уже было установлено, не есть нечто только интеллектуальное, а сразу волевое. В-третьих, это и означает, что пора поднимать и вопрос и о «привязке» моделей Бытия к их действительным субъектам, то есть выходить на фундаментальную связь интеллектуальной сферы со сферой этической, решительно «поднимать» понимание фактического места, смысла, значения всей этической сферы. Они ведь совершенно не изучены в их правильной, исторической постановке. Но это уже совсем отдельная тема.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. И. Кант «Критика чистого разума, М»: Издательство «Мысль», 1994.
2. В.С.Соловьев Собрание сочинений и писем в 15 томах, М.: Изд-во ПАИСК при участии МП «Логос» и МП «Либрис», 1992, т. 1, Репринтное издание с Собр. сочинений В.С. Соловьева под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова, 2-е изд.
3. Философский словарь Владимира Соловьева, Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
4. [В. И. Несмелов «Наука о человеке»](#), Санкт-Петербург, Издание Центра изучения, сохранения и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.
5. К. Маркс «Немецкая идеология», М.: Изд-во политической литературы, 1988.
6. Эрнст Мах «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования», М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.
7. Л. С. Выготский «Психология», М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2000.
8. О. Шпенглер «Закат Европы» М.: ООО «Издательство «Айрис-пресс», 2006.
9. Ф.Т. Михайлов «Общественное сознание и самосознание индивида», М.: «Наука», 1990.
10. Анри Бергсон «Избранные труды», М.: «Московский клуб», т. 1, 1992.
11. Роберт Г. Джан, Бренда Дж. Данн «Границы реальности. Роль сознания в физическом мире», перевод с английского, М.: Объединенный институт высоких температур РАН, Московская типография № 2 РАН, 1995.
12. М. Мамардашвили «Как я понимаю Философию», М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992.
13. М. Мамардашвили «[Стрела познания](#)», М.: «Тайдекс Ко», 2004.
14. Г.П.Щедровицкий «Избранные труды», М.: Шк. Культ. Полит., 1995.
15. М. С. Каган «Эстетика как философская наука», СанктПетербург, ТОО ТК «Петрополис», 1997.
16. Г. В.Ф. Гегель «Феноменология духа», М.: «Наука» 1992.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ *_*

http://roii.ru/publications/dialogue/article/36_1/repina_l.p./intellectual-culture-as-an-object-of-research

Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века

https://www.researchgate.net/publication/329337156_Istoricnost_i_istoria_v_intellektualnoj_kulture_XXI_veka

Интеллектуальная культура в просветительской интерпретации

https://www.phisci.info/jour/article/view/601?locale=ru_RU